

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.26794/2226-7867

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-67071
от 15 сентября 2016 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77-67071
of 15, September, 2016

Периодичность издания – 6 номеров в год

Publication frequency – 6 issues per year

Учредитель: «Финансовый университет»

Founder: “Financial University”

Журнал входит в перечень периодических
научных изданий, рекомендуемых ВАК
для публикации основных результатов
диссертаций на соискание ученых степеней
кандидата и доктора наук, включен в ядро
Российского индекса научного цитирования
(РИНЦ)

The Journal is included in the list
of academic periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission for
publishing the main findings of PhD and
ScD dissertations, included in the core of the
Russian Science
Citation Index (RSCI)

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 44090 в объединенном
каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 44090 in the consolidated
catalogue “The Press of Russia”

Vol. 9, No. 3, 2019

HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES. BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY (GUMANITARNYE NAUKI. VESTNIK FINANSOVOGO UNIVERSITETA)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL



РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редсовета – **М.А. Эскиндаров**,
доктор экономических наук, профессор,
ректор Финансового университета,
академик Российской академии образования;

С.В. Алексеев, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, председатель Историко-просветительского общества «Радетель»;

А.Н. Аринин, доктор политических наук, директор Института федерализма и гражданского общества, депутат Государственной Думы Федерального собрания РФ первого (1993–1995) и второго (1995–1999) созывов;

А.И. Ильинский, доктор технических наук, профессор, декан Международного финансового факультета Финансового университета;

Ф.А. Лукьянов, председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»;

В.Д. Нечаев, доктор политических наук, профессор, ректор Севастопольского государственного университета;

И.Ю. Новицкий, депутат Московской городской Думы (1993–2014), заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Международного университета в Москве;

Р.М. Нуреев, д-р экон. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической теории Финансового университета;

А.В. Островский, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (РАН);

С.Н. Сильвестров, доктор экономических наук, профессор, директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета;

В.С. Степин, доктор философских наук, профессор, академик РАН, академик-секретарь секции философии, политологии, социологии, психологии и права РАН;

В.В. Фёдоров, кандидат политических наук, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), научный руководитель факультета «Социология и политология» Финансового университета;

В.Г. Федотова, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Институт философии РАН;

В.Ф. Шрейдер, доктор политических наук, депутат Государственной Думы VI созыва от «Единой России», член комитета ГД по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления, член-корреспондент Международной академии общественных наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – **А.Б. Шатилов**,
кандидат политических наук, профессор, декан Факультета социологии и политологии Финансового университета

Заместитель главного редактора – **А.Г. Тюриков**,
доктор социологических наук, профессор, руководитель Департамента социологии Финансового университета;

Заместитель главного редактора – **Я.А. Пляйс**, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета;

С.Ю. Белоконов, кандидат политических наук, доцент, руководитель Департамента политологии Финансового университета;

А.Н. Зубец, доктор экономических наук, профессор, проректор по стратегическому развитию и практико-ориентированному образованию Финансового университета;

В.В. Кафтан, доктор философских наук, профессор Департамента политологии Финансового университета;

В.А. Лапшов, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Московского государственного лингвистического университета;

Д.З. Музашвили, кандидат философских наук, заместитель декана Факультета социологии и политологии по учебной работе и международным связям Финансового университета;

Н.А. Ореховская, доктор философских наук, заместитель руководителя Департамента социологии Финансового университета

А.В. Пачкалов, кандидат исторических наук, доцент Департамента экономической теории Финансового университета;

Д.В. Петросяни, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института проблем рынка РАН;

Е.Е. Письменная, доктор социологических наук, профессор Департамента социологии Финансового университета;

С.В. Растргуев, доктор политических наук, профессор, заместитель руководителя по учебно-методической работе Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета;

П.Б. Салин, кандидат юридических наук, директор Центра политологических исследований Финансового университета;

П.С. Селезнев, доктор политических наук, заместитель первого проректора по работе с органами власти и региональному развитию;

Г.Г. Силласте, доктор философских наук, профессор Департамента социологии Финансового университета;

К.В. Симонов, кандидат политических наук, проректор Финансового университета;

А.А. Трошин, кандидат философских наук, заместитель декана по магистратуре и профориентационной деятельности Факультета социологии и политологии Финансового университета

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Е.В. Астахова, доктор исторических наук, профессор, ректор Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» (Украина)

Д. Байчунь, доктор наук, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений (Китай)

Н.М. Долгополов, заместитель главного редактора «Российской газеты», член Союза журналистов РФ, член Союза писателей Москвы и Межрегионального союза писательских организаций (Россия)

Т.М. Кальво Мартинес, доктор наук, профессор, директор Парижского международного института философии (Испания)

Р. Крумм, руководитель московского филиала Фонда имени Фридриха Эберта (Россия)

Д. Кьеза, итальянский журналист и политический деятель, депутат Европарламента (2004–2009) (Италия)

В. Макбрайд, доктор наук, профессор, президент Международной федерации философских обществ (США)

И. Мамед-заде, доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана (Азербайджан)

К. Мацузато, доктор права, профессор, Токийский университет (Япония)

А.Н. Нысанбаев, доктор философских наук, профессор, академик Академии наук Казахстана, научный руководитель Института философии Академии наук Казахстана (Казахстан)

Д.Е. Сорокин, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель Финансового университета, член-корреспондент РАН (Россия)

Ж.-Л. Трюэль, доктор наук, консультант по развитию международных отношений в РФ и странами СНГ, вице-президент Ассоциации экономистов Le Cercle Kondratieff («Кружок Кондратьева»), профессор Университета Париж-12 (Франция)

К. Уилкокс, доктор наук, заслуженный профессор кафедры управления Университета Джорджтаун (США)

EDITORIAL BOARD

Chairman of the Editorial Council – **M.A. Eskindarov**,
Doctor of Economics, Professor, Rector of the Financial University,
Academician of the Russian Academy of Education;

S.V. Alekseev, Doctor of History, professor of Department
of history and historical archive science of Moscow State
Institute of Culture, the Chairman of Historical and Educational
Society "The Guardian";

A.N. Arinin, Doctor of Political Science, Director
of the Institute of Federalism and Civil Society, Deputy of the
State Duma of the first (1993–1995) and second (1995–1999)
convocations;

A.I. Il'inskiy, Doctor of Engineering, Professor, Dean
of the International Financial faculty, Financial University;

F.A. Lukyanov, Chairman of the Presidium of the Foreign and
Defense Policy Council (SWAP), Editor in chief of the magazine
"Russia in Global Affairs";

V.D. Nechayev, Doctor of Political Sciences, Professor,
Rector of Sevastopol State University;

I.Y. Novitsky, deputy of the Moscow City Duma (1993–2014),
Head of "State and Municipal Management" Chair, International
University in Moscow;

R.M. Nureyev, Doctor of Economics, Professor, Science
and Research Coordinator of the Economic Theory Chair of the
Financial University;

A.V. Ostrovsky, Doctor of Economics, Professor,
Deputy Director of the Institute of the Far East, the Russian
Academy of Science;

S.N. Silvestrov, Doctor of Economics, Professor, Director of the
Institute of Economic Policy problems of economic security,
Financial University;

V.S. Stepin, Doctor of Philosophy, Professor, Full member of
the Russian Academy of Science, Academician-Secretary of the
Section of philosophy, political science, sociology, psychology
and law, the Russian Academy of Science;

V.V. Fedorov, Cand. Sci. in Political Science, Director General
of the All-Russian Public Opinion Research Center (VTSIOM),
the supervisor of the faculty "Sociology and Political Science",
Financial University;

V.G. Fedotova, Doctor of Philosophy, Professor,
Chief researcher at the Institute of Philosophy of the Russian
Academy of Science;

V.F. Schreider, Doctor of Political Sciences, deputy of the State
Duma of the VI convocation from the "United Russia", a member
of the State Duma committee on the Federal structure and Local
Government, a member of the International Academy of Social
Science

EDITORIAL COUNCIL

Editor in Chief – **A.B. Shatilov**,
Cand. Sci. in Political Science,
Professor, Dean of the "Sociology and Political Science" Faculty,
Financial University;

Deputy Editor – **A.G. Tjurikov**, Doctor of Social Science, Head
of Department of sociology, Financial University;

Deputy Editor – **Y.A. Pleis**, Doctor of History, Doctor of Political
Sciences, Professor of the Department of Political Science and mass
media, Financial University;

S. Ju. Belokonev, Cand. Sci. in Political Science, Associate Professor,
Head of Department of political science, Financial University;

A.N. Zubets, Doctor of Economics, Professor, the vice rector
for a strategic development and the praktiko-oriented education,
Financial University;

V.V. Kaftan, Doctor in Philosophy, Professor at Department of Political
Science, Financial University;

V.A. Lapshov, Doctor of Social Science, Professor Head of the
"Sociology" Chair of Moscow State Linguistic University;

D.Z. Muzashvili, Cand. Sci. in Philosophy, Associate Professor,
"Sociology and Political Science" Faculty, Financial University;

N.A. Orekhovskaya, Doctor of Philosophy, Professor, the deputy
manager of Department of sociology on education and methodical
work, Financial University

A.V. Pachkalov, Cand. Sci. in History, Associate professor, Deputy Head
of Department of the economic theory, Financial University;

D.V. Petrosyants, Cand. Sci. in Economics, Assistant professor
of Department of political science, Financial University, a Senior
researcher at the Institute of Market Problems of Russian Academy
of Science;

E.E. Pismennaya, Doctor of Social Science, Professor of Department
of sociology, Financial University;

S.V. Rastorguev, Doctor of Political Sciences, Professor, Deputy head
of educational and methodical work of the Department of Political
Science and mass media, Financial University;

P.B. Salin, Cand. Sci. (Law), director of the Center for Political Studies,
Financial University;

P.S. Seleznev, Doctor of Political Sciences, Deputy first vice rector for
work with authorities and regional development;

G.G. Sillaste, Doctor in Philosophy, Professor of Department
of sociology, Financial University;

K.V. Simonov, Cand. Sci. in Political Science, Associate Professor,
the vice-rector Financial University;

A.A. Troshin, Cand. Sci. in Philosophy, Deputy Dean
for master's degree and career guidance of the "Sociology and
Political Science" Faculty, Financial University

EDITORIAL COUNCIL

E.V. Astakhova, Doctor of History, Professor, Rector
of Kharkov University for Humanities "People's Ukrainian Academy"
(Ukraine)

D. Baychun, Doctor, Professor of Beijing Pedagogical University,
director of the Cultural Center of the Sino-Russian
Relations (China)

N.M. Dolgopolov, deputy editor of the "Russian Newspaper", a member
of the Union of Journalists of Russia, a member of the Union of
Writers of Moscow and of the Interregional Union of Writers'
organizations (Russia)

T.M. Calvo Martinez, Doctor, Professor, Director of the Paris
International Institute of Philosophy (Spain)

R. Krumm, director of the Moscow branch of the Friedrich Ebert
Foundation (Russia)

D. Chiesa, Italian journalist and politician, member of the European
Parliament (2004–2009) (Italy)

B. McBride, Doctor, professor, president of the International
Federation of Philosophical Societies (USA)

I. Mamed-Zadeh, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the
Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy
of Sciences of Azerbaijan (Azerbaijan)

K. Matsuzato, Doctor of Law, Department of Law and Politics,
University of Tokyo (Japan)

A.N. Nysanbaev, Doctor, Professor, Full member of the Academy
of Sciences of Kazakhstan, Director of Science, Institute of Philosophy,
Academy of Sciences of Kazakhstan (Kazakhstan)

D.E. Sorokin, Doctor of Economics, Professor, Science and Research
Coordinator Financial University, Corresponding member of the
Russian Academy of Sciences (Russia)

J.-L. Truelle, Doctor, a consultant for the development
of international relations between Russia and CIS countries,
Vice-President of the Association of economists
"Le Cercle Kondratieff"; professor of the University of Paris-12
(France)

C. Wilcox, Professor, Department of Government, Georgetown
University, Washington, D.C. U.S.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: СОВРЕМЕННАЯ КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Понявина М.Б., Селезнев П.С.

Советский, российский и зарубежный опыт выявления талантливых учащихся. 6

Титов В.В.

Российская национально-государственная идентичность: социокультурные императивы трансформации . . . 13

Осинина Д.Д.

Борьба ведущих мировых держав за формирование «кадрового резерва» элитного сообщества Казахстана в контексте стартовавшего транзита власти 18

Кулакова Н.Н.

Социальная роль и специфика военных ветеранских общественных организаций в политическом пространстве Российской Федерации 25

Узюмова Н.В.

Адаптация новых сотрудников как критерий социальной эффективности корпоративной культуры организации 31

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ: ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОШЛОГО

Ястремский А.М.

Из искры разгорится пламя. Страны Европы на пути к Первой мировой (105 – летию со дня начала Первой мировой войны посвящается) 35

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

Зорин В.Ю.

Миграционная обстановка в Российской Федерации: проблемы и решения 40

Осипова Н.Г.

Методология анализа глобальных социально-политических феноменов в творчестве Питирима Сорокина. 51

Ядгаров Я.С.

Моральная и нравственная политическая экономия: К 200-летию книги С. Сисмонди «Новые начала политической экономии» 58

Лапин А.А.

Экономическая дипломатия как вид дипломатической деятельности 65

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Иксанов И.С.

Роль суда Европейского союза в защите прав и свобод человека 73

Петросянц Д.В.

Сотрудничество российских и китайских университетов: quo vadis? 77

Измайлова М.А.

Эволюция формирования институциональной среды корпоративной социальной ответственности в России 82

Мирзаян Г.В.

Российско-американские отношения и их сирийский шанс. 89

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Калитько И.И.

Политическая сатира М. Задорнова как инструмент патриотической мобилизации российского общества в 2000–2010-е гг. 98

Сейдалин А.Ж.

Анализ региональной политики в сфере оказания поддержки лицам с ограниченными возможностями . . 103

Лаффях А.М.

Развитие агломераций как принцип территориального управления (на примере Московского региона). . . 106

Груздев В.Е.

Иерархия элитных сообществ современной Украины: ресурсный потенциал и политическое влияние . . . 110

Владимиров И.А.

Гик-культура как новый молодежный социокультурный феномен современного российского общества . . 114

CONTENTS

COVER STORY: MODERN STAFF POLICY IN RUSSIA AND ABROAD

- Ponyavina M.B., Seleznev P.S.**
Soviet, Russian and Foreign Experience of Identifying Talented Students 6
- Titov V.V.**
Russian National-State Identity: Sociocultural Imperatives of Transformation. . . 13
- Osinina D.D.**
The Struggle of the Leading World Powers for the Formation
of the “Staff Reserve” of the Elite Community of Kazakhstan
in the Context of the Launched Transition of State Power 18
- Kulakova N.N.**
Social Role and Peculiar Features of Military Veterans
Social Organizations in the Political Space of the Russian Federation 25
- Uzyumova N.V.**
Adaptation of New Employees as the Criterion
of Social Efficiency of Company’s Corporate Culture 31

MEMORABLE DATES: THE COMPREHENSION OF THE PAST

- Yastremskiy A.M.**
The Spark Will Ignite the Flame. The Countries of Europe Towards the First
World War (Dedicated to the 105th Anniversary of the First World War). 35

FUNDAMENTAL SCIENTIFIC KNOWLEDGE

- Zorin V. Yu.**
The Migration Situation in the Russian Federation: Problems and Solutions. . . . 40
- Osipova N.G.**
Methodology of the Analysis of Global Socio-Political Phenomena
in Pitirim Sorokin’s Creativity 51
- Yadgarov Ya.S.**
Moral and Ethical Political Economy: to the 200th Anniversary
of the S. Sismondi’s Book “New Principles Of Political Economy” 58
- Lapin A.A.**
Economic Diplomacy as a Kind of Diplomatic Activities 65

URGENT SOCIO-POLITICAL RESEARCHES

- Iksanov I.S.**
The Role of the European Court of Justice in the Protection
of Human Rights and Freedoms 73
- Petrosyants D.V.**
Cooperation of Russian and Chinese Universities: quo vadis? 77
- Izmailova M.A.**
The Evolution of Institutional Environment
of Corporate Social Responsibility in Russia 82
- Mirzayan G.V.**
Russia–US Relations and Their Syrian Chance. 89

STARTUP OF YOUNG RESEARCHER

- Kalitko I.I.**
Political Satire of M. Zadornov as a Tool for Patriotic
Mobilization of the Russian Society in 2000–2010 Years. 98
- Seidalin A.Z.**
Analysis of Regional Policy in Support of Persons with Disabilities 103
- Laffakh A.M.**
Development of Agglomerations as a Principle of Territorial Management
(On the Example of the Moscow Region). 106
- Gruzdev V.E.**
The Hierarchy of the Elite Communities of Modern Ukraine:
the Resource Potential and Political Influence. 110
- Vladimirov I.A.**
The Geek-Culture as the New Youth Sociocultural Phenomenon
of Contemporary Russian Society 114

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

Международный
научно-практический журнал
Том 9, № 3 (39), 2019

Главный редактор –
А.Б. Шатилов
Заведующий редакцией
научных журналов –
В.А. Шадрин
Выпускающий редактор –
Ю.М. Анютина
Корректор – **С.Ф. Михайлова**
Верстка – **С.М. Ветров**
Переводчик – **З. Межва**

Адрес редакции:
125993, Москва, ГСП-3,
Ленинградский пр-т, 53, к. 5.6
Тел.: **8 (499) 943-98-02**
E-mail: julia.an@mail.ru
[http://www.fa.ru/dep/jgn/
about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Оформление подписки
в редакции
по тел.: **8 (499) 943-94-31**,
e-mail: MMKorigova@fa.ru;
Коригова М.М.

Подписано в печать 27.05.2019
Формат 60 x 84 1/8.
Объем 13,72 усл. п. л.
Заказ № 503
Отпечатано в Отделе
полиграфии
Финансового университета
(Ленинградский пр-т, д. 51)
© Финансовый университет

Editor-in-Chief – **A.B. Shatilov**
Head of Scientific Journals
Editorial Department –
V.A. Shadrin
Managing editor –
Yu.M. Anyutina
Proofreader – **S.F. Mihaylova**
Design, make up – **S.M. Vetrov**
Translator – **Z. Mierzva**

Editorial address:
53, Leningradsky prospekt, office 5.6
Moscow, 125993
tel.: **+7 (499) 943-98-02**
E-mail: julia.an@mail.ru
[http://www.fa.ru/dep/jgn/
about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Subscription in editorial office
tel.: +7 (499) 943-94-31
e-mail: MMKorigova@fa.ru

Signed for press on 27.05.2019
Format 60 x 84 1/8.
Size 13,72 printer sheets.
Order № 503
Printed by Publishing House
of the Financial University
(51, Leningradsky prospekt)
© Financial University

ТЕМА НОМЕРА: СОВРЕМЕННАЯ КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-3-6-12

УДК 323.212(045)

СОВЕТСКИЙ, РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ВЫЯВЛЕНИЯ ТАЛАНТЛИВЫХ УЧАЩИХСЯ

Понявина Мария Борисовна,

канд. экон. наук, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций,
Финансовый университет, Москва, Россия
mbponyavina@fa.ru

Селезнев Павел Сергеевич,

д-р полит. наук, доцент Департамента политологии, Финансовый университет,
Москва, Россия
sps@fa.ru

Аннотация. Проблема поиска и выявления талантливой молодежи, готовой эффективно решать государственные задачи, была актуальной всегда. Сегодня этот вопрос становится первостепенным в образовательной политике любого современного инновационного государства. Авторы данной статьи рассматривают исторический аспект поиска и выявления талантливой молодежи, одновременно раскрывая особенности деятельности в этом направлении в России и большинстве передовых стран. К настоящему моменту в мире существуют и широко применяются разнообразные способы и методики работы с талантливой молодежью. Статья раскрывает вопрос уникального по своей результативности опыта, накопленного нашей страной за многие десятилетия, по выявлению, дальнейшему обучению и поддержке талантливой молодежи. В работе также тщательно анализируется опыт отдельных стран в этой сфере.

Ключевые слова: государственная образовательная политика; талантливая молодежь; индивидуальный план обучения; дополнительное образование

SOVIET, RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE OF IDENTIFYING TALENTED STUDENTS

Ponyavina M.B.,

PhD of Economics, Associate Professor of the Department of Political Science and Mass Communications,
Financial University, Moscow, Russia
mbponyavina@fa.ru

Seleznev P.S.,

Doctor of Political Sciences, Associate Professor of Department of Political Science and Mass Communications
Financial University, Moscow, Russia
sps@fa.ru

Abstract. *The problem of finding and identifying talented young people who are ready to solve state problems effectively has always been relevant. Today, this issue is becoming a priority in the educational policy of any innovative modern state. This article examines the historical aspect of the search and identification of talented youth; at the same time, it reveals the peculiarities of current activities in this direction in Russia and the most developed countries. By now, in the world exist a variety of ways and methods of work with talented youth. Our article reveals the unique experience accumulated over many decades by our country to identify, further training and support of talented youth. The work also thoroughly analyses the experience of individual countries in this field.*

Keywords: *state educational policy; talented youth; individual training plan; additional education*

В нашем стремительно меняющемся мире все больше внимания уделяется развитию креативности, творчества, всяческих неординарных способностей человека. Экономика, политика и геополитика передового государства требуют от общества новаторских, нестандартных, нетривиальных решений для достижения и удержания государством лидерских позиций.

В обществе выделяются творчески одаренные, неординарные, талантливые молодые люди, интересующиеся разными направлениями современных наук и технологий. Такие люди способны своими передовыми идеями оказать первостепенное влияние на развитие страны. Обеспечение реализации задачи инновационного развития страны требует от государственной внутренней политики поиска, поддержки и дальнейшего развития талантливой молодежи.

Задача поиска и выявления способных молодых людей, готовых со временем решать государственные проблемы, стояла перед передовыми государствами еще до нашей эры. Так, в Китайской империи в III тысячелетии до н.э. высшие должности в государстве занимали специально отобранные талантливые молодые люди со всей страны, получившие образование и успешно сдавшие экзамены.

Вовремя замеченные талантливые дети и молодежь, их дальнейшее образование и воспитание играют важную роль в созидательном развитии общества. Поиск талантов, создание условий для их развития и последующего применения, а также готовность социума принимать талантливых людей представляется стержневым аспектом культурно-образовательной политики передового государства, базой создания инновационной экономики.

СОВЕТСКИЙ ОПЫТ ВЫЯВЛЕНИЯ ТАЛАНТЛИВЫХ УЧАЩИХСЯ

В середине прошлого столетия Советский Союз и Соединенные Штаты Америки являлись неоспоримыми лидерами по работе с талантливыми детьми. Этот исторический период ознаменован мощной конкурентной борьбой двух государств за преимущество на международной арене. В одно время, в 1960-е гг., СССР и США запустили масштабные программы по поддержке одаренных детей. Неофициально считается, что решающим фактором к этому шагу явился запуск космического спутника в 1957 г., который подстегнул США к усилению работы в этом направлении: была разработана госпрограмма по выявлению одаренных детей, которые могли стать двигателями прогресса [1, с. 6, 7].

В СССР в 1975 г. был организован Всесоюзный Совет по одаренным и талантливым детям, который стал направлять существующую в стране активность по изучению, обучению и воспитанию одаренных детей. Процесс выявления одаренных детей начинался уже на этапе дошкольного образования.

Необходимо отдельно отметить, что политические особенности СССР в рассматриваемый период накладывали особый отпечаток на механизм выявления талантливых детей. Главенствующая роль советской идеологии отводилась к идее равенства: советское общество представлялось социумом равных возможностей, где не было места любым элитам. В этой связи работа с талантливой молодежью открыто и общедоступно не афишировалась. Такая скрытность позволяла достигать максимального охвата молодежной аудитории и наиболее полно реализовывать потенциал всей молодежи страны.

В действительности существовала мощная передовая система выявления и воспитания талантливых учащихся. Ключевым направле-

нием советской системы работы с молодежью было ее максимально полное всестороннее развитие, и как результат — особо одаренные и деятельные дети проявляли себя благодаря сложившейся системе. Именно данная система детского развития давала возможность ребенку по окончании обучения иметь отличный образовательный результат, характеризующий всесторонне развитую личность.

В СССР также была очень развита система конкурсов, по итогам которых оказывалась существенная поддержка победителям.

Организационным началом всестороннего развития детей и молодежи в СССР являлись общеобразовательные заведения, армия и военно-технические клубы и секции, а также культурно-просветительские, спортивные, туристские организации и творческие кружки, созданные при общеобразовательных школах и районных домах творчества.

Школьные кружки представляют собой плавный старт юного исследователя в серьезную науку. Результат занятий в школьных кружках открывает возможность учащимся, проявившим свою заинтересованность в каком-либо предмете, получить дополнительные углубленные знания и навыки, развивая которые учащийся может добиться серьезных результатов в науке, технике, спорте, искусстве.

В спорте в СССР долгое время не было никакой специфической работы по выявлению талантливых спортсменов, однако с конца 80-х гг. этому стали уделять прицельное внимание, и результаты были отмечены многократными победами на Олимпийских играх. В 1986 г. вышло постановление Госкомспорта СССР «О единой системе отбора перспективных спортсменов», что дало толчок к организации специальных центров отбора, подстегнувших работу по данному направлению. В рамках данных центров осуществлялась деятельность как по спортивному отбору, так и по разработке актуальных методов выявления физически одаренных детей. Результатом этого стали многочисленные победы СССР в Олимпийских играх 1980, 1988 и 1992 гг.

В сфере художественного творчества и изобразительного искусства проходили разноплановые показы художественной самодеятельности.

Образование одаренных детей в СССР преследовало задачу максимального использования интеллектуальных ресурсов ввиду науч-

но-технического соревнования с передовыми капиталистическими странами. В связи с этим действовала достаточно эффективная система выявления и обучения высокоодаренных детей, особенно в сфере физики и математики.

Рациональность госпрограмм поддержки талантливой молодежи доказывается разными причинами: политическими, экономическими, социальными. Считается, что экономическое развитие регионов и стран в целом напрямую зависит от общего уровня образования. Разработаны экономические модели, позволяющие численно оценить прирост ВВП в результате повышения интеллектуального уровня жителей страны.

В настоящее время в разных странах программами для одаренных детей охвачены в среднем от 2 до 10% школьников, в современной России этот процент не превышает 0,1% [2]. Статистика советского периода в открытом доступе отсутствует, более того, термин «одаренный» в официальных источниках не использовался.

РОССИЙСКИЙ ОПЫТ РАБОТЫ С ТАЛАНТЛИВЫМИ ДЕТЬМИ И МОЛОДЕЖЬЮ

Началом работы с талантливыми учащимися в современной России принято считать Федеральную целевую программу «Одаренные дети», введенную в 1996 г. в рамках программы «Дети России». Основной ее задачей являлась целевая поддержка разного типа учебных учреждений, работающих с талантливыми учащимися. Впоследствии эта программа была пролонгирована. Результат данной программы сложно назвать продуктивным в рамках государства. Ежегодно выявлялись талантливые школьники (квота на всю страну составляла 500 человек), которым выплачивалась предусмотренная стипендия.

Работа с талантливой молодежью способствует росту доступа к дополнительным образовательным услугам, нацеленным на развитие детской одаренности. Отдельно стоит отметить активное использование дистанционных технологий, позволяющих дать доступ к дополнительным знаниям всем группам талантливых школьников: маломобильным, с ОВЗ и лицам, проживающим в отдаленных регионах Российской Федерации.

На сегодняшний день в России функционирует национальный механизм поддержки

талантливых детей и молодежи. Законодательно закреплены приоритеты при поступлении в вузы победителей и призеров школьных олимпиад национального и международного уровней.

Наиболее эффективным механизмом по выявлению талантливых учащихся в сегодняшней России принято считать систему олимпиад, творческих конкурсов, соревнований, которые предполагают максимальный охват обучающихся. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации каждый год утверждает «Перечень олимпиад школьников» — в 2018–2019 учебном году в него вошли 72 соревнования.

Сегодня в Российской Федерации проводятся предметные олимпиады и Всероссийская олимпиада школьников. Задачи последней — в выявлении творческих способностей и развитии у обучающихся интереса к науке, пропаганде научных знаний и отборе наиболее талантливых учащихся на следующий соревновательный уровень — международные олимпиады по общеобразовательным предметам. Всероссийская олимпиада школьников проводится по 21 номинации в четыре этапа, организаторами которых являются образовательные организации, органы местного самоуправления, отвечающие за сферу образования, органы исполнительной власти субъектов РФ. Организатором заключительного этапа является Федеральное агентство по образованию.

Система дополнительного образования является комплиментарным подспорьем в сфере выявления и поддержки талантливых детей. Она включает разноплановые методики по развитию креативных навыков в разных областях: художественной, спортивной, военной, научной и др. Система конкурсов, конференций и соревнований здесь также является одним из механизмов по выявлению талантов. Победители и призеры такого рода мероприятий получают шанс быть замеченными ведущими деятелями искусства, науки и спорта, а также представителями органов власти, и тем самым получить поддержку для дальнейшего развития своего таланта и навыков.

В настоящее время российское дополнительное образование развивается как дистанционное и заочное. Данные методы уже доказали свою эффективность при индивидуальных занятиях по углубленной программе изучения

общеобразовательных предметов. В качестве наглядной иллюстрации эффективности такой работы можно привести пример Всероссийской заочной многопредметной школы, выпустившей более сотни тысяч школьников, которые, благодаря такому образованию, вне зависимости от региона проживания, смогли поступить в МГУ и ряд других вузов страны [3].

На сегодняшний день активно развиваются образовательные учреждения особого вида, специализирующиеся на дополнительной работе с одаренными, талантливыми школьниками. Также организуются тематические творческие смены в оздоровительных лагерях, куда отбирают детей, хорошо зарекомендовавших себя в различных областях знаний.

В первую очередь речь идет о круглогодичном образовательном центре «Сириус» для детей, проявивших одаренность в сфере искусства, науки и спорта, созданном в 2014 г. по инициативе президента России В. В. Путина. Данный центр ежегодно посещают около 7000 школьников в возрасте от 10 до 17 лет в сопровождении порядка 1500 преподавателей и тренеров, которые параллельно повышают свой уровень квалификации.

Ряд вузов ведет работу по работе с одаренными детьми, но число таких учреждений не превышает 2% от общего числа вузов РФ.

Федеральной целевой программой «Развитие Образования» на 2016–2020 гг. предусмотрено «создание необходимых условий для выявления и развития творческих и интеллектуальных способностей талантливых учащихся и студентов». Также планируется создание и реализация программ развития 4 новых специальных научно-учебных центров для обеспечения территориальной доступности высокоуровневого обучения для талантливых школьников в ведущих университетах.

Поддержка и сопровождение развития одаренных детей, являющихся победителями и призерами мероприятий, осуществляется их учредителями при участии организаций, в которых эти дети получают образование.

В некоторых отдаленных регионах работа с талантливой молодежью ведется посредством дистанционных технологий. К ним можно отнести Сахалинскую, Орловскую, Калужскую и Вологодскую области, Республику Адыгея.

Во всех федеральных округах открыты специализированные центры, которые выпол-

няют координационно-методические функции и, бесспорно, являются эффективным механизмом реализации государственной политики по работе с талантливыми детьми. В целях реализации данного направления необходима популяризация доказавших свою эффективность методов развития детского таланта одновременно с совместной работой государства и частного предпринимательства в этой области.

Дополнительное образование, как показывает опыт Советского Союза и ряда современных государств, безусловно, содействует выявлению талантливых детей и молодежи. При этом Российская Федерация унаследовала от Советского Союза мощную систему подготовки талантливых кадров в сфере искусства, завоевавшую мировое признание, которая в настоящее время поддерживается на стабильно высоком уровне. Система художественного образования в России имеет три неразрывно связанных уровня профессионального художественного образования: детская школа искусств — училище — вуз. Детские школы искусств обеспечивают раннее выявление одаренных детей в возрасте 4–6 лет на самом начальном этапе вхождения в культурно-профессиональную среду и, что немаловажно, создают условия для их дальнейшего профессионального формирования.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ВЫЯВЛЕНИЯ ТАЛАНТЛИВЫХ УЧАЩИХСЯ

Талантливые учащиеся обладают рядом дополнительных образовательных потребностей, которые, как правило, образовательная система страны не удовлетворяет. Поэтому большинство прогрессивных стран Европы и США стали создавать отдельные программы по работе с одаренными детьми.

Изменения в работе с талантливыми детьми и молодежью в разных странах за последние 50 лет наглядно демонстрируют, что в мире признали важность своевременного выявления, развития и поддержки юных талантов. В настоящее время задачами развития талантливого поколения заняты не только в США и России: Израиль, Китай, Южная Азия, Бразилия, Саудовская Аравия ведут очень активную деятельность в этом направлении. В Европе на государственном уровне также оказывается поддержка талантливым детям. Начиная с 1988 г. европейские страны ведут совместную

работу с одаренными детьми общеевропейского пространства [4].

В подавляющем большинстве стран Европы действуют системные программы поддержки юных талантов, инициированные государством. Эти программы нацелены на приток ресурсов для повышения научно-технической и технологической конкурентоспособности конкретного государства, а также на поддержание стабильной обстановки в обществе. В Великобритании, в частности, обязанность по выявлению одаренных детей возложена на школьных учителей, которые имеют четкие стандарты выявления и рекомендации по дальнейшему развитию обнаруженных способностей.

Одновременно уделяется особое внимание подготовке специализированных педагогических кадров. Согласно рекомендациям конференции Европейского Совета по высоким способностям преподавателям, работающим с одаренным учениками, желательно иметь дополнительное специализированное образование. В частности, речь идет о таких странах, как Австрия, Великобритания, Венгрия, Швейцария. Впервые такая программа была разработана в Великобритании, а в настоящее время в вузах большинства европейских стран есть возможность получить степень магистра по специализации «образование одаренных детей». К примеру, Дебреценский университет в Венгрии осуществляет разноплановую подготовку специалистов по работе с талантливыми учащимися.

Многие передовые страны активно развивают технологии выявления и дальнейшей поддержки юных талантов, выделяя данное направление в качестве основного способа воспроизводства интеллектуальной элиты нации. Более полусотни стран практикуют обязательное тестирование всех детей на признаки одаренности.

В частности, в Израиле существует эффективная государственная система обучения одаренных детей, которая распространяется на всех без исключения школьников, начиная с 3-го класса. Средняя численность обучающихся по такой программе детей не превышает 5%, дети отбираются по результатам экзаменов. Подробности данной программы являются государственной тайной в Израиле.

США развивают механизмы выявления и обучения юных талантов с конца XIX в. Сегодня

для этого создаются научные центры исследований талантливых детей при университетах. Приблизительно 4% детей США признаны одаренными. Дополнительно разработана система поощрения и развития одаренности, которая направлена на привлечение талантливой молодежи из-за рубежа.

Систему поиска и поддержки талантливых учащихся в США можно считать одной из самых действенных. Поддержка талантливых детей осуществляется посредством ряда механизмов: тьюторства, психологического консультирования и сопровождения, ускоренного прохождения общеобразовательной программы и раннего поступления в вузы. Государственная поддержка талантов США предлагает потенциально талантливым детям разноплановые дополнительные программы обучения: летние лагеря, углубленное изучение дисциплины, научно-исследовательская деятельность (<http://www.nagc.org>).

В некоторых штатах педагоги, обучающие талантливых детей, должны пройти специальную подготовку по вопросам одаренности. В то же время в США не существует единой государственной стратегии по этому вопросу — каждый штат вырабатывает собственные решения, что снижает эффективность консолидированной работы в стране.

Что касается азиатских стран, то в Тайване, например, в системе общеобразовательных школ внедрены классы для одаренных детей. Дополнительно существуют механизмы, поощряющие ускоренное развитие детей, предполагающие, в том числе, раннее поступление в школы, переход в вышестоящий класс, обучение в нескольких вузах.

Сингапур, Гонконг, отчасти Китай в решении вопроса выявления талантливых детей пошли по пути создания уникальной школы, для поступления в которую необходимо пройти сложный конкурс — около 300 человек на одно место. Эти страны выделили данное направление государственной образовательной политики в разряд приоритетной национальной задачи [5].

Ключевая особенность работы с талантливыми детьми в этих странах заключается в том, что здесь изучают совокупность всех имеющихся интеллектуальных возможностей талантливых учащихся, которые проходят обучение в специализированном образовательном пространстве. Образовательная среда таких

учеников отличается разноплановостью, обеспечиваемой на разных возрастных этапах.

Южная Корея работает над созданием специализированных учебных заведений для одаренных детей, а также активно развивает дополнительное образование, выбор которого осуществляется добровольно детьми и родителями, однако является платным. В этой стране полагаются на сферу дополнительного образования как основной элемент выявления талантливых детей [6].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выявление, обучение и воспитание талантливых детей должно являться главенствующей задачей образовательной политики любого государства. Эти действия приводят к решению одной из важнейших задач по формированию созидательного общества — открывают возможности для бурного научно-технического роста, развития науки и культуры, а также всех аспектов социальной жизни государства. Поиск талантов, создание условий для их развития, а также готовность социума принимать талантливых людей представляется стержневым аспектом культурно-образовательной политики прогрессивного государства, базой создания инновационной экономики.

В СССР молодежи были предоставлены самые широкие возможности для самореализации. Советская система выявления, отбора и обучения талантливых детей являлась одной из самых эффективных в мире, где дети под руководством квалифицированных, мотивированных преподавателей дополнительно развивали свои навыки в функционирующих за счет государственного бюджета кружках и секциях. В результате самые талантливые (в том числе и те, кто проживал в отдаленных от центра регионах) могли себя реализовать самостоятельно. Налаженная работа с талантливыми учащимися приводила к тому, что определенные секторы экономики в советское время активно пополнялись талантливой молодежью, и это являлось существенной поддержкой стабильного инновационного, экономически эффективного развития государства.

Но, несмотря на широкомасштабную работу с одаренными детьми в РФ сегодня, учитывая важность дальнейшей системной работы с талантливыми учащимися в Российской Федерации, а также накопленный опыт СССР, данная работа нуждается в корректировке.

В первую очередь, невзирая на большое количество современных форм работы с одаренными детьми и молодежью, инициированных государством, важно привести всю существующую деятельность к единому целостному системному механизму, обеспечивающему последовательность и взаимодополняемость всех образовательных инициатив рассматриваемой сферы.

К сожалению, сегодня высокие образовательные результаты российских учащихся не являются достижением национальной системы образования, а полностью базируются на планомерной работе родителей ученика. Система дополнительного образования, имея широчайший спектр направлений, также оказывается не полностью включенной в работу с одаренными детьми.

Необходимо осуществить модернизацию как учебных заведений, так и процесса подготовки и повышения квалификации преподавательского состава, базируясь, например, на рассмотренном европейском опыте.

Немаловажным представляется и активная работа по созданию специализированных центров, координирующих работу образовательных учреждений для одаренных детей, в субъектах Российской Федерации.

Что касается зарубежного опыта, то здесь можно в первую очередь обратить внимание на азиатские страны, которые в последние годы стали особенно тщательно относиться к вопросу воспитания талантливого поколения, анализируя и аккумулируя иностранный опыт, в том числе и советский. В результате чего, в частности, в Сингапуре растет доля иностранных студентов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ушаков Д. В., Шепелева Е. А. Системы работы с одаренной молодежью в России и за рубежом. *СПЖ*. 2014;54:5–17.
2. Горбатова А. Инновации и инвестиции обеспечат экономический рост. Наука и технологии России. URL: http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=44707 (дата обращения 01.02.2018).
3. Ким Г. Н. Справочник по Копее. URL: http://www.ruskorinfo.ru/wiki/sistema_obrazovaniya/.
4. Владимиров В. Дети вместо нефти. Общественно-политический еженедельник «Город-812». 28.11.2011. URL: <http://www.online812.ru/2011/01/28/016/>.
5. Persson A. The Coriolis Effect: Four centuries of conflict between common sense and mathematics. Part I: A history to 1885. *History of Meteorology*. 2005;2:1–24.
6. Матыцин В. Российские ученые показали, что успехи школьников можно предсказать до начала обучения. URL: <http://tass.ru/nauka/3275583>.

REFERENCES

1. Ushakov D. V., Shepeleva E. A. Systems of work with gifted youth in Russia and abroad. *SPZh*. 2014;(54):5–17. (In Russ.).
2. Gorbatova A. Innovation and investment will ensure economic growth. *Nauka i tehnologii Rossii*. URL: http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=44707 (accessed on 01/02/2018). (In Russ.).
3. Kim G. N. Korea reference book. URL: http://www.ruskorinfo.ru/wiki/sistema_obrazovaniya/. (In Russ.).
4. Vladimirova V. Children instead of oil. *Obshchestvenno-politicheskii ezhenedel'nik «Gorod-812»*. 28.11.2011. URL: <http://www.online812.ru/2011/01/28/016/>. (In Russ.).
5. Persson A. The Coriolis Effect: Four centuries of conflict between common sense and mathematics. Part I: A history to 1885. *History of Meteorology*. 2005;(2):1–24.
6. Matytsin V. Russian scientists have shown that the success of students can be predicted before the start of training. URL: <http://tass.ru/nauka/3275583>. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-3-13-17
УДК 322(045)

РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИМПЕРАТИВЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

Титов Виктор Валериевич,

канд. полит. наук, старший научный сотрудник Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
VVTitov@fa.ru

Аннотация. В статье анализируются основные социокультурные императивы формирования российской национально-государственной идентичности, выявленные в ходе ряда политико-психологических и прикладных политико-социологических исследований 2010–2018 гг. Под национально-государственной идентичностью понимается интегрированный образ «нас», «своих», представляющий собой сложный политико-психологический и социокультурный конструкт, динамика которого обусловлена как трансформацией политической системы России, так и широким спектром исторических и культурно-психологических факторов. К наиболее заметным социокультурным императивам российской национально-государственной идентичности относятся безусловная значимость образа пространства как символа «величия» и ресурсного «потенциала» России; персонализация и «полярное» в эмоциональном плане отношение к власти, а также внутренний дисбаланс «образа исторического времени», которое в современной России носит выраженный ретроспективный и мифологизированный характер.

Ключевые слова: национально-государственная идентичность; образ власти; образ пространства; образ будущего; историческая память

RUSSIAN NATIONAL-STATE IDENTITY: SOCIOCULTURAL IMPERATIVES OF TRANSFORMATION

Titov V.V.,

PhD of Political Sciences, Senior Researcher at the Department of Political Science and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
VVTitov@fa.ru

Abstract. The article analyses the main socio-cultural imperatives of the formation of the Russian national-state identity, which identified during politico-psychological and applied sociological studies of 2010–2018. The national-state identity is an integrated image of “us”, “ours”, which is a complex political, psychological and socio-cultural construct, the dynamics of which is due to both the transformation of the political system of contemporary Russia and a wide set of factors related to national history and culture. The most remarkable socio-cultural imperatives of the Russian national-state identity include the important role of the image of space as a symbol of “greatness” and the resource “potential” of Russia; personalization and the “polar” emotional attitude towards state power, internal imbalance of “image of historical time”, which has retrospective and mythological character in contemporary Russia.

Keywords: the national-state identity; the image of power; the image of space; the image of the future; historical memory

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Проблема формирования национально-государственной идентичности в современной России является широко обсуждаемой как в политическом дискурсе (занимая важное место в повестке дня российского социума), так и в научном политологическом сообществе. Ее социально-политическая значимость и научная актуальность обусловлены рядом факторов.

Во-первых, очевидно, что Россия в конце 2010-х гг. еще в полной мере не преодолела кризис макрополитической идентичности, имевший место на рубеже XX–XXI вв. Общество в целом способно ответить на ключевой вопрос «кто мы?» («граждане России»), но производные смыслообразующие вопросы («откуда мы?», «куда идем?») по-прежнему часто остаются без внятного осмысления и ответа. Во-вторых, 2000–2010-е гг. стали периодом эскалации «войн памяти» на постсоветском пространстве: «борьба за прошлое», попытки пересмотра его ключевых нарративов приобретают все более радикальный, а нередко и откровенно агрессивный антироссийский характер. В-третьих, политические события 2018 — начала 2019 г. четко свидетельствуют о росте протестных настроений и ощущения неопределенности среди российских граждан. Эта тенденция связана, в том числе, с отсутствием внятного образа будущего, перспектив предсказуемого (а не «турбулентного» и кризисного) развития.

Следует отметить, что проблема российской идентичности, макрополитических и социокультурных оснований ее трансформации получила широкое освещение в научной литературе. В частности, можно особо выделить труды И. С. Семененко, М. М. Федоровой, С. Г. Ильинской, Т. В. Евгеньевой и др. [1–4]. Не менее заметным является направление отечественной политической мысли на анализ «политики памяти». В данном ракурсе существенный интерес представляют работы А. И. Миллера, О. Ю. Малиновой, В. В. Бушуева и ряда других авторов [5–7].

Важная теоретическая задача, связанная с осмыслением феномена российской национально-государственной идентичности, состоит в формулировании ее определения. Опира-

ясь на указанные выше исследования, можно охарактеризовать национально-государственную идентичность как кристаллизовавшийся в массовом сознании интегрированный образ «нас», «своих» (включающий ценностно-психологическое, темпоральное, символическое измерения), представляющий собой сложный политико-психологический и социокультурный конструкт, динамика которого обусловлена как трансформацией политической системы современной России, так и более широким спектром факторов, связанных с отечественной историей и культурой [8]. При этом отдельный аспект, на который следует обратить внимание, — это генетическая взаимосвязь национально-государственной идентичности не только с институтом государства во всем многообразии его проявлений, но и с политико-культурной традицией государственности, оказывающей серьезное влияние на историческое и ценностно-символическое содержание массового сознания (а следовательно, и на установки макрополитической самоидентификации, доминирующие в обществе).

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИМПЕРАТИВЫ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: СОВРЕМЕННЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Анализ социокультурных оснований формирования и трансформации российской национально-государственной идентичности предполагает, прежде всего, обращение к ее основным структурным компонентам — идентификационным образам, установкам и моделям поведения, с ней связанным. В рамках данного анализа представлены наиболее заметные тенденции, связанные с культурно-психологическими основаниями российской идентичности, которые были выявлены в ходе исследований 2010–2018 гг. В частности, мы опираемся на результаты проектов «Политическая полиментальность в современной России» (2012–2013 гг., грант РГНФ № 12–03–00354, руководитель Н. М. Ракитянский) и «Политико-психологические механизмы формирования национально-государственной идентичности в современной России» (2012–2013 гг., грант РГНФ № 12–03–00307, руководитель Т. В. Евгеньева), в которых автор принимал участие. Помимо этого, акцент был сделан на осмыслении результатов более поздних исследований,

которыми руководил автор статьи — научных проектов «Формирование национально-гражданской идентичности российской молодежи: политико-психологический и социокультурный анализ» (грант Президента РФ, 2013–2014 гг.) и «Национально-государственная идентичность в современной России» (2017–2018 гг.).

Первый императив, о котором, как правило, упоминают ученые, связан с системообразующей ролью *образа пространства как безусловной ценности*, концептом «самой большой страны в мире», богатой ресурсами (Д. Н. Замятин, А. С. Ахиезер и др.). Важность и внутреннюю противоречивость образа пространства в «матрице» российской идентичности фиксирует Д. Н. Замятин. По его мнению, «по крайней мере, со второй половины XIX в. (хотя самые ранние социокультурные симптомы могут относиться и к первой половине XIX в.) российская цивилизация все же постепенно стала вырабатывать определенные специфические географические образы, которые, с одной стороны, уже не были простым продолжением и расширением европейского воображения... Ментальная „неоконченность“, незавершенность географических образов была, видимо, в течение всего XX в. „фирменным знаком“ российских пространств, подтверждая тем самым их несомненную „российскость“» [9].

Следует подчеркнуть, что целый ряд исследований, в которых принял участие автор статьи, также показывают двойственное отношение граждан к российским «просторам». С одной стороны, для респондентов среднего и старшего возраста географическая «величина» России есть некая самостоятельная терминальная ценность, независимая переменная, подтверждающая статус «великой страны». С другой стороны, в ряде ответов прослеживается неявная корреляция с идеей «ресурсного проклятия» («у нас много всего: нефть, газ, лес... А использовать все это для людей не умеем»). И в то же время такой взгляд позволяет рассматривать будущее России именно с точки зрения потенциала, тех «возможностей жить богато», которые предоставляет российское пространство.

Второй социокультурный императив, также значимый для понимания российской национально-государственной идентичности, связан со *специфическим содержанием образа политической власти, сформировавшегося в россий-*

ском обществе. Важность данного образа для россиян обусловлена двумя главными аспектами. Во-первых, Россия как «сверхдержава» (коей она является, по мнению большинства респондентов) имеет не только внешнеполитические интересы, но и некую «глобальную миссию». Обобщенная «власть» в этом случае — не просто коллективный актор, защищающий национальные интересы и представляющий Россию на международной арене, но и выразитель социокультурной «российскости» (или «особого пути» нашей страны) в глобальном пространстве. Во-вторых, даже поверхностные исторические знания позволяют многим респондентам ассоциировать «слабость» власти со «смутой» и неизбежным кризисом национально-государственной идентичности. В связи с этим можно также упомянуть многочисленные исследования российских политических психологов, которые убедительно свидетельствуют: в начале XXI в. именно «сила» стала лейтмотивом позитивного отношения к власти, главной ценностью, в той или иной мере востребованной большинством россиян. При этом серия качественных политико-психологических исследований, проведенных под руководством Т. В. Евгеньевой в 2008–2016 гг. (глубинные интервью, проективные тесты), убедительно показывают крайнюю эмоциональную неустойчивость современного российского общества по отношению к действующей власти, усиливающую поляризацию оценок ее деятельности [10].

Третий социокультурный императив формирования современной российской идентичности — *внутренний дисбаланс «образа исторического времени», которое в современной России носит все более выраженный ретроспективный и мифологизированный характер*. Эффект мифологизации во многом связан с особенностями гражданско-политической социализации в постсоветский период, кризисом исторического образования 1990-х — 2000-х гг., «ценностным вакуумом», поразившим российское общество. В результате этого был нанесен серьезный удар по когнитивному фундаменту социальной памяти: молодежь того времени (которая сейчас уже перестала быть «молодежью») оказалась лишена полноценного «образа прошлого».

Крах советской социально-исторической картины мира способствовал тому, что коллективный «образ прошлого» в сознании значительной

части российских граждан либо был деформирован, либо не успел сформироваться: стал аморфным с точки зрения когнитивной составляющей, приобрел фрагментарный и во многом иррациональный характер (доказательство иррационального восприятия прошлого — и по сей день циркулирующие в массмедиа многочисленные вымыслы о советском периоде, претендующие на «историческую правду», популярные «теории заговора», базирующиеся на образе «врага» в лице «коллективного запада» и т.п.).

«Возвращение» государства в сферу исторической памяти, начавшееся в середине 2000-х гг., было ознаменовано попытками систематизировать социальные представления о прошлом, выстроить конвенциональную модель национального образа прошлого, обходя при этом наиболее конфликтные точки российской истории (прежде всего, все, что относится к периоду 1917–1941 гг.). Подобная политика консолидации и минимизации «исторического негатива» проявлялась и в символической сфере (учреждение Дня народного единства, акции «Я помню! Я горжусь!», «Бессмертный полк»), и в области культуры и искусства (например, в кинематографе — целый ряд фильмов о «ранней» истории России). В то же время к концу 2010-х гг. в образе «исторического времени», сложившемся в массовом сознании, стал явно заметен ретроспективный уклон, связанный с фактическим отсутствием внятной проективной составляющей, размытостью образа будущего. Указанная проблема стала настолько очевидной, что слова о необходимости выработки общероссийского образа будущего, способного консолидировать общество в долгосрочной перспективе, в 2017 г. звучали и на уровне политического руководства страны.

Можно констатировать, что реконструкция образа прошлого — крайне важный элемент определения «темпоральных рамок» эволюции российской государственности. Но такая деятельность не снимает, а, наоборот, обостряет социальную потребность в ответе на вопрос «куда идем?», в выработке внятных представлений о коллективном будущем, о векторах и стратегических приоритетах России XXI в.

В заключение представляется возможным сделать некоторые выводы, характеризующие социокультурные особенности формирования национально-государственной идентичности в современной России. Во-первых, российская национально-государственная идентичность может быть определена как кристаллизовавшийся в массовом сознании интегрированный образ «нас», «своих», представляющий собой сложный политико-психологический и социокультурный конструкт, динамика которого обусловлена как трансформацией политической системы современной России, так и широким спектром факторов, связанных с отечественной историей и культурой.

Во-вторых, среди наиболее заметных социокультурных императивов трансформации российской национально-государственной идентичности на современном этапе (2010–2018 гг.) можно выделить: 1) безусловную значимость образа пространства как символа «величия» и ресурсного «потенциала» России; 2) ярко выраженное «полярное» в эмоциональном плане отношение к власти (продолжающееся инерционное доминирование стереотипа «добрый царь — злые бояре»); 3) внутренний дисбаланс «образа исторического времени», которое в современной России носит все более выраженный ретроспективный и мифологизированный характер.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Семененко И. С. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст. *Полис. Политические исследования*. 2016;(4):8–28.
2. Федорова М. М. История/память: трудная дилемма. *История философии*. 2018;23(1):108–121.
3. Ильинская С. Г. Метаморфозы российской идентичности в контексте постсоветского развития. М.: ИФ РАН; 2016.
4. Евгеньева Т. В., Титов В. В. Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи. *Полис. Политические исследования* 2010;(4):122–134.
5. Миллер А. И. Политика памяти в России: год разрушенных надежд. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. 2014;4(75):49–57.
6. Малинова О. Ю. Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2012;(8):179–204.

7. Бушуев В. В., Титов В. В. Национально-государственная идентичность в современном мире и роль исторической политики в ее формировании (теоретико-методологический анализ). *Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. История и политология*. 2011;(4):77–93.
8. Титов В. В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М.: Ваш формат; 2017. 184 с.
9. Замятин Д. Н. Россия и запад: пространство и образ цивилизационных взаимодействий. URL: <http://regionalstudies.ru/journal/homejournal/rubric/2012-11-02-22-16-38/165-1-r.pdf>.
10. Малинова О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России. *Полис. Политические исследования*. 2010;(2):90–105.

REFERENCES

1. Semenenko I. S. The policy of identity and identity in politics: ethnonational perspectives, the European context. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2016;(4):8–28. (In Russ.).
2. Fedorova M. M. History/memory: a difficult dilemma. *Istoriya filosofii*. 2018;23(1):108–121. (In Russ.).
3. Ilinskaya S. G. Metamorphosis of Russian identity in the context of post-Soviet development. Moscow: Publishing house of the Institute of Philosophy RAS; 2016. (In Russ.).
4. Evgenieva T. V., Titov V. V. Formation of the national-state identity of the Russian youth. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2010;(4):122–134. (In Russ.).
5. Miller A. I. The policy of memory in Russia: A year of shattered hopes. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki)*. 2014;4(75):49–57. (In Russ.).
6. Malinova O. Yu. Political use of the past as an instrument of symbolic politics: the evolution of the discourse of the ruling elite in post-Soviet Russia. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. 2012;(8):179–204. (In Russ.).
7. Bushuev V. V., Titov V. V. National-state identity in the modern world and the role of historical politics in its formation (theoretical and methodological analysis). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta im. M. A. Sholokhova. Istoriya i politologiya*. 2011;(4):77–93. (In Russ.).
8. Titov V. V. The policy of memory and the formation of national state identity: Russian experience and new trends. Moscow: Vash format; 2017. 184 p. (In Russ.).
9. Zamyatin D. N. Russia and the West: space and image of civilizational interactions. URL: <http://regionalstudies.ru/journal/homejournal/rubric/2012-11-02-22-16-38/165-1-r.pdf>. (accessed on 2019.01.03). (In Russ.).
10. Malinova O. Yu. Symbolic policy and the construction of macropolitical identity in post-Soviet Russia. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2010;(2):90–105. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-3-18-24

УДК 331.108(045)

БОРЬБА ВЕДУЩИХ МИРОВЫХ ДЕРЖАВ ЗА ФОРМИРОВАНИЕ «КАДРОВОГО РЕЗЕРВА» ЭЛИТНОГО СООБЩЕСТВА КАЗАХСТАНА В КОНТЕКСТЕ СТАРТОВАВШЕГО ТРАНЗИТА ВЛАСТИ

Осинина Дарья Дмитриевна,

магистрант 2-го курса факультета социологии и политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
daria_osinina@mail.ru

Аннотация. В период транзита власти анализ «кадрового резерва» государства становится приоритетной темой, в частности особый интерес представляет мировоззрение подрастающей элиты. Одним из каналов влияния на мировоззрение молодежи является образование. На примере Казахстана автор анализирует деятельность мировых держав – КНР, США, России и Турции – относительно продвижения политики «мягкой силы» в республике, а именно влияние через институты образования на мировоззрение «кадрового резерва» элитного сообщества Республики Казахстан. Система взглядов, которая формируется под воздействием той или иной системы ценностей, отражена и в политических ориентациях молодого поколения. В этой связи получение образования молодым человеком в США или Китае влияет на формирование его политических взглядов и отношений к тому или другому государству, модель развития своего собственного государства.

Ключевые слова: Казахстан; кадровый резерв; элиты; транзит власти; кадровая политика; образование; мировые державы.

THE STRUGGLE OF THE LEADING WORLD POWERS FOR THE FORMATION OF THE “STAFF RESERVE” OF THE ELITE COMMUNITY OF KAZAKHSTAN IN THE CONTEXT OF THE LAUNCHED TRANSITION OF STATE POWER

Osinina D.D.,

2-year student, Faculty of Sociology and Political Science,
Financial University, Moscow, Russia
daria_osinina@mail.ru

Abstract. During the transition of power, the analysis of the “staff reserve” of the state becomes a priority topic. In particular, the worldview of the growing elite is of particular interest. One of the channels of influence on the worldview of young people is education. On the example of Kazakhstan, the author analyzes the activities of the world powers – China, the USA, Russia and Turkey – regarding the promotion of the policy of “soft power” in the country, namely, the impact through educational institutions on the worldview of the “staff reserve” of the elite community of the Republic of Kazakhstan. The system of views, which is formed under the influence of a system of values, is reflected in the political orientations of the younger generation. In this regard, the education of a young man in the United States or China affects the formation of his political views and relations to a particular state, as well as the model of development of his own state.

Keywords: Kazakhstan; “staff reserve”; elites; power transition; staff policy; education; world powers

19 марта 2019 г. Н. Назарбаев официально сложил с себя полномочия Президента Республики Казахстан, в то же самое время сохранив ключевые рычаги влияния на политическую ситуацию в стране за собой — он остался председателем Совета безопасности Республики Казахстан (пожизненно), руководителем правящей политической партии «Нур Отан», а также Лидером нации (Елбасы), что закреплено конституционно.

Подобный транзит власти готовился давно. Первые шаги к нему были сделаны еще в 2007 г., когда в Конституцию страны были внесены изменения относительно периода пребывания главы государства у власти: «Одно и то же лицо не может занимать пост президента более двух сроков подряд» (https://forbes.kz/life/observation/konstitutsii_23_kakie_izmeneniya_preterpel_osnovnoy_zakon_rk/), а сам срок исполнения полномочий президента был сокращен с 7 до 5 лет. В марте 2017 г. Н. Назарбаев, подписав указ о внесении изменений в Конституцию страны, «расширил полномочия Мажилиса при формировании Правительства, а также усилил полномочия Парламента и палат по контролю за деятельностью Кабинета министров» [1]. Следующая волна изменений пришла на июль 2018 г., когда Назарбаев пожизненно закрепил за собой право возглавлять Совет безопасности страны. Таким образом, за последние 12 лет был очерчен институциональный контур грядущих изменений.

Руководя страной почти 30 лет, Н. Назарбаев выстроил четкий механизм власти, для которого характерны следующие черты.

Во-первых, после распада СССР Н. Назарбаев, опираясь на преданных ему бывших представителей партийно-государственного аппарата (Нуртай Абыкаев, Амангедьды Шабдарбаев и др.), стал постепенно выдвигать на ответственные посты в стране представителей молодого поколения, что видно на примере «молодежного призыва» Назарбаева 1991–1992 гг., когда в высшие эшелоны власти пришли Марат Тажин, Карим Масимов и др.

Во-вторых, если в 1990-е гг. переживший советскую систему «феодальный» принцип рекрутирования элиты¹ еще имел место, и при-

надлежность к жузам² и родоплеменным кланам способствовала попаданию и продвижению в высшие эшелоны власти, то с начала 2000-х гг. ключевыми факторами, определяющими кадровую политику Назарбаева, становятся безусловная лояльность и личная преданность.

Снижение роли таких традиционных структур, как жузы, повлияло не только на принцип рекрутирования элиты в стране, но и на формирование самих казахстанских кланов и групп интересов, в основе которых теперь лежат не столько родственные связи, сколько общность интересов и корпоративная принадлежность. Отношения в рамках клана строятся как патрон-клиентские.

В-третьих, вся система власти Н. Назарбаева опирается на принцип сдержек и противовесов, что позволяет самому Елбасы выступать в роли арбитра в разрешении противоречий. Более того, за усилением одного из представителей клана, как правило, следует снижение аппаратного веса другого. Также за улучшением позиций в одной сфере следует ослабление в другой, что позволяет поддерживать баланс сил среди групп влияния в стране. Хорошим примером является история вокруг «Нурбанка», который на протяжении 2000-х гг. был одним из ключевых банков в РК, а также служил основным финансовым активом группы Назарбаева-Алиев. В 2010 г. была инициирована продажа активов Дариги Назарбаевой, доля которой достигала 50,71%, сестре известного бизнесмена Рашида Сарсенова Софье. Однако, ослабив позиции дочери в экономической сфере, Елбасы после «перерыва» вернул ее в политическую. Дарига Назарбаева в январе 2012 г. стала депутатом и возглавила комитет Мажилиса по социально-культурному развитию.

В-четвертых, для политики Назарбаева характерны регулярные кадровые ротации в высших эшелонах власти с целью предотвратить формирование вокруг ключевых представителей политической элиты страны устойчивых клик и клиентел. Например, Карим Масимов с 2007 по 2012 г. был премьер-министром РК, за пятилетний срок его пребывания на данном

жуза), Председатель Совета Министров Казахской ССР — Б. Ашимов (представитель среднего жуза), Председатель Президиума Верховного Совета Казахской ССР — С. Ниязбеков (представитель младшего жуза).

² Жуз (от каз. жуз, *jüz*, جُز — «союз») — исторически сложившееся объединение казахов.

¹ Прим.: в 1970-х гг. в Казахстане Первым секретарем ЦК КП Казахстана был Д. Кунаев (представитель старшего

посту в Кабинет министров пришли преданные ему люди. Более того, он сумел выстроить устойчивые связи с представителями руководства соседних государств, что значительно повлияло на его аппаратный вес в системе власти РК. Однако в 2012 г. Н. Назарбаев перевел его на должность руководителя Администрации Президента, в 2014 г. он снова был назначен на пост премьер-министра РК, а еще через два года, в сентябре 2016 г., — на пост председателя КНБ.

В-пятых, наиболее лояльные представители элиты, помимо увеличения аппаратного веса, получают доступ к распределению финансово-экономических потоков путем назначения на «хлебные» должности, одной из которых является председательство в Фонде национального благосостояния «Самрук-Казына». Данный фонд аккумулирует все государственные активы Казахстана, с 2017 г. председателем правления является племянник Елбасы Ахметжан Есимов.

В-шестых, важным элементом политики Н. Назарбаева является последовательная диверсификация внешнеполитических приоритетов страны, что сказывается и на внутренней политике. В частности, в образовательной и культурной сферах в республике активно присутствуют КНР, Турция, США, Великобритания и Россия, оказывающие влияние на мировоззрение молодого поколения казахстанцев, выстраивающие «правильный» образ того или иного государства и модель развития самого Казахстана в глазах молодежи.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что на сегодняшний день транзит власти в Казахстане только начался, сам Назарбаев, сохраняя свое влияние в стране, стремится максимально продлить свое пребывание у власти и закрепить положение своей семьи в республике в «постназарбаевский период», что видно на примере назначения Дариги Назарбаевой главой Сената.

Однако как долго ему удастся поддерживать текущий баланс сил в стране среди основных групп влияния и оказывающих им поддержку внешних центров, сказать сложно. Отсутствие выбранного преемника и естественные проблемы, с которыми может столкнуться Н. Назарбаев, например ухудшение состояния здоровья, могут перевести ситуацию из состояния управляемого транзита к хаосу и изменению

«правил игры». Соответственно, для понимания внутренних раскладов и настроений в стране важно анализировать так называемый кадровый резерв элиты Казахстана — тех, кто либо уже делает первые шаги в «коридорах власти», либо потенциально туда попадет ввиду связей с элитными группами в стране и поддержке с их стороны. В рамках данной статьи ограничимся каналами и механизмами влияния на формирование кадрового резерва Казахстана со стороны ведущих мировых держав, присутствующих в Центральной Азии.

Так, одним из ключевых игроков в Казахстане является Китай. Параллельно росту экономического взаимодействия между Казахстаном и КНР увеличивается популярность китайского языка и китайского образования среди населения, интерес к которым активно поддерживается на самом высоком уровне. К примеру, в 2016 г. Дарига Назарбаева выступила с призывом ввести в школах трехязычие, мотивируя это тем, что «все равно в недалеком будущем нам всем надо будет знать еще и китайский» (<https://camonitor.kz/31187-kitayskiy-yazyk-nachal-vytesnyat-v-kazahstane-russkiy.html>). Подобной позиции придерживается и Н. Назарбаев, считающий, что китайскому языку нужно уделять больше внимания, так как Поднебесная становится крупным партнером Казахстана «не только в экономической сфере, но и в целом по региону» (<http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0629/tema05.php>).

Популярность китайского образования видна на примере академической мобильности: если еще 10 лет назад в Китае училось около 2000 студентов из Казахстана, то сегодня их 12 000.

Более того, Китай щедро инвестирует в продвижение языка и культуры по всему миру через институты Конфуция и культурные центры. Сегодня в Казахстане функционируют 4 крупных Института Конфуция на базе ведущих вузов страны: при Евразийском национальном университете им. Л. Н. Гумилева (Астана), при Казахском национальном университете (КазНУ) им. аль-Фараби (Алма-Ата), при Актыбинском региональном государственном университете им. К. Жубанова (Актоба) и при Карагандинском государственном техническом университете (Караганда) [2]. У каждого из вышеперечисленных вузов есть вуз-партнер в Китае, например у двух последних им явля-

ется Синьцзянский университет экономики и финансов в Урумчи. Обучение в Институтах Конфуция осуществляют преимущественно педагоги из Китая, задача которых — отобрать лучших студентов для дальнейшего обучения в КНР посредством грантовой поддержки и субсидирования с китайской стороны. Только из Института Конфуция при Евразийском национальном университете имени Л. Н. Гумилева за последнее время гранты для продолжения обучения в Китае получили свыше 150 человек [3].

Выпускники Институтов Конфуция благодаря высокому уровню знания китайского языка часто трудоустраиваются в дипломатические структуры, государственные ведомства, а также казахстанско-китайские компании.

Популярность в Казахстане набирают и стипендиальные программы на обучение в КНР для государств — членов ШОС, например, China/Shanghai Cooperation Organization Scholarship Scheme.

Подобная популярность китайского образования в Казахстане, в том числе языка и культуры, объясняется не только экономическим фактором, хотя и его недооценивать не стоит. Так, в 2018 г. Казахстан и Китай приступили к реализации 51 совместного проекта на сумму 27 млрд долл. США (<https://eadaaily.com/ru/news/2018/09/07/kazakhstan-i-kitay-realizuyut-51-sovmestnyy-proekt-na-summu-27-mlrd>), а уровень инвестиций КНР в экономику Казахстана с 2005 по 2017 г. составил 14,7 млрд долл. США [4]. Однако поддержку китайскому фактору в Казахстане оказывают и представители высших эшелонов власти, в частности бурный рост присутствия Китая в экономике Казахстана и увеличение инвестиционных потоков пришлось на второй премьерский срок Карима Масимова (2 апреля 2014 г. — 8 сентября 2016 г.), который с 8 сентября 2016 г. возглавляет Комитет национальной безопасности РК. Так, с 2015 по 2017 г. сумма инвестиционных проектов, подписанных между двумя странами, превысила 70 млрд долл. США [5]. Карим Масимов, по данным СМИ, уйгур по национальности, «окончил Пекинский институт языка и культуры, на протяжении длительного времени работал в Китае в Урумчи и Гонконге» [1]. Его считают наиболее прокитайским политиком в Казахстане. На КНР ориентирован также и действующий президент Казахстана

К.-Ж. Токаев, который, как и К. Масимов, в свое время прошел стажировку в Пекинском институте языка и культуры, впоследствии работал в посольстве СССР в Пекине. Пока К.-Ж. Токаев находится в должности президента страны до июньских выборов 2019 г., однако в случае пролонгации его полномочий прогнозируемо дальнейшее усиление влияния Китая в Казахстане.

Еще одним внешним центром силы в Казахстане являются США. Как и у КНР, их политика «мягкой силы» преимущественно касается образовательной сферы. Так, для студентов всех казахстанских вузов действует Международная программа студенческого обмена (Global UGRAD), ключевая задача которой — культурный и образовательный опыт в США, знакомство с американскими ценностями (<https://kz.usembassy.gov/ru/education-culture-ru/opportunities-ru/the-global-undergraduate-exchange-program-global-ugrad-ru/>).

Однако ключевым каналом транслирования западного мировоззрения на протяжении длительного времени являлась международная стипендия президента РК «Болашак», ориентированная преимущественно на США и Великобританию. Программа «Болашак» напрямую связана с образовательным фондом имени Н. Назарбаева, который возглавляет средняя дочь Елбасы Динара Кулибаева. Данная стипендиальная программа была учреждена еще 5 ноября 1993 г. Н. Назарбаевым для подготовки будущей элиты государства. В первые годы существования программы по ее линии образование получили многие дети казахстанской элиты. В 2014 г. программа «Болашак» была признана лучшей среди аналогичных в мире благодаря порядку и правилам отбора стипендиатов и их последующему трудоустройству. В ее основе точечная подготовка кадров на основании заявок государственных органов. 47% выпускников программы работают в государственном и околосударственном секторе РК [6].

Уже сегодня выпускники стипендиальной программы «Болашак» конца 1990-х — 2000-х гг. занимают серьезные посты в структурах власти Казахстана. Например, Бауыржан Байбек является акимом города Алма-Аты с августа 2015 г., а также первым заместителем председателя партии «Нур Отан» [7]. В свое время по программе «Болашак» он получил магистер-

ское образование в Британском университете в Абердине. Кстати, Б. Байбек не раз отмечал, что гордится тем, что его отец учился в одном классе с Н. Назарбаевым, акцентируя внимание на своей близости к семье Елбасы.

Еще одним успешным выпускником стипендиальной программы «Болашак» является Алтай Кульгинов — аким Западно-Казахстанской области с 26 марта 2016 г., он также получил магистерское образование в Британском университете в Абердине [7]. По программе «Болашак» в свое время учился в Высшей школе государственного управления в Германии и Габидулла Абдрахимов — аким Шымкента с июня 2018 г.

В то же самое время нужно отметить, что в последние годы тенденция в высших эшелонах власти Казахстана меняется. В условиях активизации внешних центров силы и подготовки транзита власти Назарбаев взял курс на воспитание казахстанской элиты внутри страны, в частности, на снижение оттока талантливых студентов для получения образования в западные вузы, что видно на примере показателей академической мобильности. Осуществить столь масштабные планы в короткие сроки не просто, поэтому одной из первоначальных мер является кадровая ротация в высших эшелонах власти, затрагивающая и выпускников программы «Болашак», получивших образование на Западе. Так, в январе 2017 г. по факту коррупции в особо крупном размере был арестован известный выпускник программы «Болашак» Куандык Бишимбаев, который в период с мая по декабрь 2016 г. занимал должность министра национальной экономики РК, а с 2011 по 2013 г. был заместителем председателя правления фонда «Самрук-Казына». Молодой человек учился в Университете Джорджа Вашингтона в начале 2000-х гг.

Тренд изменений в кадровой политике Казахстана и смены приоритетов виден и на примере президентской стипендиальной программы «Болашак», где в последние годы растет количество студентов, получающих образование в КНР — в 2018 г. 200 из 1200 стипендиатов получили возможность учиться в КНР (<https://bolashak.gov.kz/ru/novosti/1029-kazakhstan-kitaj-novye-obrazovatelnye-vozmozhnosti.html>). Ключевые направления подготовки — международная торговля, менеджмент, управление и финансы.

Крупным игроком на образовательном рынке услуг Казахстана является и Турция, активно предоставляющая возможность получения образования в своей стране для жителей Казахстана с начала 1990-х гг. Грантовая поддержка для казахстанских студентов предоставляется на упрощенных условиях: отсутствие хронических заболеваний у кандидата; соответствие требованиям университета, в который он поступает; соответствие возрастным критериям, а также уровень успеваемости не ниже 70% (<https://www.nur.kz/1740793-besplatnoe-obucenie-v-turcii-dla-kazahstancv-v-2018-godu.html>).

Более того, ежегодно Турция выделяет около 500 образовательных грантов на бесплатное обучение в Международном казахско-турецком университете имени Ходжи Ахмета Ясави для казахстанских студентов (<https://informburo.kz/novosti/turciya-vydelila-kazahstancam-500-obrazovatelnyh-grantov-v-mktu-imeni-yasavi.html>).

Тем не менее наиболее крупным образовательным центром для казахстанской молодежи остается Россия. На сегодняшний день в российских вузах, по данным Посольства Казахстана в РФ, обучается 65 571 студент (<https://kazembassy.ru/rus/studenty/vuzy/>). Образовательные гранты для казахстанских студентов выделяются по трем линиям: в рамках межправительственных договоренностей России и Казахстана, в том числе по линии МИД РФ, Россотрудничества, в рамках Сетевого университета СНГ, Университета ШОС; на основе двусторонних соглашений между российскими и казахстанскими вузами, регионами, городами; а также самостоятельно российскими вузами для обучения иностранных студентов (<https://kazembassy.ru/rus/studenty/vuzy/>). При этом 40% казахстанских студентов проходят обучение по гуманитарным специальностям, еще 35% — по инженерно-техническим.

Наиболее популярными у студентов из Казахстана являются следующие российские вузы: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (МГУ), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), РЭУ им. Плеханова, МИСиС, МГТУ им. Э. Баумана, Российский университет дружбы народов (РУДН), РГУ нефти им. Губкина, Национальный исследовательский ядерный университет (МИФИ), Санкт-

Петербургский государственный университет (СПбГУ), Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) и Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) (<https://kazembassy.ru/rus/studenty/vuzy/>).

Ключевым образовательным центром из вышеуказанных для казахстанской молодежи остается МГУ им. Ломоносова. Там, на сегодняшний день, обучаются около 600 студентов из Казахстана. И в этом контексте важно отметить озвученное 11 апреля 2019 г. на Международной конференции «От идеи к реальности: к 25-летию евразийской инициативы Нурсултана Назарбаева» сообщение ректора МГУ В. Садовниченко: МГУ приступает к работе с талантливыми детьми из регионов Казахстана, для этого в рамках подписанных казахстанско-российских межправительственных соглашений о функционировании казахстанского филиала МГУ планируется открыть сеть школ для детей, увлекающихся наукой (<https://ru.sputniknews.kz/society/20190411/9792335/mgu-shkoly-otkrytie-kazahstan-sadovnichij.html>).

Таким образом, для России Казахстан является одним из приоритетных направлений внешней политики, что отражено и в образовательной сфере. Среди иностранных студентов, обучающихся на территории РФ, казахстанская молодежь по численности находится на первом месте. Подобный тренд объясняется просто — российское образование на протяжении длительного времени высоко котировалось в элитных кругах Казахстана, хотя сегодня его стремятся потеснить китайские и западные образовательные программы. Пока что ключевые места в высших эшелонах власти по-прежнему занимают выпускники российских (советских) вузов, в частности МГИМО, МГУ, однако всем им в среднем за 50 лет. Среди молодого поколения казахстанской элиты предпочтение отдается западным и китайским вузам.

Лучше всего сдвиг в сторону западного образования виден на примере детей и внуков казахстанской политической элиты. Так, внук Н. Назарбаева Айсултан получил образование в Лондоне, там же училась и дочь известного предпринимателя Кайрата Боранбаева Алима

(замужем за Ауйсултаном Назарбаевым). Еще один внук Н. Назарбаева Нурали Алиев после окончания Казахского национального педагогического университета им. Абая продолжил обучение в США в Pepperdine University и в Австрии в International University. Дочь Руководителя Администрации Президента РК Бакытжана Сагинтаева Меруерт получила образование в Лондоне (<https://yvision.kz/post/518952>).

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что за 30 лет независимости Казахстана приоритеты относительно каналов подготовки кадрового резерва элитного сообщества республики менялись. Условно в кадровой политике Н. Назарбаева можно выделить три этапа. На первом этапе (1991–1992 гг.) Елбасы сделал ставку на преданных и лояльных ему людей из числа советской номенклатуры, большая часть из которых получила образование в московских вузах. На втором этапе (1993 — середина 2000-х гг.) Н. Назарбаев делает ставку на подготовку новых кадров из числа одаренной молодежи, разрабатывается стипендиальная программа «Болашак». На протяжении первых 10–15 лет ключевым ориентиром для получения образования «кадровым резервом» Казахстана были США и Великобритания, именно эти страны имели ключевое влияние на мировоззрение новой элиты. На третьем этапе, с середины 2000-х гг., приоритетной целью образовательной политики Казахстана становится создание собственной системы подготовки кадров со школьной скамьи. Так, в 2010 г. был создан Назарбаев-университет, дополнивший созданные ранее «Назарбаев Интеллектуальные школы». Их задача — производство казахстанской элиты. Вузами-партнерами Назарбаев-университета выступили университеты Лондона, Кембриджа, Гарварда, Пенсильвании. Российские вузы в работе данного образовательного учреждения не участвуют [8].

В контексте сказанного выше можно отметить, что полностью заменить зарубежные вузы выстроенной Назарбаевым системе пока не удастся. Дети сегодняшней элиты Казахстана стремятся получить образование за рубежом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Осинина Д. Д. Элитные группы Центральной Азии в большой геополитической «игре» России, КНР и США в начале XXI века. Монография. М.: Инфра-М; 2018.

2. Садовская Е. Образовательная миграция — «мягкая сила» Китая? URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0629/tema05.php>.
3. Байманов Д. Казахстан и Китай наращивают сотрудничество в сфере образования и науки. URL: http://lenta.inform.kz/ru/kazakhstan-i-kitay-naraschivayut-sotrudnichestvo-v-sfere-obrazovaniya-i-nauki_a3324011.
4. Муминов А. Китайский язык начал вытеснять в Казахстане русский? URL: <https://camonitor.kz/31187-kitayskiy-yazyk-nachal-vytesnyat-v-kazahstane-russkiy.html>.
5. Чжан Вэй: Иди с тем, с кем по пути. URL: <https://rg.ru/2017/05/29/cumma-investicionnyh-proektov-kazahstana-i-kitaia-prevysila-70-mlrd.html>.
6. Вайда М. Как «Болашак» стал прорывным образовательным проектом. URL: <https://camonitor.kz/31990-kak-bolashak-stal-proryvnym-obrazovatelnyim-proektom.html>.
7. Матреков К. Выпускники «Болашака» во власти (Обзор казахской прессы). URL: <https://365info.kz/2016/05/vypuskniki-bolashaka-vo-vlasti-obzor-kazahskoj-pressy>.
8. Фомичев А. В. Роль российского образования в формировании политической элиты современного Казахстана. *Мировые проблемы. Внешняя политика*. 2012;4(1).

REFERENCES

1. Osinina D.D. Elite groups of Central Asia in the great geopolitical “game” of Russia, China and the United States at the beginning of the XXI century. Monograph. Moscow: Infra-M; 2018.
2. Sadovskaya E. Educational migration — “soft power” of China? URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0629/tema05.php>.
3. Baimanov D. Kazakhstan and China are increasing cooperation in the field of education and science. URL: http://lenta.inform.kz/ru/kazakhstan-i-kitay-naraschivayut-sotrudnichestvo-v-sfere-obrazovaniya-i-nauki_a3324011.
4. Muminov A. Chinese began to displace Russian in Kazakhstan? URL: <https://camonitor.kz/31187-kitayskiy-yazyk-nachal-vytesnyat-v-kazahstane-russkiy.html>.
5. Zhang Wei: Go with someone on the way. URL: <https://rg.ru/2017/05/29/cumma-investicionnyh-proektov-kazahstana-i-kitaia-prevysila-70-mlrd.html>.
6. Vida M. As “Bolashak” became a breakthrough educational project. URL: <https://camonitor.kz/31990-kak-bolashak-stal-proryvnym-obrazovatelnyim-proektom.html>.
7. Matriekov K. Graduates of “Bolashak” in government (Overview of the Kazakh press). URL: <https://365info.kz/2016/05/vypuskniki-bolashaka-vo-vlasti-obzor-kazahskoj-pressy>.
8. Fomichev A. V. The Role of Russian education in the formation of the political elite of modern Kazakhstan. *Mirovye problemy. Vneshnyaya politika*. 2012;4(1).

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-3-25-30

УДК 323.21(045)

СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ И СПЕЦИФИКА ВОЕННЫХ ВЕТЕРАНСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кулакова Нина Николаевна,

канд. полит. наук, доцент Департамента политологии массовых коммуникаций,

Финансовый университет, Москва, Россия

nina260169@rambler.ru

Аннотация. Исследование проблемы становления российского гражданского общества сопровождается и в практическом, и в теоретическом плане целым комплексом противоречий и сложностей, берущих свои истоки как в неоднозначной истории этого феномена, так и столь же многовариантной его трактовке научным сообществом и широкой общественностью. Автор, признавая как факт общую слабость российских негосударственных отношений, практически в качестве исключения и одновременно в качестве примера успешной гражданской деятельности значительной части населения российского государства, предлагает рассмотреть практику военных ветеранских сообществ. Общественные военные ветеранские организации выступают как социальный институт, созданный гражданами независимо от государства на основе солидарных интересов своих членов. При этом, функционируя как структурный элемент гражданского общества, они, одновременно являются механизмом политической социализации ветеранов. Современные ветеранские организации сформированы и представлены в общественно-политическом пространстве России достаточно широко – это движения, комитеты, союзы, фонды, ассоциации. Они имеют широкую разветвленную систему на местном и региональном уровнях, сотрудничают с аналогичными сообществами в странах СНГ и международными организациями. Ветеранские организации выступают в качестве посредника между человеком и группой, с одной стороны, и между обществом и государством, с другой, способствуют укреплению механизма их взаимодействия, формируют новые системы связей. Тема социальной защиты и адаптации военнослужащих, в частности участников боевых действий, останется актуальной для российского общества и в отдаленной перспективе. Современная политическая практика, в значительной мере делающая ставку в международных отношениях на военную силу, способствует дальнейшему росту количественного состава ветеранов войн и военной службы. Только за последние годы к числу российских ветеранов добавились еще более 50 тысяч солдат и офицеров, прошедших через военную кампанию в Сирии. Качество взаимодействия общественных организаций военных ветеранов и государственных структур оказывает определяющее влияние на характер участия бывших военнослужащих в социально-политических процессах. Автор делает вывод, что на сегодняшний день мощный потенциал этих организаций, способных эффективно воздействовать на политику государства, используется властными структурами лишь в незначительной степени, что во многом объясняется неготовностью российской элиты и российского бизнеса к взаимодействию с гражданским обществом.

Ключевые слова: гражданское общество; общественные организации; ветераны; государство; общество

SOCIAL ROLE AND PECULIAR FEATURES OF MILITARY VETERANS SOCIAL ORGANIZATIONS IN THE POLITICAL SPACE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Kulakova N.N.,

PhD of Political Sciences,

Senior lecturer of the Department of Political Science and Mass communications

Financial University, Moscow, Russia

nina260169@rambler.ru

Abstract. *The study of the problem of the formation of the Russian civil society is accompanied both in practical and theoretical terms by a whole complex of contradictions and complexities that originate in the ambiguous history of this phenomenon and as well in its equally multivariate interpretation by the scientific community and the general public. Admitting as a fact the common weakness of Russian non-governmental relation, the author considered, practically as an exception, the work of military veteran communities as an example of the successful civil activity of the significant part of the population of the Russian state. Social, military veteran organisations act as a social institute created by the citizens apart from the state based on solidary interests of their members. At the same time, functioning as a structural element of the civil society they simultaneously represent the mechanism of political socialisation of veterans. Modern veteran organisations are founded and presented in the social and political space of Russia widely enough. It is movements, committees, unions, funds, associations. They have an extensive ramified network the local and regional levels, co-operate with similar communities in the countries of CIS and international organisations. Veteran organisations act as intermediaries between an individual and a group on the one hand and between society and the state from the other, contribute to the strengthening of the mechanism of their interaction, and form new systems of partnership. The issue of social protection and adaptation of military personnel, in particular, the combatants, will remain urgent for the Russian society in the longer term. Modern political practice, mainly counting on the military force in international affairs, promotes further growth of the number of veterans of wars and military service. Over the last few years, more than 50 thousand soldiers and officers participating in the military campaign in Syria became the members of Russian veterans. The quality of interaction of social organisations of military veterans and state structures has a determinant influence on the participation of the former soldier in socio-political processes. Today, powerful potential of these organisations, capable effectively influence state politics, is used by state structures in an insignificant degree. It can be explained by the unwillingness of the Russian elite and Russian business to interact with civil society.*

Keywords: *civil society; public organisations; veterans; state; society*

Порядок образования общественных организаций ветеранов был прописан в 1995 г. в заключительном положении Федерального закона № 5-ФЗ «О ветеранах». Однако, как бывает довольно часто, малоподвижная правовая система отстает от потребностей быстротекущей жизни и лишь документирует сложившееся положение дел. Считается, что современное движение участников войн зародилось еще в ноябре 1984 г. в городе Ухта (Коми АССР). Именно там была создана Ухтинская организация ветеранов

войны в Афганистане. В этот период локальные общественные организации «афганцев» стали активно формироваться по всему союзному государству.

После вывода советских войск из Афганистана была создана добровольная общественная организация участников боевых действий в Афганистане и других странах под названием «Союз ветеранов Афганистана», позже переименованный в «Российский Союз ветеранов Афганистана» (РСВА). Деятельность Союза регламентирована Уставом, в который

на IV, V, VI, VII и IX съездах периодически вносились изменения и поправки. Целью общественной организации являются «совместная деятельность по реализации своих прав и интересов», прежде всего включающая помощь в социальной адаптации и медицинской реабилитации участников афганской компании, «улучшение материального состояния ветеранов».

Деятельность Союза ветеранов Афганистана по социальной защите инвалидов и участников военных действий от произвола чиновничества в период перестройки имела немаловажное значение [1]. Люди, приказом государства направленные в Афганистан, возвращались с войны с серьезными физическими и психическими травмами. Государство, переживающее сложный период реформирования, было не в состоянии удовлетворить элементарные потребности граждан, пострадавших при выполнении воинского долга. Это было трудное время становления организации, которой приходилось одновременно бороться с криминалитетом, недобросовестными чиновниками и равнодушием погруженного в свои проблемы общества. Как бы откупаясь от проблем «афганцев», 30 ноября 1991 г. Б. Ельцин издал Указ Президента РФ от 30.11.1991 г. № 248 «О Российском фонде инвалидов войны в Афганистане», разрешающий предпринимательскую деятельность и предоставляющий льготы во внутренней и во внешнеэкономической деятельности.

С изданием этого Указа связана темная страница становления гражданского общества в современной России. Так, созданная в 1991 г. для адаптации и социализации воинов-«афганцев» и представления их интересов в органах власти Общероссийская общественная организация инвалидов войны в Афганистане и военной травмы — «Инвалиды войны» (ООИВА) — в конкурентной борьбе за налоговые и таможенные льготы, предоставляемые при занятии бизнесом, использовала бандитские способы для выяснения отношений между соратниками, что привело к целой череде заказных убийств. Апофеозом этого конфликта интересов стал взрыв на Котляковском кладбище в 1996 г., унесший жизни 14 человек. Выяснение обстоятельств и виновных в этих трагических событиях, затянувшееся на десяток лет, безусловно, не способствует

формированию положительного имиджа этой общественной организации.

На сегодняшний день в России функционирует широкий сектор военных ветеранских организаций, существенно отличающихся по своей численности, материальным возможностям и политическому влиянию, но сходных по прописанным в уставах организаций целям. Среди этих целей — реализация политических, экономических и социальных интересов ветеранов военной службы, войн и военных конфликтов, членов их семей, а также членов семей погибших военнослужащих. Для достижения поставленной цели, а также для решения широкого круга других задач (в том числе по патриотическому воспитанию молодежи, увековечивания памяти погибших, участию в общественной и политической жизни страны) современные ветеранские организации стремятся активно взаимодействовать со структурами государственной власти различного уровня, министерствами и ведомствами, другими общественными организациями.

Несмотря на взаимопроникновение военной и гражданской сфер жизни, а также на пенсионный статус своих членов, эта социальная группа имеет целый ряд специфических черт, среди которых:

- единый и долговременный род профессиональной деятельности его членов, непосредственно связанный с монопольной ролью государства на его регламентирование;
- высокая массовость и организованность, знание силы приказа;
- активная гражданская позиция, умение ориентироваться в сложных ситуациях и брать ответственность за происходящие события;
- конвергенция мнений отставников и кадровых военнослужащих, которую они не всегда могут выразить публично;
- сохранение связи с частью государственной структуры — Министерством обороны;
- специальные военно-прикладные умения и особый (часто радикально отличающийся от других групп гражданского общества) жизненный опыт, сплачивающий членов организации и определяющий целый ряд их потребностей и интересов;
- невостребованность опыта и знаний ветеранов в реальной социально-политической практике.

Составить среднестатистический портрет члена военной ветеранской организации довольно нетривиальная задача — военная социология активно развивается, но ее исследования практически недоступны, во многом это касается и информации о военных пенсионерах.

Член военной ветеранской организации в подавляющем большинстве случаев — мужчина среднего возраста, окончивший военное учебное заведение, женатый, имеющий взрослых детей; средний размер его пенсии выше, чем у гражданских пенсионеров; он работает (часто в учреждениях и организациях силовых структур); разделяет военно-корпоративные ценности. Около 60% от общего числа военных пенсионеров являлись участниками подразделений особого риска, боевых действий и локальных конфликтов. Среди членов ветеранских организаций эта цифра значительно выше, некоторые из них состоят исключительно из участников боевых действий.

Среди многочисленных организаций можно выделить крупнейшие, такие как:

- Общероссийская общественная организация ветеранов «Российский Союз ветеранов» (<http://soyuzveteranov.ru/content/ustav>), осуществляющая деятельность на всей территории Российской Федерации и имеющая общероссийский статус.

- Международный Союз общественных объединений «Общественный Комитет ветеранов войн» включает около 40 организаций стран СНГ (www.okww.ru/ustav_okww.doc).

- Общероссийская общественная организация «Российский Союз ветеранов Афганистана» (<http://rsva.ru/doc-menu/ustav-rsva>), непростая история становления которого была рассмотрена ранее.

Названные ветеранские организации имеют широкую сеть региональных и местных отделений. Интернет-сайт «ветеран.com» предоставляет координаты 28 организаций России, объединяющих ветеранов боевых действий. Помимо вышеперечисленных, созданы и активно работают ветеранские организации, объединяющие в своих рядах представителей тех и иных родов войск или штабов, такие как «Региональная общественная организация ветеранов Генерального штаба», «Союз десантников России», «Региональная общественная организация ветеранов инженерных войск» и многие другие.

Организации прописывают в уставах практически идентичные задачи — защита гражданских, политических, социальных прав и свобод ветеранов, обеспечение достойного положения в обществе, содействие развитию России, укрепление оборонного могущества страны и ее международного авторитета, сплочение общества и патриотическое воспитание подрастающего поколения.

Совпадение заявленных в уставах организаций целей может позволить им совместно лоббировать интересы в правительстве и у президента. Объединяющим фактором членов военных ветеранских организаций выступают не только сходные злободневные потребности, но и армейское прошлое, обеспечившее этих людей специфическими профессиональными навыками, а также понятие боевого братства, святость присяги, знание ценности жизни, высокая дисциплинированность и, конечно же, активная гражданская позиция.

В период своего становления военные ветеранские организации, в частности «афганцы», рассматривались либерально-демократическим движением как потенциальный союзник советской партократии. Но в кризисные для страны периоды августовского путча 1991 г. и противостоянии властей осенью 1993 г. воины-афганцы, за исключением небольшого, но яркого числа, практически не принимали участия в политической жизни.

Преобладающее большинство ветеранских организаций военнослужащих в настоящее время лояльны к властным структурам российского государства и сотрудничают с ними на взаимовыгодной основе [2]. Представители властвующей политической элиты и системной оппозиции в период предвыборной агитации активизируют свое присутствие на юбилейных мероприятиях и торжественных собраниях крупных ветеранских объединений. Выступая с приветственными речами, они заявляют о поддержке ветеранов и выражают благодарность за службу отечеству. Руководство организаций, в свою очередь, призывает своих членов поддержать эти политические силы.

Несмотря на идентичность заявленных целей, ветеранское движение внутренне не едино. Противоречия, периодически выплывающие на общественное обозрение, подрывают доверие к нему со стороны широкой общественности, разобщают и ослабляют ве-

теранское движение [3]. Военные ветеранские организации объединяют граждан с разной политической ориентацией, часто детерминированной экономическим и социальным положением, в том числе и неблагоприятным инвалидов и ветеранов боевых действий. Военные ветеранские организации, созданные с целью социальной защиты и адаптации своих членов и практически заменившие государственные структуры в социальной реабилитации вернувшихся с войны, в периоды обострения общественных проблем смещают вектор своей активности в направлении политики и прежде всего задач безопасности государства.

Численность ветеранской организации выступает значимым, но не всегда решающим фактором в определении ее влияния и эффективности деятельности. Здесь работает Суворовский принцип «не числом, а умением». Для защиты общих интересов и достижения своих целей ветеранские организации пытаются изменить законодательную базу или повлиять на принятие государственными структурами определенных решений, влияющих на достижение поставленных ими задач. Однако же, когда наступает кризис веры, ветеранские организации, не меняя первоначального предназначения, пытаются играть политическую роль.

За современный и довольно непродолжительный период своего существования военные ветеранские организации не единожды выступали с острой критикой деятельности властных органов как местного, так и федерального значения. Причинами для обращения в высшие органы государственной власти, а также для проведения ветеранами протестных мероприятий, имевших место во многих городах России, стали монетизация льгот 2004 г. [4], реформа Вооруженных Сил под руководством А. Сердюкова (<http://voenpens.com/blogs/1/365/18-09-11>) и другие резонансные политические события.

Наиболее радикальные воззрения характерны для организаций ветеранов Воздушно-десантных войск, «Союза советских офицеров», «Офицеров России». В то время как многие организации бывших военнослужащих заявляют о своей полной аполитичности, в обращениях и лозунгах этих ветеранов, помимо традиционной социальной защиты, звучат общеполитические требования, призывы к усилению борьбы с коррупцией и безответственностью

чиновников, к смене курса социального и экономического развития России, пересмотру внешнеполитических приоритетов, к отставке руководства государства.

Учитывая широкое распространение, социальную активность и высокую организационную устойчивость военных ветеранских организаций, представляется, что они могли бы оказывать существенное влияние на властные структуры государства. Однако препятствием к достижению объединяющих их высоких целей выступают противоречия, в том числе в политической ориентации, что расплывает усилия и делает невозможным выработку единой стратегии в реализации заявленных интересов.

Было бы преувеличением считать, что государство активно интересуется положением дел в военных ветеранских организациях или формирует политику, сверяясь с их мнением. Как известно, в ситуациях, когда государственные структуры не удовлетворяют насущные потребности, а коллективные интересы требуют доступа к власти, общественно-политические объединения могут быть трансформированы в политические партии. Таким образом достаточно последовательно развивалось основанное в 1997 г. «Движение в поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки» (ДПА), основанное генерал-лейтенантом Л. Я. Рохлиным.

Экономическая турбулентность, падение уровня жизни, сложная военно-политическая международная обстановка, проведение непопулярных реформ, резкая дифференциация общества, неудовлетворенный запрос на справедливость — это далеко не полный перечень процессов, способных стимулировать политизацию общественных организаций военных ветеранов, реализующуюся посредством участия в избирательных кампаниях с целью оказания влияния на выборы, приобретение статуса самостоятельной политической силы.

Располагая ранее рассмотренными характерными чертами, такими как организационная устойчивость, массовость, чувство единения, дисциплинированность, патриотизм, военные ветеранские организации, выступая в качестве одного из политических факторов, имеют весомые предпосылки для повышения степени своего влияния на протекание соци-

ально-политических процессов в российском государстве. Трудности военных ветеранских организаций предопределены общим уровнем развития российского гражданского общества [5], имеющего давние, не лишённые специфики традиции, и в настоящее время поднимающегося на следующий виток своего развития. Преодоление таких проблем, как высокий уровень социальной дифференциации, миними-

зация связей между социальными группами, сложности экономического характера, политическая апатия и политический нигилизм граждан, становление механизма формирования политического лидерства и некоторые другие, позволит общественным организациям поднять эффективность своей деятельности и будет способствовать росту участия граждан в политической жизни страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Щепетин А. Этапы становления общественных организаций военных ветеранов Российской Федерации (ВАК). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-stanovleniya-obschestvennyh-organizatsiy-voennyh-veteranov-rossiyskoy-federatsii>.
2. Гасанбеков С. Политические технологии в системе формирования электорального поведения офицерского корпуса Вооружённых Сил России. Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat. URL: <http://www.dissercat.com/content/politicheskie-tehnologii-v-sisteme-formirovanii-elektoralnogo-povedeniya-ofiterskogo-korpu#ixzz5WZUFCE 93>
3. Чепурной А. Время выбрало нас. URL: http://yariva.rusinfo-guard.ru/wpcontent/uploads/sites/12/2017/05/pobratim_0416.pdf.
4. Алтунин П. Благоразумие должно взять верх. Ещё раз о проекте замены льгот денежными компенсациями. Красная звезда. URL: http://old.redstar.ru/2004/05/06_05/1_03.html.
5. Вилков А. Политическое управление и гражданское общество в современной России. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskoe-upravlenie-i-grazhdanskoe-obschestvo-v-sovremennoy-rossii>.

REFERENCES

1. Shepetin A. The phases of establishing of social organizations of military veterans of Russian Federation. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-stanovleniya-obschestvennyh-organizatsiy-voennyh-veteranov-rossiyskoy-federatsii>. (In Russ.).
2. Gasanbekov S. Political Technologies in the system of shaping of electoral behaviour of officer corps of the Armed Forces of Russia. Scientific Library of the Thesis and Author`s Thesis. URL: <http://www.dissercat.com/content/politicheskie-tehnologii-v-sisteme-formirovanii-elektoralnogo-povedeniya-ofiterskogo-korpu#ixzz5WZUFCE 93>. (In Russ.).
3. Chepurnoy A. Time has chosen us. URL: http://yariva.rusinfo-guard.ru/wpcontent/uploads/sites/12/2017/05/pobratim_0416.pdf. (In Russ.).
4. Altunin P. Prudence should take over. Once again about the project of replacing benefits with cash compensation. URL: http://old.redstar.ru/2004/05/06_05/1_03.html. (In Russ.).
5. Vilkov A. Political control and civil society in modern Russia. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskoe-upravlenie-i-grazhdanskoe-obschestvo-v-sovremennoy-rossii>. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-3-31-34
УДК 316.354(045)

АДАПТАЦИЯ НОВЫХ СОТРУДНИКОВ КАК КРИТЕРИЙ СОЦИАЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ ОРГАНИЗАЦИИ

Узюмова Наталья Владимировна,

аспирант Департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет, Москва, Россия
nataly@uzyumova.ru

Аннотация. Статья посвящена корпоративной культуре как методу непрямого управления, который особенно востребован в компаниях, работающих в сфере интеллектуальных услуг. Развитая корпоративная культура помогает избежать громоздких бюрократических структур, поскольку сотрудники такой организации способны самостоятельно принимать правильные решения, исходя из ценностей, норм и правил, принятых в их компании. Культура организации рассматривается через призму ее эффективности, основное внимание уделено социальному аспекту. Так как для поддержания и воспроизводства сформировавшейся корпоративной культуры решающее значение имеют, в том числе, отбор персонала и обеспечение последующей производственной адаптации, то автор уточняет понятие социальной эффективности применительно к адаптации новых сотрудников коммерческих организаций и рассматривает основные стадии социальной адаптации. Также автор описывает условия успешности адаптации новых сотрудников, выявляет основные черты социально эффективной корпоративной культуры и системы адаптации новых работников организации. В статье сделан вывод о том, что каждый успешно адаптированный новый сотрудник укрепляет корпоративную культуру коммерческой организации и способствует повышению ее социальной эффективности, в то время как каждая неудачная попытка адаптации снижает данный показатель.

Ключевые слова: корпоративная культура; социальная эффективность; адаптация новых сотрудников; критерии социальной эффективности; система адаптации

ADAPTATION OF NEW EMPLOYEES AS THE CRITERION OF SOCIAL EFFICIENCY OF COMPANY'S CORPORATE CULTURE

Uzyumova N.V.,

PhD student, Department of Sociology, History and Philosophy,
Financial University, Moscow, Russia
nataly@uzyumova.ru

Abstract. The article is devoted to corporate culture as a method of indirect management, which is especially in demand in companies working in the field of intellectual services. Developed corporate culture helps to avoid cumbersome bureaucratic structures, as the employees of such an organisation can make the right decisions based on the values, norms and rules adopted in their company. The author considers the culture of the organisation through the prism of its effectiveness, paying the primary attention to the social aspect. As for maintenance and reproduction of the established corporate culture, the selection of staff and ensuring the subsequent production adaptation are crucial; the author specifies the concept of social efficiency, as regards adaptation of new employees of the commercial organisations and considers the main stages of their social adaptation. The author also describes the conditions of successful adaptation of new employees, identifies the main features of socially effective corporate culture and the system of adaptation of new employees. The author concluded that each successfully adapted new employee strengthens the corporate culture of a commercial organisation and contributes to its social efficiency, while each unsuccessful attempt to adapt reduces this indicator.

Keywords: corporate culture; social efficiency; adaptation of new employees; social efficiency criteria; employee orientation

Корпоративную культуру компании можно охарактеризовать как «комплекс разделяемых всеми поведенческих норм, артефактов, ценностей, представлений и понятий, которые организация создает по мере того, как она учится преодолевать препятствия внутреннего и внешнего характера на пути к процветанию» [1]. Таким образом, корпоративная культура охватывает большинство явлений духовной и материальной жизни организации, в том числе этические нормы и правила поведения, стандарты качества выпускаемой продукции и услуг, дистанцию власти, способ разрешения конфликтов и возможность проявления инициативы.

Наибольший интерес к корпоративной культуре как методу непрямого управления проявляется в компаниях, работающих в сфере интеллектуальных услуг, где изменчивая высококонкурентная внешняя среда вкупе с высокой квалификацией персонала снижают эффективность традиционных методов управления. Однако если сотрудники обладают единым представлением о корпоративных ценностях и нормах поведения, то нет необходимости давать этим сотрудникам указания в каждой конкретной ситуации, — работники самостоятельно примут правильное решение, руководствуясь внутренними ориентирами. Таким образом, культура организации помогает управлять бизнес-процессами, избегая развитых бюрократических структур.

Управленческая деятельность тесно связана с вопросом ее эффективности, ведь трудно не согласиться с тем, что «только зная, измеряя и оценивая результаты управления, можно по принципу обратной связи находить источники, факторы и ресурсы как управленческих успехов, так и неудач» [2].

Эффективность как оценочная категория указывает на соотношение между затраченными ресурсами и полученными результатами (в рамках достижения определенной цели). При этом если речь идет об общественно-экономической деятельности, полученный эффект, помимо собственно экономического среза, имеет также и социальное выражение.

Поскольку для поддержания и воспроизводства сформировавшейся корпоративной культуры, кроме деятельности высшего руководства, решающее значение имеют отбор персонала и обеспечение последующей производственной адаптации, то одним из критериев социальной

эффективности управления корпоративной культурой выступает адаптация новых работников предприятия.

Адаптация в производственной организации — это процесс включения и освоения индивидом условий трудовой деятельности, практик трудовых отношений, норм и правил, принятых в данной организации [3]. Главной задачей такой адаптации выступает освоение относительно стабильных условий организации, решение повторяющихся, типичных проблем путем использования принятых способов социального поведения, действия.

Соответственно, наше рабочее определение принимает следующий вид: социальная эффективность управления адаптацией новых сотрудников — есть соответствие социальных результатов деятельности руководства по обеспечению условий адаптации, с одной стороны, и позитивная оценка сотрудниками такой управленческой деятельности — с другой.

В процессе адаптации новый сотрудник проходит следующие стадии [4]:

1. Стадия предварительной адаптации начинается задолго до вступления нового сотрудника в должность и охватывает период с момента выбора компании до этапа фактического выхода на работу. Ценность данного этапа заключается в том, что он помогает будущему сотруднику получить представление об организации и ее корпоративной культуре, так как при прохождении собеседования и предварительных испытаний соискатель и организация оговаривают взаимные ожидания, требования и преимущества в сравнении с другими участниками рынка труда.

2. Стадия «столкновения» знакомит новичка с работой организации и ее корпоративной культурой изнутри. В процессе непосредственной трудовой деятельности сотрудник сравнивает представления, полученные о компании на стадии предварительной адаптации, с тем, как функционирует организация в действительности. Если ожидания сотрудника и встречные ожидания компании согласуются, то работник продолжает интегрироваться в коммерческую организацию, в противном случае новичок покидает предприятие. Однако продуманная система отбора кадров призвана минимизировать вероятность такого исхода событий.

3. Финальная стадия адаптации — «метаморфоза», когда новичок становится полноценным

членом организации. Такой сотрудник способен действовать самостоятельно, обладает необходимой компетенцией для выполнения служебных обязанностей, ставит перед собой задачи профессионального и личностного развития в рамках данного предприятия. Он усвоил нормы корпоративной культуры, чувствует уважительное отношение коллег и ощущает себя частью организации.

Успешность адаптации также зависит от степени усвоения, глубины *интериоризации*; данный процесс предполагает сущностное, глубинное включение индивида в процесс взаимодействия с социальной реальностью, в результате которого нормы, стандарты и ценности, присущие новой социальной среде, из внешней доминанты, будучи приняты индивидом, становятся его внутренними ориентирами, частью его личности. Иными словами, это процесс «переплавки» требований среды в личные ценности человека, его внутренний кодекс поведения.

На первых порах существования компании корпоративная культура организации как объект управления максимально полно воплощает видение и ценности ее основателя. Однако по мере роста компании и прихода наемных управленцев такая прямая связь прерывается, и задача сохранения и поддержания корпоративной культуры, в том числе через социальную адаптацию новых сотрудников, как правило, переходит в ведение кадровой службы. В таких условиях важность оценки социальной эффективности корпоративной культуры становится еще более насущной.

В целом социально эффективную корпоративную культуру отличают следующие черты [4]:

- слаженность в работе коллектива, командный дух;
- преданность организации, готовность ответственствовать ее высоким стандартам;
- высокие требования к качеству труда;
- готовность к переменам, которые диктуются требованиями прогресса и конкурентной борьбой;
- удовлетворенность работой, гордость за ее результаты.

Согласно некоторым открытым данным наибольшая доля увольнений происходит именно во время адаптационного периода, т.е. в течение первого года работы в компании [5]. Основной причиной оказываются разногласия во взаимных ожиданиях — как со стороны сотрудника (в том числе неудовлетворенность такими параметра-

ми корпоративной культуры, как возможность карьерного роста, система вознаграждения, социально-психологический климат в коллективе), так и со стороны организации (например, неприятие сотрудником ответственности, проявление нелицеприятных личностных и деловых качеств, неумение вписаться в команду). Иными словами, имеет место низкая социальная эффективность системы адаптации персонала.

Между тем сбалансированная социально эффективная система адаптации новых сотрудников призвана снизить издержки организации посредством соблюдения определенных принципов, которые мы далее рассмотрим более подробно.

1. Вхождение нового сотрудника в должность в максимально сжатые сроки. Данное требование предполагает достижение новичком определенного уровня продуктивности и сокращение количества ошибок в работе.

2. Снижение уровня текучести кадров за счет сокращения числа сотрудников, уволившихся в первый год работы и не прошедших испытательный срок.

3. Продуктивное использование времени руководителя и сотрудников, включенных в программу адаптации новичка.

4. Повышение уровня удовлетворенности корпоративной культурой организации со стороны всех участников, включенных в систему адаптации.

5. Достижение новым сотрудником *интериоризации* основных норм, ценностей и правил поведения, присущих данной организации, и последующая идентификация работника с компанией и ее корпоративной культурой.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что каждый успешно адаптированный новый сотрудник укрепляет корпоративную культуру коммерческой организации и способствует повышению ее социальной эффективности, в то время как каждая неудачная попытка адаптации снижает данный показатель и оставляет осадок неудовлетворенности. Ведь на адаптацию новичка были направлены усилия значительной части коллектива, с ним были связаны определенные ожидания как с будущим коллегой, напарником и членом команды.

В современной российской практике под текучестью кадров подразумевают малоуправляемое перемещение работников между организациями. К данному феномену относят уход из компании «по собственному желанию» сотрудника, а также

увольнения по решению администрации, связанные с нарушением трудовой дисциплины. При этом текучесть кадров — своеобразный показатель уровня организации труда, корпоративной культуры компании, возможностей реализации сотрудником его профессиональных качеств и амбиций [3].

Согласно исследованиям Ф. Арккола [6], уход одного из сотрудников часто вызывает цепную реакцию и способен повысить уровень текучести персонала. Данный феномен имеет следующие основания:

- увольнение одного из работников может повлиять на восприятие другими сотрудниками своего руководителя, команды и организации в целом, подтолкнуть к переоценке корпоративных норм, стандартов поведения и собственной роли в компании;
- потеря близкого друга на работе приводит к необходимости иначе выстраивать отношения внутри коллектива, влияет на расстановку сил в социальной группе;
- если увольнение сотрудника сопровождалось конфликтом, то последствия будут проявляться даже месяцы спустя, что скажется на моральном духе и сплоченности коллектива и команды;
- уход работника может быть сигналом изменения кадровой политики организации или

индикатором скрытых проблем внутри коллектива.

Важно отметить, что чем большим уважением и влиянием пользовался покинувший компанию сотрудник, тем более глубокими будут последствия его увольнения для коллектива и организации в целом, поэтому службе персонала желательно в кратчайшие сроки выявить несоответствие новичка трудовому месту и расстаться с таким работником по обоюдному согласию в спокойной обстановке.

Подводя итог, отметим, что ключевым элементом социально эффективной корпоративной культуры — согласование, сонаправленность целей и ожиданий организации и входящих в ее состав сотрудников. Посредством социальной адаптации новичок должен усвоить, каким образом через достижение производственных целей он решает свои собственные задачи.

Социально эффективная система адаптации должна включать мероприятия по сопровождению персонала с момента подбора новых сотрудников на стадии предварительной адаптации до стадии полного «встраивания» в организацию, получившей название «метаморфоза», или при неблагоприятном развитии — до увольнения. Попутно такая система адаптации способствует повышению уровня удовлетворенности и лояльности сотрудников со стажем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Oden H.W. *Managing Corporate Culture, Innovation and Entrepreneurship*. Westport. Conn.: Quorum Books; 1997. 279 p.
2. Тюриков А.Г., Якунин А.С. Оценка социальной эффективности управления регионом по критерию качества жизни населения. *Армия и общество*. 2011;1(25):111–117.
3. Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь. Ядов В.А., ред. СПб.: Наука; 2006.
4. Персикова Т.Н. *Корпоративная культура*. М.: Логос; 2015. 288 с.
5. Ежукова И.Ф. Трудовая адаптация сотрудников. URL: <http://e-koncept.ru/2017/470002.htm>.
6. Arkcoll P. The Impact of Turnover on Employee Experience. URL: <http://edwvb/blogspot.com>.

REFERENCES

1. Oden H.W. *Managing Corporate Culture, Innovation and Entrepreneurship*. Westport. Conn.: Quorum Books; 1997. 279 p.
2. Tyurikov A.G., Yakunin A.S. Assessment of social efficiency of management of the region according to criterion of quality of life. *Armiya i obshchestvo*. 2011;1(25):111–117. (In Russ.).
3. Sociology of work. Theoretical and applied dictionary. Yadov V.A., ed. St. Petersburg: Nauka; 2006. (In Russ.).
4. Persikova T.N. *Corporate culture*. Moscow: Logos; 2015. 288 p. (In Russ.).
5. Ezhukova I.F. Labour and adaptation of employees. URL: <http://e-koncept.ru/2017/470002.htm>. (In Russ.).
6. Arkcoll P. The Impact of Turnover on Employee Experience. URL: <http://edwvb/blogspot.com>.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ: ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОШЛОГО

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-3-35-39
УДК 32(045)

ИЗ ИСКРЫ РАЗГОРИТСЯ ПЛАМЯ. СТРАНЫ ЕВРОПЫ НА ПУТИ К ПЕРВОЙ МИРОВОЙ (105-ЛЕТИЮ СО ДНЯ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ПОСВЯЩАЕТСЯ)

Ястремский Анатолий Михайлович,

д-р ист. наук, профессор,

профессор Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

anatoly-fa@mail.ru

Аннотация. Первая мировая война стала практически неизбежна в результате переплетения различных интересов великих держав на Балканах. Взрывоопасная обстановка постепенно накалялась и в конечном итоге привела к необратимым последствиям. Война стала неизбежной, так как, с одной стороны, в Европе появились силы, готовившие и жаждавшие войну. С другой стороны, отсутствовали силы, способные сдержать войну. Россия не смогла взять на себя миротворческую миссию, так как вызывала недоверие как Тройственного союза, так и в Антанты, к тому же преследовала свои интересы. Частые дипломатические и военно-политические кризисы накануне войны наложили свой отпечаток на социально-психологическую атмосферу в Европе. В ходе июльского кризиса 1914 г. стало ясно, что из-за ошибки Англии, не озвучившей своей солидарности с Францией и Россией, не желавших кровопролития, может начаться большая война. Россия уже тогда проводила политику уступок агрессору, что только усугубляло обстановку. Это в конечном счете и привело к общеевропейской войне.

Ключевые слова: европейский кризис; война; внешняя политика; Балканские войны; Антанта

THE SPARK WILL IGNITE THE FLAME. THE COUNTRIES OF EUROPE TOWARDS THE FIRST WORLD WAR (DEDICATED TO THE 105TH ANNIVERSARY OF THE FIRST WORLD WAR)

Yastremskiy A.M.,

Doctor of Historical Science, Professor,

*Professor of the Department of Political Science and Mass Communications,
Finance University, Moscow, Russia*

anatoly-fa@mail.ru

Abstract. The First World War has become almost inevitable as a result of the intertwining of different interests of the great powers in the Balkans. The explosive situation gradually escalated and eventually led to irreversible consequences. War became inevitable, as in Europe, on the one hand, some forces prepared and craved war. On the other hand, there were no forces capable of containing the war. Russia could not take over the peacekeeping

mission as it caused distrust of both the Triple Alliance and the Entente. She also pursued its interests. Frequent diplomatic and military-political crises on the eve of the war left their stamp on the socio-psychological atmosphere in Europe. During the July 1914 crisis, it became clear that due to the mistake of England, which did not declare its solidarity with France and Russia, who did not want bloodshed, a great war could begin. Russia was already pursuing a policy of concessions to the aggressor, which only aggravated the situation. It ultimately led to a pan-European war.

Keywords: the European crises; war; foreign policy; Balkan Wars; Entente

Никогда ранее война как историческое явление не приобретала столь значительные масштабы и формы. Ее подготовка породила кардинальные политические перемены. Изменилась геополитическая обстановка в мире. Особая напряженность чувствовалась на Балканах, где один за другим вспыхивали конфликты.

Причиной конфликтной ситуации в регионе являлось и желание отдельных государственных образований сформировать свои национальные границы. К тому времени Босния и Герцеговина находились под оккупацией Австро-Венгрии и мечтали о своей независимости.

Политика Австро-Венгрии с конца XIX в. стала составной частью пангерманской политической концепции, сводившейся к желанию создать геополитическую магистраль: Гамбург — Багдад — Басра.

Австро-Венгрия стремилась установить полный контроль над средним и нижним Дунаем, обеспечивающий ей судоходство до Черного моря, и контроль дорог, ведущих из Средней Европы до Эгейского моря, а также проливов Босфор и Дарданеллы.

Австро-Венгрией и Англией в регионе проводилась совместная политика воспрепятствования распространения российского влияния и предотвращения «славянизации» Балкан. Австро-Венгрия старалась не допустить возникновения на Балканах нового единого славянского государства путем установления баланса сил между балканскими национальными анклавами, а также — поддержки и защиты албанского, греческого и румынского образований. То есть путем противопоставления неславянских народов славянским.

Особое внимание в своей политике на Балканах Австро-Венгрия уделяла таким национальным образованиям, как Старая Сербия, в состав которой входили Косово и Метохия, имеющим важное геополитическое и стратегическое значение для проникновения

в центральные области Балкан. Именно они, с военно-политической точки зрения, могли обеспечить господство на Балканах.

Проводимой Австро-Венгрией политике сопротивлялись в первую очередь сербы, особенно молодые, часть из которых объединилась в организацию «Молодая Босния». Они были готовы активно противостоять агрессивной политике европейских государств и вести решительную борьбу за свою независимость.

Кроме этого, Австро-Венгрия всячески поддерживала турецкое господство в регионе с целью противодействия укреплению российского влияния на балканских христиан.

Мечтали о независимости и в Чехии. И необходимо признать, что именно геополитические изменения, произошедшие в результате Первой мировой войны, способствовали созданию независимой Чехословакии.

Во второй половине XIX в. Пруссия стала во главе объединения Германии. В Зеркальном зале Версальского дворца 18 января 1871 г. Вильгельм I и ставший с этого дня имперским канцлером Германии Отто фон Бисмарк объявили дипломатам побежденной во Франко-прусской войне (1870–1871 гг.) Франции о появлении на карте Европы нового игрока в европейской политике — Германской империи.

Молодая империя, взяв на вооружение все новейшие достижения науки и техники, стала развиваться быстрыми темпами и вышла на передовые позиции в экономической жизни Европы. Для дальнейшего успешного развития необходимы были сырьевые ресурсы и рынки сбыта своих товаров. Но мировые державы не изъявляли желания делиться ни ресурсами, ни рынками. Эту проблему можно было решить только силой. Поэтому к концу века стал укрепляться Пангерманский союз, чему Германия подчинила всю внутреннюю и внешнюю политику.

Внутренняя политика Германии была направлена на создание мощной армии и во-

енно-морского флота, а внешняя — на поиск союзников на случай развязывания войны, поиск источников ресурсов для своего развития и рынков сбыта товаров. Сначала Германия обратила свои взоры на Африканский континент, но впоследствии, взвесив все «за» и «против», переориентировалась на Ближний Восток.

Здесь, во-первых, имелось больше свободного пространства для колонизации и можно было опередить в этом вопросе и Англию, и Россию.

Во-вторых, возникала необходимость построить Багдадскую железную дорогу. Это позволяло приблизиться к самому экономически выгодному рынку сбыта товаров Великобритании — Индии — и оказывать серьезное влияние на геополитическое положение России в этом регионе.

В-третьих, для противостояния Британии и России в этом регионе, Германии необходим был союзник в лице Турции.

В-четвертых, Турцию как союзника Германии следовало перевооружить по стандартам Германии.

Таким образом, к концу века постепенно обострялись отношения между Германией и Великобританией, как крупнейшей колониальной державой мира. Чтобы успешно с ней бороться, следовало создать военно-морской флот. 24 марта 1896 г. Германский рейхстаг принял закон о создании военно-морского флота и поручил его претворение в жизнь морскому министру, адмиралу А. фон Тирпицу и Ф. Круппу (из династии пушечных королей).

Целями Германии в предстоящей схватке с Англией и ее союзниками являлись:

- решение колониального вопроса в свою пользу;
- мгновенный разгром Франции — союзницы Британии на континенте — прежде, чем Россия сможет оказать ей какую-либо помощь. Затем — разгром России и создание проблем Великобритании путем организации восстаний в ее колониях в Индии и Египте. От успеха этого плана зависел дальнейший передел колоний в Африке, Океании, Китае и других регионах мира в пользу Германии.

Британия верно определила своего главного соперника в политике, экономике, военно-морской и колониальной сфере деятельности и успешно использовала своего союзника на континенте — Францию — для привлечения на

свою сторону России. С начала 1914 г. французская дипломатия активно содействовала сближению России и Англии, используя с этой целью визиты во Францию английского короля Георга V и министра иностранных дел Э. Грея.

Германии в этой обстановке не удалось навязать России союзный договор. В России очень болезненно восприняли назначение Отто Лимана фон Сандерса главой военной миссии в Турции в 1913 г. К лету 1914 г. в ее состав входило порядка 70 офицеров, вместо 42, положенных по соглашению. Эта миссия практически руководила турецкой армией, а немецкий адмирал В.А. Сушон командовал турецким флотом в соответствии с подписанным в Стамбуле 2 августа 1914 г. секретным германско-турецким договором. Это свидетельствовало о явной угрозе со стороны Германии и способствовало сближению России и Британии.

В 1912–1913 гг. очаг возможного начала войны переместился на Балканы. Османская империя стремилась возродить свое былое величие и одним решающим сражением вновь принудить все балканские страны к повиновению. Австро-Венгрия пыталась прибрать к своим рукам слабые разрозненные славянские государства, самым сильным из которых являлась Сербия. Россия на Балканах тоже преследовала свои цели. Славянские народы ей были не безразличны, да и Турция представляла значительный интерес из-за своих проливов Босфор и Дарданеллы. Создавался целый клубок противоречий, который распутать могли только локальные войны и вооруженные конфликты. И они не заставили себя долго ждать.

Первая Балканская война началась 8 октября 1912 г. между Турцией и союзом болгарского, греческого, сербского и черногорского государств. Только единодушное мнение всех великих держав и неожиданное поражение Турции не позволили распространиться вооруженному конфликту и перерасти в мировую войну.

Скоротечная Вторая Балканская война, начатая 30 июня, завершилась разгромом Болгарии 29 июля 1913 г. и тоже не превратилась в мировой пожар. Но все шло к этому.

Локальные балканские войны определили расстановку сил в европейском театре военных действий и интересы всех великих держав, а также показали необходимость и возможность продолжения военных действий с целью окончательного передела мира.

В результате Балканских войн Германия и Австро-Венгрия посчитали себя обманутыми в своих ожиданиях и жаждали реванша. Потерпевшие поражение Турция и Болгария тоже считали себя оскорбленными. Необходим был только повод, чтобы развязать новую войну, и никто в то время не думал о том, что она может перерасти в мировую. Во всем мире к тому времени не нашлось сил, способных удержать великие державы от войны. Тройственный союз и Антанта использовали свои миротворческие функции только для того, чтобы выиграть время и еще более тщательно подготовиться к предстоящей войне, в развязывании которой никто не сомневался. Правящие элиты великих держав с нетерпением ждали войну в предвкушении значительных прибылей. Общественность разделилась на противоборствующие лагеря, причем зачастую по национальному признаку, а пацифисты в общественной жизни европейских стран особой роли не играли.

Выявить виновников войны крайне сложно. В ней были заинтересованы все. Предлог мог быть найден любой. В России и Европе для этого была развязана самая настоящая «газетная война».

Германия не была заинтересована в тушении мирового пожара. Вильгельм II 23 июля 1914 г. заверял руководство Австро-Венгрии в полной поддержке ее активных действий против Сербии.

Позиция Англии была направлена на развязывание большой войны на Европейском континенте. Борьба России и Германии способствовала ослаблению обеих держав как главных конкурентов Великобритании на мировой арене.

Россия не могла предать Сербию и нарушить свой союзнический долг перед Францией.

Началом «цепной реакции» послужило убийство 28 июня 1914 г. в г. Сараево наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда и его жены, герцогини Софии Гогенберг, сербским студентом Гаврилой Принципом, входившим в группу из шести террористов (пять сербов и один босниец). Политической целью убийства являлось отделение южно-славянских территорий от Австро-Венгрии и последующее присоединение их к Великой Сербии. Это стало поводом для начала Первой мировой войны. Австро-Венгрия предъявила ультиматум Сербии, который был

частично отклонен, после чего Австро-Венгрия объявила войну Сербии.

Министр иностранных дел России С. Д. Сазонов 30 июля 1914 г. принял германского посла Ф. Пурталеса. Как отмечал посол Франции в России М. Палеолог, уже с первых слов немецкого посла стало ясно, что «...Германия не хочет произнести Вене сдерживающего слова, которое бы спасло мир». Сазонов ему объявил: «Если Австрия, признавая, что австро-сербский вопрос принял общеевропейский характер, объявит себя готовой вычеркнуть из ультиматума пункты, которые наносят ущерб Сербии, Россия обязывается прекратить свои военные приготовления» [1, с. 50].

Германия, от лица Вильгельма II, в телеграмме в ультимативной форме заявила, что мобилизация России против Австрии означает, что вся ответственность за войну или мир ляжет на Россию, хотя Россия предлагала передать решение этого вопроса на Гаагскую конференцию. Но ответа из Германии не последовало [1, с. 155].

Австро-венгерский монарх Франц Иосиф 29 июля 1914 г. отдал приказ о начале бомбардировок Белграда, а германский кайзер в Потсдаме принял решение о начале всеобщей войны, мотивируя свое решение тем, что Россия начала мобилизацию [2, с. 25].

1 августа 1914 г. в 12 часов 52 минуты Германия объявила войну России [3, с. 257, 259].

Таким образом, балканские локальные войны и европейский кризис начала XX в. привели к резкому обострению противоречий между странами Тройственного союза и Антантой, а полная поддержка Германией Австро-Венгрии в решении своих агрессивных намерений на Балканах — к Первой мировой войне в Европе.

Выводы из прошлого опыта можно сделать вполне определенные.

Локальные войны и вооруженные конфликты при определенно сложившихся обстоятельствах могут выйти из-под контроля и привести к третьей мировой войне. Очень сложно определить тот переломный момент, когда возвратиться к миру уже будет невозможно.

Бороться с надвигающейся угрозой желательно не тогда, когда война стоит «на пороге твоего дома», а «на дальних подступах».

Армию и флот необходимо всегда держать в полной боевой готовности, чтобы можно было в любое время отстоять интересы своей страны.

Именно вопрос о войне стал «...оселком всей революции» [4, с. 62].

За мир необходимо активно бороться твердо, жестко, наступательно, всеми доступными силами и средствами.

В борьбе за мир должны принимать участие не только руководители страны, но и каждый здравомыслящий человек на своем уровне.

Итоги войны показали, что в ней приняли участие 38 государств. В результате войны мир разделился на две крупные международные группировки, распались четыре империи. На стороне Антанты воевало 34 государства, а на стороне Германо-австрийского блока — 4. Странами Антанты и Центрального союза в войну были втянуты их доминионы и колонии.

Общие потери в войне составили более 10 млн солдат и примерно 12 млн мирных жителей убитых, около 55 млн — раненых и искалеченных. Был нанесен серьезный удар по европейской цивилизации. Возникло более десятка новых государств. Мир встал перед выбором дальнейшего пути цивилизационного развития. Россия вышла из войны в марте 1918 г., подписав кабальный для страны

Брестский мирный договор с Германией и ее союзниками.

В настоящее время в России научное сообщество продолжает изучать эту «забытую» войну. Итоги научных исследований, посвященных войне, подвели 17 октября 2017 г. в Центральном музее Вооруженных Сил Российской Федерации на международном круглом столе «Первая мировая война и революции 1917 года» [5, с. 175]. На мероприятии состоялась презентация фундаментального шеститомного труда «Первая мировая война 1914–1918 годов». Такой работы по объему, широте и глубине анализа событий не выходило ранее ни у нас, ни за рубежом. Этот труд существенно дополнил и систематизировал предшествующие отечественные и зарубежные работы, позволил осознать значимость трагических событий Первой мировой войны и причины событий 1917 г. [6, с. 83–90], глубже понять суть многих современных геополитических процессов, которые зародились еще в начале XX в. и до сих пор оказывают серьезное влияние на мировое сообщество. Их необходимо изучать, чтобы не повторять ошибок прошлого, не допустить третьей мировой войны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М.: Междунар. Отношения; 1991.
2. Первая мировая война. Взгляд спустя столетие. 1914 год: от мира к войне. Материалы IV Международной научно-практической конференции (27–28 ноября 2014 г., Москва). Степанов С. С., Шкундин Г. Д., ред. М.: Изд-во МНЭПУ; 2015.
3. Сазонов С. Д. Воспоминания. М.: Междунар. Отношения; 1991.
4. Архив русской революции. Изданный Г. В. Гессеном. Т. 1–2. М.: ТЕРРА, Политиздат; 1991. С. 62.
5. Махров А. М. Научный форум. Первая мировая война и революция 1917 г. *Военный академический журнал. Периодическое издание*. 2017;4(16):175.
6. Ястремский А. М. Роль партии большевиков на крутом повороте мировой истории (октябрь 1917 г.). *Военный академический журнал. Периодическое издание*. 2017;4(16):83–90.

REFERENCES

1. Paleologue M. Tsarist Russia during the world war. Moscow; 1991. (In Russ.).
2. First World War. View a century later. 1914: from peace to war. The IV International scientific-practical conference (27–28 November 2014, Moscow). Stepanov S. S., Shkundin G. D., eds. Moscow; 2015. (In Russ.).
3. Sazonov S. D. Memories. Moscow; 1991. (In Russ.).
4. Archive of the Russian revolution. Vol. 1 and 2. Hessen G. V., ed. Moscow; 1991. (In Russ.).
5. Makhrov A. M. Scientific forum. The First World War and the revolution of 1917. *Voenniy akademicheskii zhurnal*. 2017;4(16):175. (In Russ.).
6. Yastremskiy A. M. The role of the Bolshevik party at a sharp turn in world history (October 1917). *Voenniy akademicheskii zhurnal*. 2017;4(16):83–90. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-3-40-50
УДК 314.7(045)

МИГРАЦИОННАЯ ОБСТАНОВКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ *

Зорин Владимир Юрьевич,

д-р полит. наук, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова,
главный научный сотрудник, Институт этнологии
и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
Москва, Россия
v.y.zorin@mail.ru

Аннотация. Современная ситуация характеризуется увеличением миграционных потоков во всем мире. Российская Федерация входит в тройку стран, наиболее привлекательных для мигрантов. В структуре миграции в нашу страну значительное место занимает трудовая миграция. Подавляющая часть мигрантов приезжает из стран ближнего зарубежья – бывших советских республик, которые поддерживают с Россией тесные экономические и политические связи. Ученые сходятся во мнении, что миграция, безусловно, нужна для нашей страны, так как позволяет решать ключевые экономические и демографические проблемы. В то же время необходимо уделять внимание тем рискам, которые она приносит. Среди проблем, выявляемых в сфере управления миграционными отношениями, ключевыми являются совершенствование нормативно-правовой базы государственной миграционной политики, а также содействие успешной социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов в принимающее сообщество. В 2012 г., после принятия стратегических документов, наступил новый этап в истории государственной миграционной политики в нашей стране. Его характерная особенность – поиск баланса между экономическим развитием страны и безопасностью государства и общества, а также широкое внедрение инновационных методик и подходов к управлению миграционными отношениями. Принятие в 2018 г. новой редакции Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года направлено на решение актуальных задач, возникающих в этой сфере. В Концепции подчеркивается необходимость учета интересов представителей принимающего сообщества и мигрантов, тесного взаимодействия представителей МВД, ФАДН России и институтов гражданского общества, налаживание партнерских взаимоотношений между органами государственной власти и национальными общественными организациями.

Ключевые слова: Российская Федерация; миграция; беженцы; государственная миграционная политика; адаптация и интеграция мигрантов; Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации; нормативно-правовая база; Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции

* Статья подготовлена по результатам исследований 2019 г., выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситету.

THE MIGRATION SITUATION IN THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND SOLUTIONS**

Zorin V. Yu.,

Doctor of Political Sciences,

Chief researcher of Miklukho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of RAS,

Professor of Lomonosov Moscow State University,

Moscow, Russian Federation

v.y.zorin@mail.ru

Abstract. *The current situation characterises the increase in migration flows around the world. The Russian Federation belongs to the three countries the most attractive to migrants. In the structure of migration to our country, the essential place takes labour migration. An overwhelming part of migrants comes from neighbouring countries – the former Soviet republics that support close economic and political connections with Russia. There is a consensus between scientists that migration, indeed, is necessary for our country. It allows for solving critical economic and demographic problems. At the same time, it is required to pay attention to those risks it brings. Among the issues revealed in the sphere of management of the migration relations, we should stipulate the essential improvement of a regulatory framework of the state migration policy and support for successful social and cultural adaptation and integration of migrants into the native community. In 2012, after the adoption of strategic documents, begins the new stage in the history of the state migration policy in our country. Its characteristic feature is the search of balance between the interests of economic development of the country and safety of the state and society. It is supplemented by the widespread introduction of innovative techniques and approaches to management of the migration relations. Adoption in 2018 of the new edition of the “Conception of the state migration policy of the Russian Federation until 2025” is targeted on to the solution of the relevant tasks arising in this sphere. “Conception” stresses the necessity of accounting of interests of representatives of the native community and migrants, close interaction of representatives of the Ministry of Internal Affairs, Federal Agency for the Affairs of Nationalities of the Russian Federation and institutes of civil society in establishing partner relationship between public authorities and national public organisations.*

Keywords: *Russian Federation; migration; refugees; state migration policy; adaptation and integration of migrants; Conception of the state migration policy of the Russian Federation; regulatory framework; Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration (GCM)*

Вопросы государственной миграционной политики в нашей стране приобретают особую актуальность. Связано это с тем, что Российская Федерация занимает одну из лидирующих позиций в мире по уровню миграционной привлекательности для граждан из стран ближнего и дальнего зарубежья. При этом следует отметить, что вопросы миграционной политики тесно связаны с проблемами управления в сфере межнациональных отношений, поэтому изучать данную проблему следует только в комплексе.

Проблема внешней миграции особенно обострилась в настоящее время в Европе, которая переживает самый крупный миграционный кризис со времен Второй мировой войны. В результате члены Евросоюза начали оперативно разрабатывать и реализовывать комплекс мер по усилению пограничного и миграционного контроля, ужесточать порядок приема беженцев, однако ситуация не улучшается.

В соответствии с отчетом Международной организации по миграции населения количество международных мигрантов в 2010 г. составило около 214 млн чел., это 3,1% человечества

** The article is based on the results of the 2019 studies carried out at the expense of budgetary funds under the state task of the financial University.

Статистика миграции населения за 2017 г. / Migration statistics of the population for 2017

Страна отбытия	Страна прибытия	Количество человек
Узбекистан	Россия	Более 2 млн
Украина	Россия	Более 2 млн
Таджикистан	Россия	1 млн
Казахстан	Россия	45 тыс.
Армения	Россия	30–35 тыс.

в целом. При увеличении данного показателя с существующей скоростью к 2050 г. мигрантов будет около 405 млн чел. (<http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0555/barom01.php>).

Краткая статистика миграции населения за 2017 г. представлена в *таблице*.

Россия также вошла в мировую тройку лидеров по количеству мигрантов. Страна принимает огромное количество иностранцев, уступая только США и Германии. Причину этого феномена эксперты видят в том, что государство проводит грамотную миграционную политику, привлекая иностранную рабочую силу для обеспечения своих национальных и экономических интересов. Наиболее привлекательные для иностранцев регионы — Москва, Санкт-Петербург, Московская и Ленинградская области, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Краснодарский край (<https://ria.ru/economy/20180126/1513370628.html>).

При этом тема миграции остается одним из наиболее острых и актуальных общественно-политических сюжетов. Если эксперты воспринимают ее прежде всего в контексте рынка труда и демографии, то на уровне массового сознания акцент делается на вопросах безопасности (как государственной, когда речь идет о терроризме, так и общественной — проблемы бытовой преступности, распространения наркотиков). Тот факт, что многие приезжие представляют республики Центральной Азии, Закавказья, т.е. регионы, близкие к зонам конфликтов, дополняет остроты общественным дискуссиям и обсуждениям в социальных сетях.

Нельзя не отметить некоторые тенденции развития внутренней миграции в нашей стране.

В 2012–2017 гг. интенсивность миграции населения внутри Российской Федерации увеличилась на 10% при сохранении общей тенденции оттока в регионы центральной, северо-западной и юго-западной частей страны. Это — постоянный фактор роста диспропорций пространственного размещения населения. Практически весь потенциал внутренней миграции поглощают городские агломерации Москвы, Санкт-Петербурга и Краснодарский край. Нельзя не упомянуть также о Государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, которая была принята в 2006 г. Программа направлена на переселение людей, оказавшихся после распада СССР за пределами РФ и желающих переселиться в Россию. 14 сентября 2012 г. был подписан Указ Президента РФ, содержащий новую редакцию программы и сделавший ее бессрочной¹. С 2013 г. изменилась категоричность территорий вселения. Вместо существовавших трех типов («А», «Б» и «В») выделены «территории приоритетного заселения» и все остальные «территории вселения». Утвержден перечень регионов России, которые будут приоритетными при переселении соотечественников на постоянное место жительства в 2014 г.

Соотечественники-переселенцы будут пользоваться максимальным уровнем государственной поддержки в следующих регионах России: Бурятия, Забайкальский, Камчатский, Примор-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 22.06.2006 № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом».

ский, Хабаровский края, Амурская, Иркутская, Магаданская, Сахалинская области и Еврейская автономная область. Количество регионов, участвующих в программе, увеличилось до 48 (http://emigrant-ussr.ru/blog/v_2013_godu_kolichestvo_regionov_uchastnikov_programmy_pereselenija_uelichitsja_do_48/2013-04-19-349). Кроме того, помимо соотечественников, проживающих за рубежом, в программе могут участвовать и иностранные граждане, законно находящиеся на территории РФ. За последнее время по данной программе в год в нашу страну въезжают 50–60 тыс. человек.

На консульском учете за рубежом состоит более 2 млн граждан Российской Федерации. Около 60 тыс. граждан Российской Федерации ежегодно выезжают на работу за границу, из них 38% — высококвалифицированные специалисты. В 2012–2017 гг. внешняя миграция в Российскую Федерацию компенсировала естественную убыль населения и поставляла дополнительные трудовые ресурсы для национальной экономики. Более 1 млн человек получили гражданство Российской Федерации, из которых 525 тыс. — в рамках Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом.

Суммарный миграционный прирост за этот период составил 1,6 млн человек. Среднегодовая численность иностранных трудовых мигрантов составляет около 3 млн человек (3–4% от среднегодовой численности всех трудовых ресурсов). На территории Российской Федерации ежегодно находились около 10 млн иностранных граждан. Более 1 млн иностранных граждан постоянно или временно проживают в России [1, с. 6–16].

По данным МВД РФ, за январь–август 2018 г., 172 863 человека получили гражданство Российской Федерации; 73 366 соотечественников и членов их семей прибыли в Россию и поставлены на миграционный учет; оформлено 340 706 приглашений иностранным гражданам и лицам без гражданства; выдано 159 967 виз. Всего на миграционный учет было поставлено 11 960 763 человека; оформлено 80 539 разрешений на работу иностранным гражданам (в том числе, 17 161 — высококвалифицированным специалистам). Всего было оформлено свыше 1 млн патентов; 174 887 разрешений на

временное пребывание иностранным гражданам; 122 651 — вид на жительство; направлено 183 558 представлений о неразрешении иностранным гражданам и лицам без гражданства въезда на территорию РФ (<https://xn--b1aew.xn--plai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/14454192/>).

В числе иностранных граждан, привлекаемых российскими работодателями, остается высокой доля низкоквалифицированных работников, востребованность которых определяется не только зачастую меньшими (по сравнению с использованием труда граждан Российской Федерации) издержками, но и недостаточным развитием в ряде отраслей уровня технологий и организации труда, сокращением рабочих мест средней и высокой квалификации.

По данным МВД РФ, на территории России в 2018 г. с различными целями одновременно находились 10,2 млн иностранных граждан, из них 8,5 млн — граждане стран СНГ (2 млн — граждане Украины, среди которых значительный процент составляют люди, проживавшие в зоне военного конфликта в Донбассе; 2 млн — граждане Узбекистана; 1 млн — Таджикистана; 650 тыс. — Кыргызстана).

Особая нагрузка ложится на мегаполисы. Так, Москва и Московская область принимают около 30% приезжих; Санкт-Петербург и Ленинградская область — 7%; Краснодарский край — 5%. Также благоприятными для жизни городами называют Новосибирск, Екатеринбург, Красноярск (провинциальные города не слишком жалуют эмигрантов, которые живут в России). Однако, в отличие от Европы, это не привело к возникновению миграционного кризиса в нашей стране. Заметны улучшения в отношениях между принимающим сообществом и прибывающими мигрантами. Во многом это результат политики, проводимой в стране в отношении трудовых мигрантов. Так, по заявлениям московских властей, поступления в казну от налога на патенты в последнее время превышают платежи от предприятий нефтяного комплекса.

Следует подчеркнуть, что граждане стран Евразийского экономического союза (Беларусь, Армения, Казахстан, Кыргызстан) имеют на территории РФ ряд преференций. Статьей 4 Договора о ЕАЭС от 29.05.2014 в Союзе обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, или «четыре свобо-

ды», а также проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики. Граждане ЕАЭС имеют право на проживание в России на протяжении всего срока действия трудового договора, а, кроме того, в течение 15 суток после его окончания могут переоформить договор, не выезжая за пределы нашей страны. Они приравнены в трудовых правах к гражданам РФ, включая право на получение необходимого социального обеспечения [2].

Приведем некоторые статистические данные, относящиеся к гражданам вышеуказанных государств, находящихся в России. Так, в 2017 г. в нашу страну въехали 1,7 млн граждан Казахстана; свыше 700 тыс. — Кыргызстана; свыше 600 тыс. — Армении. Из них свыше 1 млн человек (т.е. треть от общего количества) прибыли с целью осуществления трудовой деятельности, т.е. являются трудовыми мигрантами. При этом в настоящее время уже около 1,3 млн граждан стран ЕАЭС имеют право на осуществление трудовой деятельности и фактически работают в различных сферах народного хозяйства нашей страны.

5 декабря 2017 г. было ратифицировано Соглашение между правительствами России и Узбекистана об организованном наборе и привлечении граждан Узбекистана для временной трудовой деятельности на территории России. Соглашение подписано в Москве 5 апреля 2017 г. Трудящиеся-мигранты привлекаются на основании трудового договора, заключенного в соответствии с российским законодательством. Обязательным условием для осуществления трудовой деятельности является наличие полиса добровольного медицинского страхования. Соглашение определяет перечень обязательных требований к работодателю, участвующему в организованном привлечении трудящихся-мигрантов (наличие мест проживания; обеспечение безопасных условий труда и охраны труда, а также безопасности на рабочих местах; гарантированная оплата труда не ниже минимального уровня, установленного российским законодательством).

Предусмотрена возможность комплексной подготовки гражданина Узбекистана в стране его проживания для временной трудовой деятельности в России. Так, компетентные органы Республики Узбекистан могут подбирать для российских работодателей из числа граждан

Узбекистана кандидатов на трудоустройство, имеющих требуемую квалификацию и опыт работы; согласовывать с российскими работодателями кандидатуры и тексты проектов трудовых договоров; проверять кандидатов на предмет их нахождения в международном или межгосударственном розыске, наличия у них судимости; организовывать проезд кандидатов на трудоустройство до места временной трудовой деятельности на территории России и их возвращение на родину. Соглашение предполагает проведение медосвидетельствования кандидатов на предмет выявления у них инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих, до выезда из Республики Узбекистан. Также в соглашении закреплены основные права граждан Узбекистана, осуществляющих временную трудовую деятельность в России (в частности, право на труд, отдых и соцстрахование (кроме обязательного медицинского), пенсионное обеспечение)².

По данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2017 г. мигранты стали законопослушнее. Так, иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории России в 2017 г. было совершено 41 047 преступлений — на 6,6% меньше, чем годом ранее. При этом 36 233 преступления (на 5,9% меньше, чем в 2016 г.) совершено гражданами государств — участников СНГ, что составило 88,3% всех преступлений, совершенных не гражданами России. Количество же преступлений, совершенных в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, за год уменьшилось на 6,3% и составило 14 679 (<https://www.kommersant.ru/doc/3533896>).

Во многом это связано с тем, что за последние годы в Российской Федерации были приняты меры правового и организационного характера, нацеленные на упорядочение миграционных процессов, повышение их прозрачности, на противодействие нелегальной миграции и связанным с ней негативным явлениям.

² Федеральный закон от 05.12.2017 № 366-ФЗ «О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан об организованном наборе и привлечении граждан Республики Узбекистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации».

В рамках реализации первого этапа Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (2012–2015 гг.) были внесены изменения в федеральные законы «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», «О гражданстве Российской Федерации», «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», «О беженцах», в Закон Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации» и др. Таким образом, можно сделать вывод о том, что миграционное законодательство было одним из самых подвижных в российской правовой системе. Среди коренных изменений следует отметить прежде всего отмену квот для трудовых мигрантов и переход на систему патентов [3].

В частности, был ограничен въезд для нарушителей миграционного и трудового законодательства. Усилена ответственность за организацию незаконной миграции, а также за незаконное привлечение к трудовой деятельности иностранных граждан, введена уголовная и административная ответственность за фиктивную регистрацию и постановку на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства. В 2014–2015 гг. за различные нарушения российского законодательства выдворены более 200 тыс. иностранных граждан и закрыт въезд в Российскую Федерацию более чем для 1,1 млн человек. Только за первое полугодие 2018 г. эта цифра составила 166 137 человек, что на 90% больше, чем за этот же период 2017 г.³

Одновременно принят ряд мер в целях поддержки легальной миграции. В частности, упрощено регулирование трудовой деятельности иностранных граждан. Трудовой кодекс Российской Федерации дополнен главой 50 «Особенности регулирования труда работников, являющихся иностранными гражданами и лицами без гражданства».

С 1 января 2015 г. установлены правовые основы для осуществления на основании патентов трудовой деятельности в Российской

Федерации иностранных граждан из стран СНГ, прибывших в порядке, не требующем получения визы⁴.

В ноябре 2017 г. Россия сократила квоту на временное проживание иностранцам и лицам без гражданства. Правительство Российской Федерации в 2018 г. установило квоту для оформления разрешений на временное проживание в размере 90 360 единиц (на всю Россию) — на 20 с половиной тыс. меньше, чем в 2017 г. (<https://iz.ru/674856/2017-11-24/rossiia-sokratila-kvotu-na-vremennoe-prozhivanie-inostrantcev>).

В 2012–2017 гг. усовершенствованы инструменты правового регулирования в миграционной сфере, включая меры ответственности за нарушение миграционного законодательства и противодействия незаконной миграции. Корректировка правил осуществления иностранными гражданами трудовой деятельности позволила сократить нелегальную часть трудовой миграции и увеличить число лиц, законно осуществляющих трудовую деятельность на территории Российской Федерации.

Оптимизированы правила пребывания обучающихся в Российской Федерации иностранных студентов, количество которых возросло с 153,8 тыс. человек на начало 2010/2011 учебного года до 260 тыс. человек на начало 2017/2018 учебного года. Созданы дополнительные условия, облегчающие переселение в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Упрощены правила приема в российское гражданство для иностранных граждан, являющихся носителями русского языка, инвесторами, предпринимателями и выпускниками российских вузов⁵.

В области создания условий для адаптации иностранных граждан Концепция государственной миграционной политики предполагает:

- формирование институтов и механизмов социальной и культурной адаптации иностранных граждан, учитывающих возрастные, профессиональные, национальные, культурные и иные особенности различных категорий иностранных граждан, региональные и этнокультурные уклады жизни населения Российской Федерации;

³ КоАП РФ. Ст. 18.8. Нарушение иностранным гражданином или лицом без гражданства правил въезда в Российскую Федерацию либо режима пребывания (проживания) в Российской Федерации.

⁴ Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (ред. от 19.07.2018).

⁵ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года.

- выработку мер, препятствующих возникновению пространственной сегрегации, формированию этнических анклавов и маргинализации иностранных граждан и проживающих на территории Российской Федерации лиц без гражданства, в том числе в результате невозможности получения последними документов, удостоверяющих личность;

- обеспечение на территории Российской Федерации равных возможностей для обращения за получением государственных услуг в сфере миграции, в том числе информационных, для всех категорий иностранных граждан, независимо от миграционного статуса, уровня дохода и иных обстоятельств.

Для содействия адаптации мигрантов определен порядок подтверждения навыков владения русским языком, знания истории России и основ законодательства Российской Федерации иностранными гражданами, обращающимися за получением разрешения на временное проживание, вида на жительство, разрешения на работу либо патента. В субъектах Российской Федерации для мигрантов действуют более 500 курсов по изучению русского языка, а также 1168 центров тестирования русского языка.

С 1 января 2016 г. вступили в силу изменения в Закон Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации», которыми устанавливаются требования к частным агентствам занятости, претендующим на право осуществления деятельности по предоставлению услуг по трудоустройству (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60/). В целом на протяжении первой половины 2017 г. отмечалось усиление мер государственного контроля над миграционными потоками. Ситуация в этой сфере, благодаря повышению качества работы органов власти и правоохранительных структур, стабилизировалась.

В настоящее время вопросы социальной адаптации и интеграции мигрантов переданы в ведение Федерального Агентства по делам национальностей. По поручению Президента Российской Федерации В. В. Путина готовится проект закона, определяющий правовые нормы этой работы. В проекте подчеркивается, что системная адаптация и интеграция мигрантов в Российской Федерации является важнейшим условием эффективной реализации государственной национальной политики, которая одной из целей определяет успешную соци-

альную и культурную адаптацию мигрантов, а в качестве одного из направлений — создание условий для социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов⁶.

В 2018 г. органами государственной власти во взаимодействии с институтами гражданского общества была проведена большая работа по внесению в Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года изменений в связи с новыми рисками и вызовами. Новая редакция Концепции обозначает цели, принципы и задачи государственной миграционной политики России. Целью государственной миграционной политики на современном этапе является формирование в Российской Федерации миграционной ситуации, способствующей решению задач социально-экономического, пространственного и демографического развития страны, повышения качества жизни населения Российской Федерации, обеспечения безопасности Российской Федерации, защиты национального рынка труда, поддержания межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе, защиты и сохранения русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода.

В новой редакции Концепции подчеркивается, что миграционная политика должна быть нацелена на создание благоприятного режима для переселения в Россию людей, в том числе, покинувших ее ранее, которые по своим качествам способны органично включиться в систему позитивных социальных связей и стать полноправными гражданами и членами российского общества. При этом важно, обеспечивая соблюдение разумного баланса государственных, общественных и частных интересов, сохранять открытость Российской Федерации для тех иностранных граждан, которые, хотя и не связывают с ней свое будущее или будущее своих детей и не собираются полностью интегрироваться в российское общество, но рассматривают Российскую Федерацию как страну с благоприятными условиями для удовлетворения своих законных экономических, социальных и культурных потребно-

⁶ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года.

стей, соблюдают законодательство, бережно относятся к окружающей среде и природным ресурсам, материальным и культурным ценностям, уважают многообразие региональных и этнокультурных укладов жизни населения Российской Федерации.

Эффективность предусмотренных Концепцией мер непосредственно зависит от их согласованности с государственной политикой в области социально-экономического развития, промышленности, инноваций, здравоохранения, занятости, регионального развития и обеспечения безопасности, а также национальной, региональной, образовательной, научной, культурной, молодежной и внешней политикой.

Особая роль в решении этих задач принадлежит институтам гражданского общества. МВД РФ и Федеральное агентство по делам национальностей РФ (ФАДН) сегодня взаимодействуют с 1300 организаций, представляющих интересы мигрантов. В их уставах отражена деятельность по оказанию помощи в интеграции и адаптации мигрантов, на эту деятельность выделяются грантовые средства на конкурсной основе. Предусмотрены налоговые льготы НКО, предоставляющим подобные услуги населению. Интеграционные мероприятия способствуют более глубокому вхождению мигранта в социальное и культурное пространство российского общества и предназначены для иностранных граждан, временно и постоянно проживающих на территории Российской Федерации.

По данным аналитиков, с 2015 г. временная миграция в Россию, в том числе и трудовая, заметно уменьшилась. Сокращение затронуло контингент не только из дальнего зарубежья, но и из Средней Азии — Узбекистана и Таджикистана — на 15%, по сравнению с показателями 2014 г. Авторы доклада объясняют, что численность мигрантов снизилась на фоне девальвации рубля и сжатия российского рынка труда. Всего, по данным аналитиков, Россия ежегодно насчитывала от 10 до 12 млн иностранцев на своей территории, из которых больше половины составляли именно трудовые мигранты и 95% — выходцы из СНГ (в первую очередь — из Средней Азии). Легализованных иностранных работников, которые получили патенты и разрешения на работу, стало меньше почти на 50%, по сравнению с 2014 г., отмечают аналитики. Так, сократилось число мигрантов из Молдавии и Украины.

В числе основных проблем, мешающих легализации иностранных работников в России, значительное количество экспертов называет постоянное внесение поправок в существующие законы, частое несоответствие правоприменительной практики и действующего миграционного законодательства и отсутствие четкого понимания направления движения миграционной политики.

Установлены коэффициенты-дефляторы на 2018 г., применяемые при исчислении отдельных налогов. Их размеры в основном превышают предусмотренные на 2017 г.

Так, в 2018 г. размер фиксированных авансовых платежей по НДФЛ, уплачиваемых работающими в России на основе патента иностранцами, был индексирован на коэффициент 1,686 (в 2017 г. — 1,623). Изменились и региональные коэффициенты, что в большинстве регионов привело к повышению стоимости трудового патента. Таким образом, в 2018 г. стоимость патента в Москве составила 4500 руб. в месяц (было 4200 руб.), в Московской области — 4300 руб. (было 4000 руб.), в Санкт-Петербурге — 3500 руб. (было 3000 руб.).

Правительство Российской Федерации установило квоту для оформления разрешений на временное проживание в размере 90 360 единиц (на всю Россию) — на 20,5 тыс. меньше, чем в 2017 г. В 2017 г. квота составляла 110 880 разрешений. Федеральным законом от 31.12.2017 № 498-ФЗ вносятся изменения в законодательные акты, касающиеся дактилоскопической регистрации. Согласно этому закону иностранные граждане, которые получают ВНЖ, при этом не получавшие ранее РВП, подлежат обязательной дактилоскопической регистрации. Также установлено, что при получении РВП дактилоскопическая регистрация проводится по месту подачи заявления на территории РФ, а в случае подачи заявления в диппредставительство или консульство РФ в государстве проживания — по месту выдачи РВП. Указанные изменения вступили в силу с 1 июля 2018 г.

В некоторых сферах экономической деятельности сохранена установленная на 2017 г. допустимая доля иностранных работников, за исключением сферы прочего сухопутного пассажирского транспорта и автомобильного грузового транспорта, где доля иностранных работников снижена с 30 до 28% общей

численности работников. Сохраняется запрет (доля 0%) на использование труда иностранных работников в организациях следующих видов экономической деятельности: торговля розничная лекарственными средствами в специализированных магазинах (аптеках); торговля розничная в нестационарных торговых объектах и на рынках; торговля розничная прочая вне магазинов, палаток, рынков.

Представляется важным отметить некоторые инициативы и предложения в сфере совершенствования государственной миграционной политики, которые обсуждались и были реализованы в 2018 г. 8 февраля 2018 г. на заседании Правительства РФ Дмитрий Медведев заявил о намерении обязать работодателей, пригласивших иностранных граждан, следить за тем, чтобы те не нарушали сроки пребывания в стране, а их деятельность соответствовала бы цели приезда. Нести ответственность за нарушение правил пребывания иностранными гражданами, по его мнению, должна приглашающая сторона (<https://rg.ru/2018/02/13/grazhdan-obiashut-sledit-za-sobliudeniem-srokov-vizita-inostrancev.html>).

13 февраля 2018 г. комитет Государственной Думы ФС РФ по развитию гражданского общества рекомендовал принять в первом чтении законопроект, согласно которому иностранным гражданам будет сложнее встать на миграционный учет по адресу принимающей их организации. Регистрироваться им придется по адресу фактического проживания, адрес компании указывается только в случае, если жилье найдется в помещениях (в том числе и временных), предоставленных работодателем (<http://pravorf.org/index.php/smi-review/2510-proyavleniya-agressivnoj-ksenofobii-v-rossijskoj-federatsii-v-fevrale-2018-g>).

14 апреля 2018 г. Президент РФ Владимир Путин указал мэру Москвы Сергею Собянину на необходимость более четкого регулирования миграционных потоков (<https://www.rbc.ru/politics/14/04/2018/5ad1fba59a79474e115fa037>).

27 апреля 2018 г. в Министерстве внутренних дел РФ предложили внести поправки в Кодекс РФ об административных правонарушениях, согласно которым судья может заменить выдворение мигранта-нарушителя штрафом. Поправки были разработаны на основании постановления Конституционного суда РФ от 17.02.2016: тогда гражданина Молдавии Миха-

ила Цуркана выдворили из России за то, что он забыл уведомить ФМС о регистрации в Подмоскowie. При этом выдворение предполагает запрет на въезд на территорию РФ сроком на пять лет и не позволяет вновь оформить вид на жительство. Конституционный суд РФ признал это неконституционным и обязал законодателя «индивидуализировать ответственность за однократное нарушение спорной нормы» с учетом смягчающих обстоятельств (<http://pravorf.org/index.php/smi-review/2531-proyavleniya-agressivnoj-ksenofobii-v-rossijskoj-federatsii-v-aprele-2018-g>).

16 мая 2018 г. Министерство юстиции РФ предложило ввести новые виды наказания для нелегальных мигрантов и нанявших их работодателей. Часть изменений планируется внести в ст. 18.10 Кодекса РФ об административных правонарушениях (<https://ru.sputnik-tj.com/migration/20180516/1025576958/migranti-russia-shtrafy.html>).

27 июня 2018 г. Президент РФ подписал Федеральный закон № 163-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации”». Благодаря принятым поправкам в законе уточняется понятие миграционного учета, дается описание объектов, которые могут считаться местом пребывания, а также перечисляются основания для учета иностранных граждан по месту пребывания. Новый закон четко обозначил такие понятия, как «принимающая сторона» и «место пребывания иностранного гражданина», в роли которого теперь может выступать исключительно жилое помещение, где иностранный гражданин фактически проживает. С 8 июля 2018 г. работодатели иностранных граждан теряют право ставить мигрантов на миграционный учет по месту пребывания по адресу своей организации, если иностранный гражданин фактически не проживает по данному адресу (<http://migrant.ru/globalnye-izmeneniya-instituta-migracionnogo-ucheta-inostrannyx-grazhdan-kommentarii-yurista/>).

В августе 2018 г. активно обсуждались поправки в миграционное законодательство РФ (ФЗ № 163 — конкретизация понятия «место пребывания»), в соответствии с которыми прекращается учет мигрантов по месту работы. Теперь мигранты обязаны регистрироваться по месту своего фактического проживания,

но многие из них не успевают этого сделать в установленные сроки.

Следует отметить, что, несмотря на позитивный тренд, сформировавшийся в последние годы в сфере государственной миграционной политики, мигрантофобия остается серьезной проблемой российского общества, однако ее уровень также неуклонно снижается. Если в 2014 г. он составлял 76%, в 2015-м — 68%, то в 2016-м — 66%. Это снижение авторы исследования объясняют упорядочиванием пребывания мигрантов на территории России (внедрение безвизового режима), отсутствием в 2016–2017 гг. резонансных террористических актов, совершенных исламскими радикалами, и ослаблением праворадикального движения. Тем не менее специфическими для России остаются фобии по отношению к этническим меньшинствам: «Прежде всего — кавказофобия. Ее уровень составлял в 2016 г. 34% (в 2013 г. — 65%). Также определенную проблему представляет фобия по отношению к выходцам из Центральной Азии. Ее уровень составляет 29%»⁷.

Последнее по времени проявление мигрантофобии в России — конфликт в июле 2018 г. в Заокском районе Тульской области между мигрантами из Киргизии (около 30 семей), которые купили около 500 участков под жилищное строительство в деревне Клишино, и администрацией муниципального района. 6 июля 2018 г. местными властями был пересмотрен генеральный план 2016 г. ввиду того, что была нарушена процедура определения вида земельных участков. Ранее купленные участки вновь стали землями сельскохозяйственного назначения. Такой пересмотр состоялся после публикаций в СМИ в мае 2018 г. о том, что в Тульской области якобы формируется «киргизский анклав». При этом в рядах муниципальных служащих звучали ксенофобские высказывания в адрес мигрантов (<https://myslo.ru/news/criminal/2018-07-27-gromkoe-delo-kak-v-zaokskom-rajone-tul-skoj-oblasti-provorachivali-mahinacii-s-zemlej>).

Представляется опасным, когда тема национальных и миграционных отношений разыгрывается на выборах. Российский опыт учит: антимигрантская риторика добавляет канди-

датам мало голосов, но наносит много вреда межнациональной стабильности и даже способна менять политический ландшафт в странах и регионах. Пример тому — недавние выборы в Швеции и Баварии.

Хотелось бы подчеркнуть, что, начиная с выборов в Государственную Думу РФ 2016 г., тема мигрантофобии практически не звучала в речах кандидатов в депутаты, вопрос оказался на периферии политических интересов. На выборах мэра Москвы в 2013 г., например, все кандидаты отметились в деле критики миграционной политики, соревнуясь в антимигрантской риторике. В 2018 г. проходили очередные выборы мэра Москвы, и ситуация кардинально изменилась: вопрос миграционной политики не поднимался в выступлениях кандидатов на данный пост.

В последнее время в теме миграции выделяется необходимость соблюдения баланса между правами человека и безопасностью. В октябре 2013 г. в Нью-Йорке на площадке ООН состоялся диалог высокого уровня по международной миграции и развитию. В мае 2014 г. на Глобальном форуме по миграции и развитию была проведена основная встреча, которая способствовала дальнейшему утверждению миграции в качестве одного из основных вопросов международной повестки дня.

Несомненно, что значительный наплыв беженцев и мигрантов в Европу в 2014–2015 гг. ускорил работу в этом направлении. В результате этого в сентябре 2016 г. на пленарном заседании высокого уровня Генассамблеи ООН была принята Нью-Йоркская декларация о беженцах и мигрантах, которая предусматривала разработку и последующее принятие в 2018 г. на межправительственном уровне двух глобальных договоров о безопасной, упорядоченной и легальной миграции и беженцах.

Российская делегация активно участвовала во всех этапах межправительственных переговоров по Глобальному договору. При поддержке ряда стран нам удалось закрепить юридически необязывающий характер договора, отфиксировать принцип добровольности его выполнения, заблокировать попытки ввести запрет на высылку мигрантов, избежать смешивания понятий «беженец» и «мигрант», не допустить декриминализацию ответственности за незаконное пересечение мигрантами государственных границ, убрать ссылки на несоответствующие рекомендации международных

⁷ Ксенофобия, радикализм и преступления на почве ненависти в России в 2016 году. Доклад Общественной палаты Российской Федерации.

организаций, а также более четко прописать механизм обзора выполнения документа.

Понятно, что текст Глобального договора является результатом вынужденного компромисса стран исхода и приема мигрантов, и в целом он не противоречит российским подходам к миграционному досье. Вместе с тем в документе имеется ряд проблемных для нас моментов, в частности закрепляемая договором так называемая концепция разделения ответственности.

Российская Федерация считает, что сам термин «разделение ответственности» на нынешнем этапе не вполне объективно отражает сложившиеся реалии, речь, разумеется, не может идти о какой-либо юридической ответственности. С точки зрения международного права международная ответственность государства возникает в результате совершения им международно-противоправного деяния, и «разделение» этой ответственности подразумевает соучастие в таком противоправном деянии. Говорить о политической ответственности тем более неуместно, так как первопричиной сложившейся миграционной ситуации во многом является практика вмешательства во внутренние дела суверенных государств. Страны, «приложившие руку» к возникновению кризисов, должны нести основную ответственность за преодоление их миграционных последствий. Как представляется, менее противоречивым является понятие «разделение бремени».

В целом, Глобальный договор задает определенный вектор в развитии современных

взглядов и подходов к проблематике международной миграции, формирует очертания универсального подхода к этой проблеме. В рамках международного сотрудничества и на внутригосударственном уровне предстоит выработать конкретные механизмы реализации положений Глобального договора с учетом национальных интересов его участников, в том числе в области безопасности и приоритетного обеспечения интересов собственных граждан.

В этой связи следует отметить, что Российская Федерация уже активно начала такую работу. 31 октября 2018 г. Президентом Российской Федерации В. В. Путиным была утверждена обновленная Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации, которая содержит ряд положений, реализующих принципы и цели Глобального договора по миграции⁸.

Безусловно, накопленные в России позитивные практики решения проблем трудовой миграции, беженцев и вынужденных переселенцев могут быть полезными, особенно в условиях возрастающей турбулентности в мире. Для новой России миграция населения призвана стать мобилизующим фактором социально-экономического развития страны, улучшения качества жизни населения, обеспечения политической стабильности в обществе и укрепления правопорядка.

⁸ Указ Президента РФ от 31.09.2018 № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Миграция и мигранты в России и мире: опыт социально-антропологических и этнографических наблюдений. Степанов В. В., ред. М.: ИЭА РАН; 2015–2016. 285 с.
2. Мишина В. Гражданам Киргизии больше не нужен патент для работы в РФ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2787293>.
3. Замахина Т. Квоты меняют на патенты. Депутаты реформировали сферу трудовой миграции. URL: <https://rg.ru/2014/11/12/duma-patenti.html>.

REFERENCES

1. Migration and migrants in Russia and the world: Experience of socio-anthropological and ethnographic observations. Stepanov V. V., ed. Moscow: IEA RAS; 2015–2016. 285 p. (In Russ.).
2. Mishina V. Citizens of Kyrgyzstan no longer need a patent to work in Russia. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2787293>. (In Russ.).
3. Zamakhina T. The quotas were changed for patents. The deputies reformed the sphere of labour migration. URL: <https://rg.ru/2014/11/12/duma-patenti.html> (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-3-51-57
 УДК 316:303(045)

МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА ГЛОБАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ФЕНОМЕНОВ В ТВОРЧЕСТВЕ ПИТИРИМА СОРОКИНА

Осипова Надежда Геннадьевна,

д-р соц. наук, профессор,

декан социологического факультета, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

soc@socio.msu.ru

Аннотация. В рамках социологического творчества Питирима Сорокина особого внимания заслуживает уникальная методология, с помощью которой этот ученый осуществлял анализ широкомасштабных социальных феноменов, к которым, безусловно, относятся войны и революции. В основе этой методологии лежит анализ «проблемы влияния» какого-либо глобального социального феномена на жизнь общества. В рамках такой чрезвычайно широкой проблемы П. Сорокин выделял несколько важных составляющих ее проблем, а затем по каждой из них представлял обзор накопленных знаний, доказанных положений и имеющихся неопределенностей. В целом анализ П. Сорокина теорий войн и революций свидетельствует о том, что их влияние на общество чрезвычайно сложно, поэтому не может быть точно описано простыми и односторонними формулами. Настоящая теория должна объяснить, когда, почему, при каких условиях и каким образом какой-либо фактор становится действительной причиной войны и почему, при каких условиях он не оказывает влияния. Эту методологию П. Сорокин, в частности, применил к анализу революционных событий в России 1917 г.

Ключевые слова: социологическое творчество Питирима Сорокина; систематизация и критический анализ; теории «одного фактора»; войны и революции; реальные флуктуации и корреляции

METHODOLOGY OF THE ANALYSIS OF GLOBAL SOCIO-POLITICAL PHENOMENA IN PITIRIM SOROKIN'S CREATIVITY

Osipova N.G.,

Doctor of Science (Sociology),

Professor, Dean of Faculty of Sociology at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

soc@socio.msu.ru

Abstract. Within the framework of sociological creativity of Pitirim Sorokin, special attention should be paid to the unique methodology by which this scientist carried out the analysis of large-scale social phenomena, including certainly wars and revolutions. The analysis of “an influence issue” of any global social phenomenon on the life of society is the cornerstone of this methodology. Within the framework of such an extensive problem, P. Sorokin singled out several important components of its issues, and then, for each of them, presented an overview of the accumulated knowledge, proven provisions and existing uncertainties. In general, P. Sorokin's analysis of theories of wars and revolutions demonstrates that influences of wars and revolutions on society are complicated. Therefore, they cannot be precisely described by simple and unilateral formulas. True theory should explain when, why, under what conditions, and how any factor becomes the real cause of war and why, under what conditions, etc. it does not affect. P. Sorokin, in particular, applied this methodology to the analysis of revolutionary events in Russia in 1917.

Keywords: Sociological creativity of Pitirim Sorokin; systematisation and critical analysis; theories of “one factor”; wars and revolutions; real fluctuations and correlations

Социологическое творчество выдающегося ученого XX столетия Питирима Александровича Сорокина отличалось широтой и разнообразием тематики. Это история и предметная область социологической науки, структурирование общества — социального пространства, нашедшее отражение в концепциях социальной стратификации и социальной мобильности, социокультурные процессы и их динамика.

При этом П. Сорокин всегда делал акцент на том, что социология — наука объективная, свободная от всякого нормативизма и субъективного психологизма: она изучает социальные явления как «вещи». «Социология изучает явления взаимодействия людей друг с другом, с одной стороны, и явления, возникающие из этого взаимодействия — с другой. Социология исследует социальную реальность как процесс взаимодействия (*человеческих — Н.О.*) особей. Ее задачей является не отражение конкретного мира, а его разложение как совокупности отношений и формальных связей», — писал ученый [1, с. 57]. Сам он всегда стремился дистанцироваться от ненаучных подходов, избегать необоснованных тезисов и выводов. То же рекомендовал студентам — выпускникам Петербургского университета.

«...Первое, что вы должны взять с собой в дорогу, — это знание, это чистую науку, обязательную для всех, кроме дураков, не лакействующую ни перед кем и не склоняющую покорно голову перед чем бы то ни было; науку точную, как проверенный компас, безошибочно указывающую, где истина и где заблуждение. Берите ее в максимально большом количестве. Без нее вам не выбраться на широкий путь истории. Но не берите суррогатов науки, тех ловко подделанных под нее псевдознаний, заблуждений, то «буржуазных», то «пролетарских, которые в изобилии преподносят вам тьмы фальсификаторов. Опыт и логика — вот те реактивы, которые помогут вам отличить одно от другого. Иных судей здесь нет» [2, с. 264–265].

В историю мировой социологии П. Сорокин вошел как создатель интегральной модели общества, разработчик принципиально новых подходов к объяснению различных социальных процессов, как автор множества новых идей, понятий и методов социального познания. Наряду с этим, отличительной особенностью творчества этого социолога стала методология анализа масштабных, а точнее — глобальных социально-политических феноменов, основанная на систематизации и критическом рассмотрении важнейших теорий, объясняющих их сущность и причины возникновения.

В основе этой методологии лежит анализ «проблемы влияния» какого-либо глобального социального феномена на жизнь общества. Столь широкую, по его мнению, проблему П. Сорокин делил на несколько важных составляющих или подпроблем. По каждой из них ученый представлял обзор накопленных в ее рамках знаний, доказанных положений и имеющихся неопределенностей, а затем пытался вывести корреляции между феноменом, взятым в качестве независимой переменной, и различными аспектами социальной жизни как зависимыми переменными.

В частности, П. Сорокин подверг тщательному анализу с помощью обозначенной методологии феномены войны и революции. Им социолог посвятил специальные труды, однако целесообразно остановиться на тех общих моментах, которые наглядно раскрывают суть используемой им методологии.

Во-первых, этот ученый обосновал решительное отвержение им всех однофакторных теорий «движущих сил» анализируемого феномена. Так, П. Сорокин отмечал, что социологической науке известны многочисленные «однофакторные теории» движущих сил войны. Однако, поскольку данные теории ограничивают свои объяснения простым перечислением факторов и небольшим анализом их значимости, они фактически не являются обоснованными. Действительно, небольшого размышления достаточно, чтобы признать всякую теорию «единого главного фактора» негодной.

«В самом деле, — писал П. Сорокин, — если такое простейшее явление, как механическое движение, физика принуждена объяснить, по меньшей мере, двумя условиями — тяготением и инерцией, то сложнейшие общественные явления, в частности, войну, объяснить путем одного условия, одной причины, дело очевидно невозможное. <...> Мудрено ли потому, что все такие объяснения дают лишь чисто словесный анализ, бесплодный, пустой, напоминающий мне всегда Лесажевского доктора, все болезни лечившего одним лекарством — водой. Социология единого фактора — это социология того уровня, на котором когда-то стояла медицина знахарей, лечивших от всяких недугов угольками и нашлепыванием. Одно этого соображения достаточно, чтобы опровергнуть всякую теорию причин войны, которая пыталась бы усмотреть эту причину в любом едином факторе» [2, с. 42–43].

П. Сорокин отмечал, что своя «теория факторов», данная в основных чертах в ряде работ П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского и получившая отчетливое и систематическое выражение в трудах В.М. Чернова,

есть у народничества. Эта теория резко отличается от теории марксизма тем, что она не отрицает главенствующее значение экономического фактора, но и не пытается объяснять общественные явления исключительно последним. По своему существу она признает множественность факторов. Каждое общественное явление для нее представляет равнодействующую многих сил и условий, совокупности которых оно и обязано своим возникновением. Характерной для нее является и другая черта: то, что само понятие «фактор» она понимает не в смысле какой-то метафизической силы, вызывающей то или иное явление, а в смысле чисто методологическом, рассматривающем любой фактор как величину чисто условную, подобную «независимой переменной» в математике. Причинная связь в этой теории превращается в чисто функциональную связь двух или большего числа явлений.

Таким образом, на взгляд П. Сорокина, совершенно неправомерной является попытка «свести то или иное общественное явление, в особенности такое грандиозное явление, как война, к единой причине. В частности, к экономической, к войне за рынки и мировую гегемонию капиталистического класса той или иной страны» [2, с. 28].

Во-вторых, серьезному критическому анализу П. Сорокин подвергал наиболее популярные объяснительные модели феномена войны в рамках широко известных теоретических построений — социал-дарвинизма, функционального анализа и особенно марксизма. Так, с целью анализа влияния войны на жизнь общества, с точки зрения функционального подхода, он считал необходимым «рассмотреть войну как независимую переменную и проследить ее функции» [3, с. 179].

Марксистская теория «экономико-империалистического происхождения движущих сил феномена войны» представлялась ученому сомнительной именно потому, что «лица, стоящие на ее почве и орудующие одними и теми же данными, приходят в ряде вопросов к диаметрально противоположным выводам. Не годна теория экономическо-империалистического происхождения войны еще и по тому основанию, в силу которого вообще не годна теория экономического фактора, как и всякая другая «монистическая» доктрина факторов. Сущность всякой «монистической» теории состоит в том, что она пытается свести историю к уравнению с одним неизвестным, объяснить всю пеструю ткань общественных явлений одной или почти одной причиной. Марксизм, в частности, все пытается свести к единому основному экономическому фактору» [2, с. 42].

В-третьих, П. Сорокин детально проанализировал и сгруппировал теории, затрагивающие отдельные переменные данного феномена — причины и влияние войн на здоровье населения и демографические процессы, последствия войны для экономической, политической и духовной жизни общества, науки и искусства.

Так, согласно П. Сорокину, из всей суммы теорий, связанных с феноменом войны, особенно важными являются те, которые пытаются раскрыть причины возникновения войн. В данной связи он детально проанализировал многочисленные зарубежные теории «возникновения войны» и в их рамках выделил субъективистский и объективистский подходы.

Сторонники первого, субъективистского подхода усматривали движущие силы истории, ее подлинный смысл и содержание в божественном провидении, развитии абсолютного духа, целях и намерениях природы. И в середине XX в. западная социология в объяснении проблем мира и войны часто руководствовалась принципами, восходящими к идеалистической философии прошлого. Как и прежде, в поисках движущих сил истории, подлинной сущности человеческого бытия, объективных оснований человеческой деятельности, направленной на достижение вечного мира, она обращалась к «потусторонним сферам», а ее отличительной чертой стало иррационалистическое понимание действующих в обществе и человеке сил и побуждений. Поэтому значительная часть подобной обширной литературы, посвященной феномену войны, представляет собой не более чем эмоционально обусловленные исключительно умозрительные «идеологии» и потому не имеет никакой научной ценности [3, с. 179].

Сторонники второго, объективистского подхода в качестве первопричины войны рассматривали лишь внешние по отношению к феномену войны факторы социального развития — демографический, географический, экономический, политический и т.п. Так, в своей работе «Социологическая интерпретация „борьбы за существование“ и социология войны» П. Сорокин блестяще проанализировал сущность социал-дарвинистских теорий, ссылавшихся в объяснении движущих сил войны на «универсальный закон естественного отбора» или на «закон борьбы за существование». В результате он пришел к выводу о том, что фактические исследования делают обсуждаемую теорию «естественного отбора» сомнительной, поскольку остается под вопросом, какая из этих двух негативных селекций (военная или мирная) более вредна и регрессивна. Они лишь

хорошо иллюстрируют тот факт, что характер отбора в результате войны гораздо более сложный, чем обычно предполагается. На основе того, что мы теперь знаем об этом, невозможно согласиться ни с теми, кто «проклинает» отбор вследствие войны, ни с теми, кто его «восхваляет». Согласно П. Сорокину, истина находится где-то посередине между этими двумя односторонними подходами.

П. Сорокин, анализируя различные последствия войны, отмечал, что существует огромное число трудов об общих экономических последствиях войны. Однако если говорить о принципиальных последствиях войны для экономической жизни общества, то они сводятся к следующим:

1. Потеря благосостояния (в виде капитала и человеческого материала).

2. Экстраординарное перемещение ценностей от общества к обществу и от группы к группе.

Действительно, как и любое большое предприятие, война требует огромной мобилизации богатства. Более того, война разрушает города, фабрики и другие экономические ценности. Но при этом война всегда является важнейшим фактором в перемещении или перераспределении богатства от группы к группе и от человека к человеку. Однако экономические потери и разрушения, вызванные войной, могут быть восстановлены в экстраординарно короткое время. Объяснения данного факта варьируются, но истина в том, что это происходило многократно. Более того, необычная стимуляция изобретательности нации ради военной победы часто содействовала изобретению нового или поддержанию старого метода производства богатства. Таким образом, война непрямо вложила что-то в экономический прогресс и хотя бы частично компенсировала принесенный ущерб [3, с. 164].

Практически те же теоретико-методологические принципы применялись П. Сорокиным для социологического объяснения причин возникновения революций, которым он посвятил фундаментальную работу «Социология революций» [4].

Под причинами революции этот ученый понимал «совокупность тех условий (*факторов* — Н.О.), которые составляют ближайшее и непосредственно предшествующее революции звено причинной цепи, уходящее в целом в бесконечность прошлого и теряющееся в бесконечности будущего» [4, с. 309, 310].

Но каковы бы конкретно ни были условия, из которых складывается общая, основная и вечная причина революций, она всегда состоит в росте «ущемления» главных инстинктов у значительной

части общества, в невозможности их минимально необходимого удовлетворения, чем бы и кем бы такой рост «ущемления» не вызывался. Иными словами, она состоит в усилении препятствий, мешающих жить этой части агрегата, в росте неспособности их к существующим условиям. Эта суммарная причина революций складывается из множества мелких и даже ничтожных, различных по месту и времени причин [4, с. 309].

Например, если потребность питания (или пищевые рефлексы) значительной части населения в силу каких бы то ни было причин ущемляется голодом, то налицо оказывается одна из причин волнений и революций.

Если рефлексы индивидуального самосохранения ущемляются произвольными казнями, массовыми убийствами или кровавой войной, то налицо другая причина смут и революций.

Если рефлексы группового самосохранения (членов семьи, близких, единоверцев, единопартийцев и т.п.) ущемляются оскорблением святых этой группы, издевательством над ней, ее членами; их арестами, ссылками, казнями и т.д. — налицо третья причина мятежей и революций.

Если потребность в жилище, одежде, тепле и т.п. не удовлетворяется в минимальном размере, то перед нами еще одна порция горячего материала для пышного костра революций.

Если половые рефлексы вместе с их разновидностями — ревностью, желанием обладать любимым субъектом только самому — ущемляются у обширной группы членов невозможностью их удовлетворения, изнасилованием, развращением их жен и дочерей, принудительными браками или разводами и т.д., то налицо пятая причина революций.

Если инстинкты собственности у массы лиц «ущемляются» их бедностью, отсутствием всякой собственности при наличии огромных богатств у других лиц, налицо шестая причина революций.

Если инстинкт самовыражения и собственного достоинства <...> у массы лиц «ущемляется» оскорблениями, недооценкой, постоянным и несправедливым игнорированием их заслуг и достижений — с одной стороны, и завышенной оценкой менее достойных лиц — с другой, то налицо еще одна причина революций.

Если у многих членов общества инстинкты драчливости, борьбы и конкуренции, творческой работы, разнообразия и приключений, и «рефлексы свободы» <...> ущемляются чересчур мирным состоянием, однообразной монотонной средой, работой, которая не волнует ни ума, ни сердца бесконечными

преградами, мешающими передвигаться, говорить, думать и делать, что нравится, то налицо еще целый ряд условий, благоприятствующих революции, налицо еще несколько групп, которые встретят ее возгласами «Осанна!» [4, с. 309, 310].

Согласно П. Сорокину, этот перечень не исчерпывающий, он только указывает основные рубрики инстинктов, из-за ущемления которых происходит катастрофический взрыв революции, и вместе с тем — те социальные группы «ущемленных», руками которых старый порядок будет низвергнут и стяг революции водружен [4, с. 310].

Уравновесить возросшее из-за ущемления инстинктов давление может так называемая П. Сорокиным «группа порядка», а когда она этого сделать не в состоянии, возникают массовые волнения, ведущие к революциям. Итак, «1) рост ущемления главных инстинктов, 2) массовый характер этого ущемления, 3) бессилие групп порядка уравновесить пропорционально усиленным торможением возросшее давление ущемленных рефлексов — таковы необходимые и достаточные условия наступления революций» — заключал П. Сорокин [4, с. 312].

П. Сорокин особо подчеркивал, что, несмотря на то, что взаимосвязь войн, реформ и революций мало исследовалась, между этими явлениями существует очевидная корреляция, особенно между безуспешной войной и революцией.

Безуспешная война во многих случаях продолжается революцией. Так это было в 1917–1918 гг. в Австрии, Турции, Венгрии, Германии, России, Болгарии, Греции и т.д., так это произошло в 1905 г. в России, в 1912 г. — в Турции, в 1870–1871 гг. — во Франции и во многих других странах в течение предыдущих столетий. С другой стороны, многие революции привели к войнам. Следовательно, эти феномены имеют тенденцию порождать друг друга. Причины этого вполне ясны.

Согласно П.А. Сорокину, «неудачная война означает, что общественная организация не справляется с проверкой войной и, следовательно, нуждается в переделке. Крушение вызывает недовольство масс и побуждает их восставать против существующих условий, особенно против политического режима. Таким образом, революция — это результат военного поражения. В свою очередь революция сама по себе настолько радикально изменяет существующие взаимоотношения внутри и вокруг общества, что подвергает опасности наиболее важные интересы социальных групп внутри и вне этого общества. Такой антагонизм вероятнее всего имеет своим результатом гражданскую или международную

войну как последнее средство его разрешения. Следовательно, война — «это результат революции, и их функциональная взаимосвязь очевидна. Указанная корреляция изучалась очень мало, но ее существование весьма вероятно» [3, с. 174].

По мнению П.А. Сорокина, сказанное выше подтверждается в другой форме. Мобильность социальных объектов, ценностей и индивидов во время войны и сразу же после ее окончания становится необычайно интенсивной. Война является «катализатором» горизонтального и вертикального движения социальных объектов и индивидов от одного статуса к другому. Социальное восхождение от бедного к богатому классу, от низкой к более высокой страте, от бесправной к привилегированной группе и обратный процесс социального падения индивидов и групп во время войны более интенсивны, чем в мирное время.

То же верно и в отношении движения от профессии к профессии, от одного территориального общества к другому, от одной политической партии или идеологической группы к другой. В этом смысле война играет роль огня, который заставляет молекулы воды в чайнике двигаться гораздо быстрее. То же можно сказать о вертикальной и горизонтальной мобильности социальных объектов и ценностей (нравы, мода, верования, идеология, мнения, вкусы и т.д.). Они изменяются и циркулируют внутри одного общества и среди обществ во время войны гораздо быстрее, чем в мирное время. Быстрое и значительное изменение «привычек и нравов» общества и различные эпидемии «фобий» наблюдались много раз во время войны и сразу после ее окончания, несмотря на то, что они выступают лишь частичным проявлением этого феномена [5, с. 8].

Такая интенсивность циркуляции социальных ценностей продолжает существовать и в послевоенные годы. Они отмечены изменениями в стиле приспособления к новым мирным условиям. В течение первых нескольких лет после прекращения военных действий общество переживает экстраординарные изменения в этом направлении. Одна из явных характеристик этого периода связана с увеличением непопулярности многих социальных ценностей, которые высоко ценились в годы войны, и ростом популярности тех ценностей, которые недооценивались в военный период [5, с. 8].

В целом анализ П. Сорокина теорий войн и революций, изложенный в его работах [6–8], свидетельствует о том, что их влияния на общество «чрезвычайно сложны и не могут быть точно описаны простыми и односторонними формулами» [3, с. 178].

Некоторые из этих корреляций, установленные учеными, кажутся определенными и в какой-то мере изученными. Однако некоторые другие до сих пор мало изучены и представляют собой скорее догадки, нежели научные утверждения. Авторы слишком много рассуждали на моральные темы и изучили слишком мало фактов в этой области. Поэтому, если социологи собираются продвигать наши знания о данных феноменах, они должны отказаться от морализаторства и повернуться к реальным исследованиям.

Настоящая теория, подчеркивал П. Сорокин, должна объяснить, когда, почему, при каких условиях и каким образом какой-либо фактор становится действительной причиной войны и почему, при каких условиях и т.д. он не оказывает влияния. Подобная теория должна «толковать» реальные флуктуации кривой войны. Она должна установить корреляцию особенностей войны и собственных факторов, показав тем самым, что ее факторы «сопадают» с кривой войны. «В противном случае мы приговорены оставаться в царстве полуправды» [3, с. 179].

Следует отметить, что в поле зрения П. Сорокина феномены войн и революций попали отнюдь не случайно.

П.А. Сорокин всегда был активным общественным деятелем, никогда не стоял в стороне от политических событий. Революции, свершившиеся в России в начале XX в., дали определенный толчок направлению развития его социологической мысли. Этот ученый стал одним из редакторов правозероховской газеты «Воля народа», на страницах которой им было опубликовано около сотни статей. Эти статьи содержали анализ деятельности и критику Временного правительства и гневные выпады в адрес набравшего силу большевизма, исполненные гражданского мужества.

Февральскую революцию 1917 г. П. Сорокин встретил с энтузиазмом. В газете «Воля народа» он практически ежедневно публиковал многочисленные заметки, среди которых: «Обязанности власти и обязанности гражданина», «Сущность и авторитет власти», «Интересы национальностей и единство государства», «Социализм и социальное равенство». В них он подвергал резкой критике нерешительность нового буржуазного правительства и его запаздывание в решении насущных социальных проблем.

В частности, он писал: «Мы поддерживали и поддерживаем Временное „коалиционное“ правительство. Мы далеки от тех большевистских лозунгов,

которые требуют его низвержения. Мы признаем, что в общем и целом наша революционная власть стоит на высоте. Но это не лишает нас возможности указывать на те или иные ее недочеты, критиковать тот или ее иной шаг, не с целью подрыва власти, а с целью помощи ей в неизмеримо трудных задачах. Подходя с этой точки и зрения к оценке общей деятельности правительства, нельзя не сказать, что главным недостатком его является значительное запаздывание в ряде вопросов, где это запаздывание не должно иметь места, медленность разработки и решений там, где эта медленность нетерпима, отсутствие решительности там, где нерешительность губельна» [2, с. 76].

Октябрьская революция этого же года была воспринята ученым весьма пессимистично, а экстремистские действия большевиков вызывали возмущение. «Мне стыдно», «Преступная фальсификация», «Убийство России и русского народа» — названия статей, написанных П.А. Сорокиным под псевдонимом Н. Чаадаев, после 25 октября 1917 г. [2].

В публицистических работах П. Сорокина этого периода очевидно своеобразное обобщение позиции определенной части интеллектуальной элиты России в отношении Октябрьской революции, отдельных большевистских лидеров и той губельной стихии, которую он назвал «шттыкократией».

Согласно П. Сорокину, «шттыкократия» имеет место тогда, когда «вместо разума, вместо народа на трон вошел и утвердился Г. Штык — Штык, ни о чем не рассуждающий, ничего не понимающий, не ведающий сам, чего он хочет, не имеющий своей воли, а делающий то, что ему прикажет тот, кто случайно его околдует, кто случайно его захватит» [2, с. 218, 219]. «Штык решает вопросы силой» [2, с. 217].

«Штыкократия слепа и стихийна. Она всегда вела народ к гибели, ведет его и нас. Те самые солдаты и рабочие, которые остриями штыков утверждали власть большевиков, сами не ведая того, топчут свои демократические основы, подрывают тот сук, на котором держится воля народа и их собственные блага...

Грабители расхищают народное достояние, проходимцы революции разгоняют Думы, избранные всеобщим голосованием. И солдаты, и рабочие, сами выбиравшие эти Думы, своими штыками разрушают то, чем они сильны. Так, шттыкократия или „демократия“ (в кавычках — Н.О.), благодаря которой приход нового деспота неизбежен, топчет душу подлинной демократии, искажают ее простые истины, вне которых нет спасения:

1. Выше всего — воля народа. Она — закон.

2. Воля народа определяется не штыками, а избирательными бюллетенями.

3. Никакой гарнизон, при всеобщем избирательном праве, не может за весь народ решать дело силой оружия.

4. Штыки должны подчиняться только тому, кто выражает волю всего народа, проявленную путем выборов. Да подчинится штык избирательному бюллетеню!

5. Учредительное собрание — выразитель воли всего народа. Пусть же подчинится штык грядущему хозяину Земли Русской» [2, с. 218, 219].

В отношении декларируемых в лозунгах гражданских прав и свобод П. Сорокин также писал следующее: «...Они (*большевики — Н.О.*) не только извратили заветы социализма и свободы, но они каждым своим шагом цинично издеваются над ними и нарушают их» [2, с. 206].

«...Они закрыли газеты, арестовали редакторов, конфисковали типографии, запретили собрания и митинги, закрыли общества и союзы. И в этой политике дошли до таких границ, до которых никогда не доходил царизм». «Рядом с арестами — избияния, насилия, угрозы, обыски..., сотни людей с их вedomа расстреляны, проколоты штыками, забиты ударами, растерзаны их бандами, утоплены и зарезаны...». Следовательно, «...Так действовать, как господа большевики, могут только злейшие враги революции, свободы, родины и социализма» [2, с. 207].

Следует отметить, что многие выводы, к которым пришел известный ученый, остаются актуальны-

ми для современного этапа жизни российского общества.

В частности, на ставший в российской истории традиционным вопрос «Что делать?» П.А. Сорокин отвечал: «...Для тех, кто еще не упал духом, кто еще сохранил любовь к родине, кто еще считает своим долгом бороться за свободу, ответ один: нужно Россию строить заново. Процесс разложения докатился до своего предела. Будут еще ужасы, будут еще небывалые потрясения, будут и голод, и убийства, и погромы, и варварства, все это будет еще, и жертв, невинных жертв падет еще много, но все это будет не новостью. Все это явится последними „эффективными“ взрывами разваливающейся и горящей России, все это будет смертными вздохами безнадежного больного. Пройдут эти последние валы, разрушение дойдет до конца — и настанет тишина, мертвая тишина на пепелище России. И тогда встанет великая задача: из обломков старой России нужно будет строить новую Россию, новую родину. К этой задаче нужно готовиться» [2, с. 205].

В целом, в методологии, разработанной П. Сорокиным, которую можно назвать интегративной, представлена совокупность принципов и способов организации, развития и оценки теоретического и эмпирического социологического знания, система норм и регулятивов проведения подлинно научных социологических исследований. Именно ее самоотверженно отстаивал П. Сорокин и она, безусловно, никогда не утратит свою актуальность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сорокин П.А. Система социологии. Т. 1. М.: Наука; 1993.
2. Сорокин П. Социологическая интерпретация «борьбы за существование» и социология войны. Социология современных войн: Материалы научного семинара. Цыганков П.А., Рязанцев И.П. ред. Вып. 1. М.; 2004.
3. Сорокин П. Социология революции. М.: Астрель; 2008.
4. Sorokin P. Social Mobility. New York, L., 1926. Chap. XVIII.
5. Сорокин П. Голод и идеология [общества]. *Экономист*. 1922;(5).
6. Сорокин П. Война и милитаризация или коммунизация общества. *Артельное дело*. 1922;(I–IV).
7. Sorokin P. The Sociology of Revolution. Philadelphia, London, 1925. Chaps. XIII–XV.

REFERENCES

1. Sorokin P.A. The system of sociology. Vol. 1. Moscow: Nauka; 1993. (In Russ.).
2. Sorokin P. Sociological interpretation of the “struggle for existence” and the sociology of war. The Sociology of modern warfare: The proceedings of a seminar. Issue 1. Tsygankov P.A., Ryazantseva I.P., eds. Moscow; 2004. (In Russ.).
3. Sorokin P. The Sociology of revolution. Moscow: Astrel; 2008. (In Russ.).
4. Sorokin P. Social Mobility. New York; 1926. Chap. XVIII.
5. Sorokin P. Hunger and the ideology [of society]. *Ekonomist*. 1922;(5). (In Russ.).
6. Sorokin P. The war and the militarisation or the communisation of society. *Artel'noe delo*. 1922;(I–IV). (In Russ.).
7. Sorokin P. The Sociology of Revolution. Philadelphia, London; 1925. Chaps. XIII–XV.

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-3-58-64

УДК 330.82(045)

МОРАЛЬНАЯ И ПРАВСТВЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ: К 200-ЛЕТИЮ КНИГИ С. СИСМОНДИ «НОВЫЕ НАЧАЛА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ»

Ядгаров Яков Семенович,

д-р экон. наук, профессор, зав. секцией «История экономической мысли»

Департамента экономической теории,

Финансовый университет, Москва, Россия

yakovyadgarov@mail.ru

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена знаменательной датой – 200-летием выхода в свет лучшего сочинения в творческом наследии родоначальника политэкономической парадигмы экономического романтизма С. Сисмонди «Новые начала политической экономии». В нем предназначение данной отрасли человеческих знаний впервые интерпретируется не через призму доминировавших на рубеже XVIII–XIX столетий идей экономического либерализма, а с точки зрения ценностей нравственно-морального свойства. В нем также рассматриваются и осмысливаются доказательные альтернативные аргументы о недостижимости автоматической саморегулируемости рыночной системы хозяйствования и целесообразности перманентного ее регулирования государством в рамках экономических реформ, способных обеспечить ведущую роль в экономике малого бизнеса, сформулированные С. Сисмонди наперекор адептам классической политической экономии (и прежде всего автору «Начал политической экономии» Д. Рикардо). Посредством историко-экономического анализа выполнено сопоставление оценочных суждений о содержащихся в «Новых началах» С. Сисмонди нововведениях, связанных с обосновываемой им морально-нравственной парадигмой политической экономии в трудах К. Маркса, В.И. Ленина, Ш. Жида, Ш. Риста, М. Блауга и других исследователей экономической науки в прошлом и настоящем. Обосновывается обобщающий вывод о том, что своим творчеством С. Сисмонди в контексте моральных и нравственных политэкономических ценностей противопоставил собственное видение научно-практических проблем – политической экономии и реализации предлагаемого реформаторского проекта абсолютизации принципов экономического либерализма ради формирования нециклической бескризисной социально-ориентированной хозяйственной системы и достижения социальной справедливости в обществе.

Ключевые слова: С. Сисмонди; экономический романтизм; экономический либерализм; «моральная» и «нравственная» политическая экономия; реформаторский проект

MORAL AND ETHICAL POLITICAL ECONOMY: TO THE 200TH ANNIVERSARY OF THE S. SISMONDI'S BOOK "NEW PRINCIPLES OF POLITICAL ECONOMY"

Yadgarov Ya.S.,

Doctor of Economics, Professor, Head of the section "History of economic thought" of the Department of Economic

Theory, Financial University, Moscow, Russia

yakovyadgarov@mail.ru

Abstract. The relevance of the article is due to the significant date – the 200th anniversary of the publication in 1819 of the "New Principles of Political Economy" ("Nouveaux principes d'économie politique, ou de la richesse dans ses rapports avec la population") by Jean Charles Léonard de Sismondi (also known as Jean Charles Leonard Simonde de Sismondi), the founder of the economic romanticism. In this book, the purpose of this branch of human knowledge for the first time is interpreted not through the prism of the dominant ideas of economic liberalism at the turn of the XVIII–XIX centuries, but from the point of view of moral and ethical values. Here Sismondi examines and

comprehends the alternative arguments formulated against the adherents of classical political economy (and, above all, the author of "On the Principles of Political Economy and Taxation" published in 1817 by D. Ricardo) about the unattainability of automatic self-regulation of the market system and the expediency of its permanent regulation by the state within the framework of economic reforms that can provide a leading role in the economy of small business. Through historical and economic analysis, the author compared the evaluative judgments about the innovations contained in the book by S. Sismondi, related to the moral paradigm of political economy he justified, in the works of K. Marx, V.I. Lenin, S. Gide, S. Rist, M. Blaug and other researchers of economic science in the past and present. The author substantiates the generalizing conclusion that creativity of S. Sismondi, in the context of moral and ethical political-economic values, contrasted his own vision of scientific and practical problems – political economy and the implementation of the proposed reform project, the absolutisation of the principles of economic liberalism for the formation of a non-cyclical crisis-free socio-oriented economic system and the achievement of social justice in society.
Keywords: S. Sismondi; economic romanticism; economic liberalism; "moral" and "ethical" political economy; reform project

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ БИОГРАФИИ И НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ НОВОВВЕДЕНИЙ С. СИСМОНДИ

Жан Шарль Леонард Симонд де Сисмонди (1773–1842 гг.) — французский экономист, внесший в современную ему политическую экономию во многом аргументированную, обоснованную критику либеральных оснований смитианского творческого наследия и ставший родоначальником альтернативного классической политической экономии направления экономической мысли, именуемого ныне «экономический романтизм».

Он родился 9 мая 1773 г. в семье кальвинистского пастора, род которого принадлежал к старинной женеvской аристократии. Его отец владел имением невдалеке от Женевы, где протекало детство будущего неординарного политэконома. Первыми этапами жизненного пути С. Сисмонди, на протяжении которого формировались и эволюционировали его политэкономические позиции с присущими им нововведениями теоретико-методологического и реформаторского свойства, явились обучение в Женевской духовной кальвинистской «коллегии», а затем поступление в университет.

Но учебу в университете С. Сисмонди вынужден был прервать как из-за пошатнувшегося материального положения отца, так и произошедших вскоре известных французских революционных событий, вследствие которых его с отцом посадили в тюрьму. Эти обстоятельства предопределили то, что в возрасте с 19 до 26 лет ему с родителями пришлось жить в эмиграции; сначала — полтора года в Англии (где довелось углубленно вникнуть в «Богатство народов» А. Смита), затем — почти пять лет в итальянской Тоскане, где, с одной стороны, он получил навыки личного управления хозяйством на усадьбе своего отца, а с другой — опыт написания

своих первых научных работ. В родную Женеву С. Сисмонди вернулся в 1800 г. в возрасте 27 лет, чтобы целиком заняться научно-литературной деятельностью, в том числе — политэкономической направленности. Его первыми такого рода сочинениями были «Картина сельского хозяйства Тосканы» (1801 г.) и «О коммерческом богатстве или о принципах политической экономии в их применении к торговому законодательству» (1803 г.), в которых он еще оставался адептом принципов *laissez faire** и стоял на либеральных позициях А. Смита.

Важной вехой в его биографии явилось знакомство с мадам де Сталь, которую в 1804–1808 гг. ему довелось сопровождать в ее путешествии по Италии и Германии. Очевидно, в этот период он получил возможность для непосредственных наблюдений и изучения экономических, политических и исторических реалий в наиболее крупных европейских странах той поры. Широкую популярность С. Сисмонди во Франции обеспечили издание двухтомника «Истории итальянских республик» (1807 г.), лекций о литературе романских народов под названием «Литература Южной Европы» (1813 г.).

В 1813 г. С. Сисмонди переезжает в Париж, выступая с серией статей в поддержку Наполеона. Но после реставрации Бурбонов переезжает в Лондон, откуда в 1818 г. вновь возвращается в Женеву, где весьма скоро в 1819 г. из-под его пера вышел в свет лучший политэкономический труд, названный им «Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению» [1].

В Женеве основоположник экономического романтизма провел и остальную часть жизни, скон-

* Принцип невмешательства (от фр. *laissez faire* — позвольте делать), или экономическая доктрина, согласно которой государственное вмешательство в экономику должно быть минимальным.

чавшись там же 21 июня 1842 г. Необходимо отметить, что жизненный путь и научно-практические нововведения С. Сисмонди тесно связаны с так называемым постмануфактурным периодом. Этот период, как известно, сопровождался активизацией процесса перехода от ручного труда и мануфактурного производства к преимущественно машинному труду и фабрично-заводскому производству в промышленности, а в сельском хозяйстве — к фермерству. Но осуществленная в «Новых началах» основоположника экономического романтизма морально-этическая и нравственная оценка социально-экономических последствий постмануфактурного периода обусловила модификацию осмысления им научных представлений о сущности и предназначении политической экономии.

Важно также указать на то обстоятельство, что в период жизни и творчества С. Сисмонди всецело доминировала та самая базирующаяся на концепциях «экономического человека» и «невидимой руки» «*Политическая экономия*» — наука об экономике, ничем не ограниченной свободной конкуренции (предпринимательской деятельности), которую К. Маркс на страницах своего «Капитала» назвал «*Классическая политическая экономия*». Причем, согласно Марксу, данное по своей сути научное «*буржуазное*» классическое направление политической экономии по мере свершения промышленного переворота завершилось «*Богатством народов*» А. Смита (1776 г.) [2] и «*Началами политической экономии*» (1817 г.) Д. Рикардо [3]. А пришедшая ему на смену некая «*Вульгарная буржуазная политическая экономия*», возглавляемая «*апологетами буржуазии*» Ж.Б. Сэем, Т. Мальтусом и другими их адептами, намеренно отвергла с научной точки зрения самое «*ценное и достоверное*» в классической политической экономии, а именно: проливающую свет на эксплуататорскую сущность капитализма «*трудовую теорию стоимости*».

Между тем в «Новых началах» С. Сисмонди очевидно критическое неприятие либеральных оснований политической экономии не только приверженцев творческого наследия Смита — Рикардо, но и упомянутых выше Ж.Б. Сэя, Т. Мальтуса и всех тех, кто, подобно им, безоговорочно разделяли сентенции автоматической саморегулируемости экономики свободной конкуренции *laissez faire*.

В данном контексте речь идет, во-первых, о классической политической экономии, которую завершили согласно современной экономической науке «*последние классики*» Дж.С. Милль и К. Маркс, предвидевшие в своих научных изысканиях (через

призму все той же трудовой теории стоимости) переходящий характер «капитализма», основанного на принципах ничем неограниченной свободы предпринимательской деятельности. И, во-вторых, о том, что С. Сисмонди (с позиций опять же «*трудовой теории стоимости*»), весьма критично характеризуя положение «классиков» о безусловной равновесности и эффективности хозяйственной жизни, основанной на идеологии экономического либерализма, выдвинул реформаторскую концепцию, обуславливающую бескризисное развитие и социальную направленность экономики посредством государственного регулирования рыночного механизма хозяйствования.

Итак, промышленный переворот, обозначивший постмануфактурный период в эволюции хозяйственной жизни и охвативший в первой половине XIX в. многие экономически развитые европейские страны, обусловил возникновение нелиберального направления экономической мысли, альтернативного классической политической экономии — «*экономического романтизма*». Смитовским политико-экономическим постулатам об экономическом человеке и невидимой руке ее лидер С. Сисмонди противопоставил морально-нравственные ценности общественного бытия, выдвинув тем самым на первый план принципиально иное видение сущности и предназначения этой науки. Противопоставил он «классикам» и собственную модель идеального социально-экономического устройства общества, в котором бескризисный воспроизводственный процесс можно будет гарантировать благодаря перманентному вмешательству в хозяйственную жизнь государства и доминирования в ней малого бизнеса.

Наконец, принимая во внимание биографические и научно-практические вехи жизни С. Сисмонди, следует особо отметить, что его «*Новые начала политической экономии*» вышли в свет в 1819 г. наперекор изданной двумя годами ранее, в 1817 г., лучшей книге Д. Рикардо «*Начала политической экономии*». Ведь в «Новых началах» рикардианской интерпретации предмета и метода политической экономии, теоретических воззрений по поводу характеристики производительного труда и разделения труда, народонаселения, доходов и воспроизводства С. Сисмонди — с позиций морали и нравственности — противопоставил собственное видение этих проблем политической экономии, увязав их решение собственными реформаторскими проектами против абсолютизации принципов экономического либерализма.

ПОЧЕМУ С. СИСМОНДИ ЯВЛЯЕТСЯ ДЛЯ В.И. ЛЕНИНА РОДОНАЧАЛЬНИКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОМАНТИЗМА

Сначала в советской экономической литературе, а затем явно и неявно в постсоветской экономической литературе в духе марксистско-ленинского учения нередко упоминается возглавляемая С. Сисмонди некая «*мелкобуржуазная политическая экономия*» либо «*мелкобуржуазная экономическая мысль*».

Одна из причин данного обстоятельства в значительной мере обусловлена неординарными оценочными суждениями К. Маркса и особенно В.И. Ленина о личности автора «Новых начал». В частности, К. Маркс в работе «*К критике политической экономии*» писал, что воспринимает С. Сисмонди не столько в качестве оппонента классической политической экономии, сколько в качестве одного из ее завершителей во Франции, в то время как Д. Рикардо — в Англии. Поэтому, по Марксу, «если в лице Рикардо политическая экономия беспощадно делает свои конечные выводы и этим завершается, то Сисмонди дополняет этот итог, представляя на себе самом ее сочинения» [4, с. 47].

Двойственное отношение к С. Сисмонди очевидно также в «Теориях прибавочной стоимости» К. Маркса. Он отмечает, что, с одной стороны, «Сисмонди глубоко чувствует, что капиталистическое производство само себе противоречит», но, с другой стороны, подчеркивает, что (в отличие от Д. Рикардо — Я.Я.) «для Сисмонди кризисы являются не случайностью, а существенными проявлениями имманентных противоречий, разражающихся в бурной форме через определенные периоды» [5, с. 51–52]. Аналогично двойственная марксова оценка в адрес автора «Новых начал» обнаруживает себя и в послесловии ко второму изданию I тома «Капитала» (1873 г.), в котором говорится, что Д. Рикардо — это «последний великий представитель английской классической политической экономии», а с С. Сисмонди «начинается критика буржуазной политической экономии» [6, с. 14].

Что же касается В.И. Ленина, то С. Сисмонди явился для него весьма важной фигурой для всеохватной, можно сказать, критики, вследствие чего он посвятил ему даже отдельную работу под названием «*К характеристике экономического романтизма. (Сисмонди и наши отечественные сисмондисты)*» (1897 г.), на страницах которой утверждал, что «экономические теории романтизма» ограничиваются «сентиментальной критикой капитализма с точки зрения мелкого буржуа» [7, с. 192]. А политэкономические упущения С. Сисмонди — «оратора» этих

«мелких буржуа» — видятся ему в том, что он всего лишь «указал на тот процесс „ломки“ старой хозяйственной жизни и старых полупатриархальных отношений в западноевропейских государствах... на тот общественный факт, что, при известных условиях, свободная торговля ускоряет эту „ломку“» [8, с. 124].

Принимая во внимание эти и другие ленинские критические суждения, видный современный историк экономической мысли М. Блауг счел возможным заметить, что взгляды С. Сисмонди в самом деле «можно охарактеризовать выражением Ленина „экономический романтизм“». Кроме того, с его точки зрения, этот оппонент творчества Д. Рикардо «сожалел о тех „издержках“, которые индустриализация возложила на „пролетариев“ (его собственный термин)...». И все же, по Блаугу, заслугу автора «Новых начал» следует видеть, прежде всего, в его убежденности в том, что современная ему «новая индустриальная система обречена на неизбежные повторяющиеся кризисы и хроническую тенденцию недопотребления», ибо он [9, с. 274–275]:

- был особенно обеспокоен экономией живого труда вследствие технического прогресса;
- не видел другого решения этой проблемы, кроме глубокого государственного вмешательства, включая гарантированную минимальную плату как для работающих, так и для безработных, ограничение минимального рабочего времени, ограничение максимального и минимального трудоспособного возраста и введение системы участия в прибылях.

Одновременно с этим, характеризуя нововведения С. Сисмонди, М. Блауг подчеркивает, что «на самом деле Сисмонди, а не Мальтус считался в то время главным оппонентом Pax Ricardia» [10, с. 162], т.е. пострикардинства. Кроме того, по Блаугу, «Новые начала» оказали «глубокое влияние на работу Т. Мальтуса „Принципы политической экономии (Principles of Political Economy, 1820 г.)“», вследствие чего оба эти сочинения содержат «один и тот же акцент на том, что мы назвали бы в наше время недостаточным совокупным спросом». Но, тем не менее, убежден он, «на самом деле, дух кейнсианства в работе Сисмонди значительно сильнее, чем в работе Мальтуса» [9, с. 275].

Впрочем, разделяя здесь мнение М. Блауга, уместно, очевидно, пояснить, что Т. Мальтус, оставаясь приверженным экономическому либерализму, возможность предотвращения кризисов увязывал разве что с «третьими лицами», к представителям которых адепты Смита — Рикардо относили некие

непроизводительные слои общества. Однако его современник, но противник принципов *laissez faire*, С. Сисмонди недопущение экономических кризисов относил к прерогативе государства, призванного противостоять стихийному развитию рыночной системы хозяйствования.

Во многом солидарную с М. Блаугом позицию в отношении автора «Новых начал» занимает также Нобелевский лауреат по экономике П. Самуэльсон. Он полагает, в частности, что «каждая эпоха породила людей, мечтавших о более совершенном мире, о мире, в котором альтруизм заступил место эгоизма, а равенство или совместное владение собственностью заступили бы место неравенства». И именно С. Сисмонди в числе таких наиболее «известных имен XIX века» проявил себя тем, кто «был убежден в том, что капитализм будет периодически страдать от недопотребления и недостаточной покупательной способности» [11, с. 342].

Подытоживая критическую политэкономическую характеристику В.И. Ленина «Новых начал», представляется важным пояснить, что ленинская критика творчества С. Сисмонди в содержательном плане весьма тенденциозна, поскольку, по его мнению, родоначальник «экономического романтизма» ограничивается только констатацией бедственного положения рабочих и потому не призывает к главному — «революционным» преобразованиям по ликвидации «несправедливого» капитализма ради социализма. Отсюда очевидна и предвзятость ленинской критической характеристики в адрес российских народников, которые, по его мнению, с одной стороны, «...возлагают все свои надежды именно на слабое развитие капитализма, взывают к его задержке» на стадии его мелкобуржуазного хозяйства. Но, с другой стороны, никто из них — народников — так и не проронил «ни словечка о какой бы то ни было возможности „свернуть с пути“» [8, с. 27, 124].

МОРАЛЬНАЯ И ПРАВСТВЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ С. СИСМОНДИ

Проблематика предмета изучения политической экономии и осмысления ее методологических оснований красной нитью проходит через весь текст «Новых начал» С. Сисмонди. В частности, в предисловии к этой книге он заявляет современному ему научному экономическому сообществу о своей приверженности «ко вмешательству власти в дело регулирования богатства» с тем, чтобы не сводить «всю политическую экономию к простому... принципу *laissez faire*» [1, Т. 1, с. 133] и что намерен внести

значительные изменения в «систему Адама Смита» [1, Т. 1, с. 141], поскольку, в отличие от своего кумира, считает для себя принципиальным то, что «рост богатства является не целью политической экономии, а лишь средством для обеспечения всеобщего счастья» и что «само по себе увеличение богатства и населения есть лишь абстракция...» [1, Т. 1, с. 134, 143].

В противовес приверженцам принципов *laissez faire* уже в первых главах своего главного сочинения С. Сисмонди выражает убежденность в том, что материальное благосостояние людей, зависящее от государства, «составляет предмет политической экономии». И эта наука, указывая «правительству правильную систему управления народным богатством», является «важной отраслью науки о счастье народа» [1, Т. 1, с. 148].

Одна из характерных особенностей «Новых начал» состоит в том, что в данном двухтомном сочинении основательно (по меньшей мере, во всех семи главах в книге первой тома I) задействован историко-экономический аналитический инструментарий, позволивший С. Сисмонди отобразить этапы эволюции школ политической экономии через призму альтернативных трактовок предмета ее изучения. Это, согласно Сисмонди, школа меркантилистов, школа экономистов-физиократов, школа Адама Смита. При этом адепты первых двух школ рассматривали материальное благосостояние людей как предмет политической экономии в рамках односторонней системы (в том числе меркантилисты — в торговле, физиократы — в земледелии), а смитовская школа пыталась «создать априорную теорию, с тем чтобы потом пристегнуть к ней факты» [1, Т. 1, с. 164, 165].

С. Сисмонди солидаризируется, в принципе, со всеми выделенными им политэкономическими школами в той части, что предмет политической экономии следует видеть в выявлении источников создания и приумножения материального благосостояния людей, в том числе и с А. Смитом, ратовавшим за то, что источник богатства следует искать в общественном труде. При этом он со всей откровенностью заявляет, что «доктрина Адама Смита есть наша доктрина, факел, который его гений вознес над наукой, указал правильный путь всем его последователям» [1, Т. 1, с. 167].

Однако автор «Новых начал» категорически не согласен ни с одной из этих школ и особенно со «школой А. Смита» в понимании ими сути благосостояния или «богатства нации», высказывая в этой связи следующее суждение: «Адам Смит, исследуя

лишь богатство и видя, что каждый владелец богатства заинтересован в его росте, заключил, что лучшее средство способствовать этому росту — предоставить обществу свободной игре индивидуальных интересов. Он говорил правительству: сумма частных богатств составляет богатство нации, нет такого богача, который не стремился бы сделаться богаче; предоставьте ему это, — тем, что он делается богаче сам, он увеличит богатство нации» [1, Т. 1, с. 167, 168].

В конечном счете, подобно классикам и видя «предмет политической экономии» в материальном благосостоянии людей, С. Сисмонди настаивает на том, что «вообще в политической экономии следует беречься ... абсолютных предположений, точно так же, как и абстракций», ибо «всякая абстракция всегда есть заблуждение» [1, Т. 1, с. 291]. При этом, соглашаясь с классиками даже в том, что политическая экономия — это наука, изучающая «управление народным богатством», он формулирует два принципиально важных, с его точки зрения, уточнения к данному определению:

1. **Политическая экономия** — наука не просто расчета, а **наука моральная**. Она вводит в заблуждение, когда оперируешь голыми цифрами, и *ведет к цели лишь тогда, когда приняты во внимание чувства, потребности и страсти людей* (выделено автором) [1, Т. 1, с. 291].

2. **Политическая экономия** — в значительной мере **нравственная наука**, ...она должна предвидеть, что может оказать влияние на их (людей — Я.Я.) *страсти* (выделено автором) [1, Т. 1, с. 360].

Итак, в отличие от классиков, для С. Сисмонди политическая экономия — это «наука моральная» и «в значительной мере нравственная», которая призвана содействовать созданию и приумножению материального благосостояния людей и вменять в обязанность государству управление «народным богатством», полагаясь не на «абстракции» и «голые цифры», а на «чувства, потребности и страсти людей». И, полагая так, он возлагает на государство такие реформаторские по своей сути задачи управления хозяйственной жизнью, реализация которых предполагает неприменное законодательное обеспечение «третьим лицам» — *мелким собственникам (крестьянам, ремесленникам, кустарям)*, т.е., говоря, опять же, словами автора «Новых начал», «*гарантии против всеобщей конкуренции*» [12, с. 218].

В то же время специфика осмысления им предмета и метода «моральной и нравственной» политической экономии позволяет судить о научной новизне творческого наследия этого родоначаль-

ника экономического романтизма, заключающейся, в том числе, в нижеследующем:

- убежденность в том, что «только власть» может не допустить расширения производства ради интересов «отдельных лиц», что целью всех наций должно быть соображение «роста всеобщего довольства и достатка» [1, Т. 1, с. 168];

- неприятие для политической экономии метода научной абстракции, из-за которой наука, принимая «спекулятивный характер, ...кажется оторванной от всякой практики» [1, Т. 1, с. 169];

- отрицание смитовской доктрины об «интерес каждого образует общий интерес», хотя на самом деле «каждый, стремясь осуществить свой собственный интерес за счет других, пускает в ход все доступные средства», из-за чего «...благополучие каждого промышленника строится на разорении его собрата» [1, Т. 1, с. 335, 336, 357];

- обоснование целесообразности применения в экономическом анализе не только каузального, но и функционального метода; утверждение о том, что «в политической экономии все связано, все заключено в круг, так как следствие становится, в свою очередь, причиной» [1, Т. 2, с. 139];

- аргументация положения о том, что суть экономических кризисов «представляет историю нашего собственного будущего, если мы будем продолжать поступать по тем принципам, которым она (Англия. — Я.Я.) следовала» [1, Т. 1, с. 134, 140];

- обоснование вывода о том, что «лучше направленные частные интересы сами исправят то зло, которое они же причинили обществу» [1, Т. 2, с. 176];

- разработка реформаторских положений и законодательных воззваний по обеспечению направленности деятельности государства (правительства) на то, чтобы:

- создать условия «городским» и «сельскохозяйственным» рабочим для взаимодействия на принципах коалиции и свободной кооперации;

- не допускать намеренного снижения или фиксирования процентной ставки;

- запретить общественный труд в воскресные дни;

- ввести возрастной ценз на наемный труд малолетних детей и сократить продолжительность рабочего дня взрослых рабочих;

- освободить от налогов «класс сельскохозяйственных рабочих» и увеличить размеры налогов «праздным землевладельцам» и «крупным фермерам»;

– обязать нанимателей содержать рабочих на период их болезни, безработицы и старости;
– поощрять дробление наследств, а не их накопление и др. [1, Т. 1, с. 181, 304–309, 324, 325, 328, 329; Т. 2, с. 165–166, 168–173, 175].

В завершение представляется уместным привести оценочные суждения о введенной в научный оборот «моральной и нравственной» политической экономии С. Сисмонди, высказанные французскими историками экономической мысли Ш. Жидом и Ш. Ристом. Они, в частности,

полагают, что для С. Симонди «...весь интерес политической экономии с точки зрения теоретической сводился к объяснению кризисов, а с точки зрения практической — к отысканию мер предупреждения их и улучшения положения рабочих» [13, с. 145]. Убеждены они также в том, что этот ученый своим творчеством, «не склоняясь к социализму... сильно расшатывает либерализм» и доказывает «ложность положения... о естественном совпадении частного и общественного интересов» [13, с. 154].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сисмонди С. Новые начала политической экономии или О богатстве в отношении к народонаселению. В 2 т. М.: Гос. социально-эконом. издат-во; 1937.
2. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Кн. 1–2. Антология экономической классики. Т. 1. М.: МП «ЭКОНОВ», «КЛЮЧ»; 1993.
3. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. Антология экономической классики. Т. 1. М.: МП «ЭКОНОВ», «КЛЮЧ»; 1993.
4. Маркс К. К критике политической экономии. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. М.: Госполитиздат; 1961.
5. Маркс К. Теории прибавочной стоимости. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. III. М.: Политиздат; 1964.
6. Маркс К. Капитал. Т. 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат; 1961.
7. Ленин В.И. К характеристике экономического романтизма (Сисмонди и наши отечественные сисмондисты). Полн. собр. соч. Т. 2. М.: Политиздат; 1967.
8. Ленин В.И. К характеристике экономического романтизма. В кн.: Новые начала политической экономии в его отношении к народонаселению. Т. 1. М.: Гос. социально-эконом. изд-во; 1937.
9. Блауг М. 100 великих экономистов до Кейнса. Пер. с англ. Фофанов А.А., ред. СПб.: Экономическая школа; 2005.
10. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело Лтд; 1994.
11. Самуэльсон П. Экономика. В 2 т. Т. 2. М.: Алгон; 1992.
12. Ядгаров Я.С. История экономических учений. Учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М; 2012.
13. Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений. М.: Экономика; 1995.

REFERENCES

1. Simonde de Sismondi. New Principles of Political Economy. Vol. 1 and 2. Moscow; 1937. (In Russ.).
2. Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Vol. 1. Moscow; 1993. (In Russ.).
3. Ricardo D. On the Principles of Political Economy and Taxation. Vol. 1. Moscow; 1993. (In Russ.).
4. Marx K. A Contribution to the Critique of Political Economy. In K. Marx, F. Engels. Collected Works. Vol. 13. Moscow; 1961. (In Russ.).
5. Marx K. Theories of Surplus-Value. In K. Marx, F. Engels. Collected Works. Vol. 26. Part III. Moscow; 1964. (In Russ.).
6. Marx K. Capital. Vol. 1. In K. Marx, F. Engels. Collected Works. Vol. 23. Moscow; 1961. (In Russ.).
7. Lenin V. To the characterisation of economic romanticism (Sismondi and our domestic Sismondists). In Lenin V. Collected Works. Vol. 2. Moscow; 1964. (In Russ.).
8. Lenin V. To the characterisation of economic romanticism. In Simonde de Sismondi. New Principles of Political Economy. Vol. 1. Moscow; 1937. (In Russ.).
9. Blaug M. Great economists before Keynes: an introduction to the lives & works of one hundred great economists of the past. Fofonov A.A., ed. St. Petersburg: School of Economics; 2005. (In Russ.).
10. Blaug M. Economic theory in retrospect. Moscow; 1994. (In Russ.).
11. Samuelson P. Economics. Vol. 1. Moscow; 1992. (In Russ.).
12. Yadgarov Ya.S. History of economic doctrines. Textbook. 4th edition. Moscow; 2012. (In Russ.).
13. Gide Ch., Rist Ch. A History of Economic Doctrines from the Time of the Physiocrats to the Present Day. Moscow; 1995. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-3-65-72

УДК 327(045)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ВИД ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Лапин Александр Андреевич,

канд. полит. наук, декан факультета лингвистики и педагогики, Московская международная академия,
Москва, Россия

lapin@mmtamos.ru

Аннотация. В статье анализируется экономическая дипломатия сквозь призму современных российско-германских отношений. Россия и Германия – два самых крупных государства в Европе. Соответствующий вес и значение имеют их двусторонние отношения. Понятие «экономическая дипломатия» не имеет строго научного определения, несмотря на то, что оно давно применяется в практике регулирования современных международных экономических отношений. В совокупности двусторонняя и многосторонняя экономическая дипломатия образуют эффективный механизм управления глобальными процессами, как в интересах отдельных стран, так и мирового сообщества в целом. Именно экономическая дипломатия позволяет сбалансировать результаты мирохозяйственного развития для национальных экономик, групп государств и целых регионов, не доводя до кризиса межгосударственных институтов, региональных объединений и эскалации торгово-экономических конфликтов. В то же время экономическая дипломатия, опирающаяся на значительные финансовые, организационные, информационные и иные ресурсы государства, может стать в случае непродуманного, импульсного ее использования деструктивным фактором для мирового хозяйства, нарушающим его целостность и сложившиеся устойчивые взаимозависимости. Поэтому важнейшая задача современной экономической дипломатии – эффективное встраивание национальных интересов в общий контекст обеспечения устойчивого развития региональной и глобальной экономики.

Ключевые слова: экономическая дипломатия; международные отношения; глобализация; российско-германские отношения; мировая экономика; национальные интересы; Европейский союз; Венская конвенция о дипломатических сношениях; глобальные проблемы; транснациональные корпорации

ECONOMIC DIPLOMACY AS A KIND OF DIPLOMATIC ACTIVITIES

Lapin A.A.,

PhD of Political Science,

Dean of the Faculty of Linguistics and Pedagogy,

Moscow International Academy, Moscow, Russia

lapin@mmtamos.ru

Abstract. The article analyses economic diplomacy through the prism of modern Russian-German relations. Russia and Germany are the two largest countries in Europe. Their bilateral relations have the appropriate weight and importance. The concept of “economic diplomacy” does not have a strictly scientific definition, despite the fact it has long been used in the practice of regulating modern international economic relations. Together, bilateral and multilateral economic diplomacy form an effective mechanism for managing global processes, both in the interests of individual countries and the world community as a whole. It is economic diplomacy that allows us to balance the results of world economic development for national economies, groups of states and entire regions, without leading to a crisis of interstate institutions, regional associations and the escalation of trade and economic conflicts. At the same time, economic diplomacy, based on significant financial, organisational, information and other resources of the state, can become – in the case of ill-considered, impulsive use – a negative factor for the

world economy, violating its integrity and established sustainable interdependence. Therefore, the most important task of modern economic diplomacy is the effective integration of national interests into the overall context of sustainable development of the regional and global economy.

Keywords: *economic diplomacy; international relations; globalisation; Russian-German relations; world economy; national interests; European Union; Vienna Convention on Diplomatic Relations; global problems; transnational corporations*

ПОНЯТИЕ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ» И ЕЕ ЗАДАЧИ

Общее понятие «дипломатия» определяют как «совокупность средств, приемов и методов достижения внешнеполитических целей государства».

«Дипломатия — официальная деятельность глав государств, правительств и специальных органов внешних сношений по осуществлению целей и задач внешней политики государств, а также по защите интересов государства за границей».

Можно также привести и такое определение: «дипломатия есть применение ума и такта к ведению официальных сношений между правительствами независимых государств».

Соответственно, под экономической дипломатией в широком смысле слова можно понимать средство реализации внешнеэкономической политики государства и официальную деятельность по осуществлению задач этой политики. Безусловно, экономическая дипломатия также требует применения «ума и такта», т.е. всего арсенала дипломатических методов.

Приведем и другие определения:

«Экономическая дипломатия представляет собой совокупность организационно-правовых инструментов и действий во внешнеэкономической сфере с опорой на национальные интересы и скоординированное взаимодействие государственных и негосударственных структур в целях обеспечения устойчивого развития страны и ее экономической безопасности в условиях глобализации».

«Экономическая дипломатия — есть достижение экономических целей средствами дипломатии, вне зависимости от того, прибегает она или нет к экономическим рычагам ради их достижения».

«Экономическая дипломатия представляет собой сплав экономики и политики, доведенный до уровня принятия и реализации управленческих решений, с помощью и при посредстве которых осуществляется сотрудничество и соперничество в современном мире, определяются формы и методы развития и совершенствования рыночной экономики, становящейся важным фактором обще-

ственного развития и решения ключевых проблем экономического и социального прогресса».

Приведенные выше определения уточняют те или иные элементы исследуемого понятия, акцентируя внимание на субъектах, объектах или организационно-правовых механизмах. В итоге в сферу экономической дипломатии входит решение следующих основных задач.

1. Обеспечение наилучших, наиболее выгодных условий для участия национальной экономики в мировом хозяйстве, в том числе в целях повышения удельного веса своей охраны в мировой экономике, особенно путем продвижения хозяйственных секторов на базе новейших технологий, и, соответственно, усиление возможностей обеспечить эффективное влияние своей страны на международные отношения.

2. Политическое содействие отечественному бизнесу в его деятельности за рубежом в целях повышения его конкурентных возможностей, прав доступа к существующим и потенциальным ресурсам и рынкам.

3. Такое соблюдение национальных интересов и обеспечение национальной безопасности, которое гарантировало бы решение общенациональных задач, не позволяло бы чисто рыночным интересам и приоритетам диктовать свою волю обществу. Как подчеркивал министр иностранных дел РФ в 1998–2004 гг. И. С. Иванов: «Выступая за развитие в международной деятельности принципов и норм экономической дипломатии, мы всегда исходили из того, что сама внешняя политика при этом не может приобрести рыночного характера» [1].

4. Создание наилучших условий для развития человеческого потенциала своей страны, подъема интеллектуального компонента в национальном богатстве, такого повышения уровня и качества жизни, обеспечения наиболее передовых социальных стандартов, которые не могут быть достигнуты исключительно на основе стихийного действия рыночных сил.

5. Участие в решении глобальных экономических проблем, так как рынок и рыночная эконо-

мика, в том числе в своем международном выражении, оказались не только генератором экономического роста на всех уровнях, но и источником многих проблем (сырьевых, продовольственных и т.д.). В связи с этим необходимо обеспечить наилучшее использование ресурсов, развитие и совершенствование национального потенциала.

Суммируя изложенное выше, можно сказать, что перспективы экономической дипломатии не связаны с решением лишь каких-либо частных, конкретных задач экономического характера, она направлена на повышение международной конкурентоспособности страны и обеспечение национальной безопасности.

Экономической дипломатии, сочетающей элементы экономики и дипломатии, присущи, с одной стороны, некоторые черты, свойственные коммерческой практике, а с другой — черты, близкие традиционной дипломатии.

Во-первых, экономическая дипломатия в значительной мере базируется (или должна базироваться) на цифровых расчетах и оценках. Для уяснения стоящих задач и возможностей их решения, а также для ведения аргументированных переговоров с партнерами необходимо проведение объективного анализа, подкрепленного количественными (стоимостными и временными) показателями.

Во-вторых, экономическая дипломатия оперирует категорией эффективной взаимности. Данный подход внешне представляется как формирование условий равноправного экономического сотрудничества.

В-третьих, эффективность экономической дипломатии, как и дипломатии вообще, во многом зависит от активной позиции на переговорах (за исключением тех случаев, когда иная позиция продиктована конкретными обстоятельствами) и использования методов, предшествующих и сопутствующих переговорам (обмен мнениями, консультации и обсуждения, в том числе в неофициальном порядке, визиты, встречи и т.д.). Такая позиция предусматривает инициативность в постановке на обсуждение актуальных для страны вопросов, лоббирование путем целенаправленного поиска и объединения сторонников предлагаемой договоренности. При этом, когда речь идет о многосторонних переговорах, инициативы не обязательно должны официально исходить от наиболее заинтересованной стороны, — международная практика показывает, что предложения, исходящие от малой страны по конфиденциальной подсказке крупной, скорее могут найти коллективную поддержку.

В-четвертых, результативность экономической дипломатии зависит также от гибкости действий в связи с переговорами. В ряде случаев иногда целесообразно поддержать поступившее предложение, если в обмен можно получить значительную уступку партнера. Гибкость проявляется также и в смягчении первоначальной позиции, если она не находит поддержки.

Таким образом, использование механизмов экономической дипломатии предусматривает борьбу не только за создание благоприятных условий сотрудничества на мировом рынке, но и против попыток других стран поставить эти механизмы на службу их интересам, не считаясь с интересами партнеров.

И. С. Иванов в своей книге указывает, что «в российской внешней политике неуклонно возрастает роль «экономической дипломатии». В этом находит отражение общемировая тенденция: экономический фактор оказывает все более существенное воздействие на внешнюю политику государств и развитие международных отношений на глобальном и региональном уровнях» [1].

Федеральный канцлер Германии А. Меркель также уделяет большое внимание данному вопросу. В своем выступлении на 62-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН она заявила, что «транспарентность финансовых рынков и эффективная защита интеллектуальной собственности нужны в такой же степени, как и справедливые социальные стандарты»*.

Во-первых, в условиях либерализации мировой экономики и многочисленных коллективных договоренностей стран односторонние действия правительств по защите национальных интересов частично утрачивают свою эффективность. Это связано с решениями международного сообщества по ограничению использования ряда традиционных мер регулирования внешнеэкономических связей (таможенных пошлин, импортных квот, субсидий в торговле и обременительных обязательств для иностранных инвесторов) и установлению единых и гармонизированных правил, регламентирующих применение таких мер и подкрепленных санкциями за их нарушение.

Во-вторых, развивающаяся глобализация в мировом хозяйстве, сочетающая объективный прогресс углубления интернационализации производительных сил и одновременно стремление ТНК

* Договор ФРГ и СССР о содействии осуществлению и взаимной защите капиталовложений. 13 июня 1989 г.

подчинить этот процесс своим целям усиления доминирующего положения в мировом хозяйстве, повышает роль экономической дипломатии, ибо она может содействовать развитию интернационализации в интересах всех стран и вместе с тем противодействовать стремлению тех, кто хотел бы монополизировать преимущества глобализации.

СУБЪЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Процессы глобализации, сопровождающиеся усилением международной конкуренции, настоятельно требуют активного участия государства в продвижении и защите национальных интересов на мировом рынке.

За последние годы не было практически ни одного визита президента или министра иностранных дел в зарубежные страны, в ходе которых не проводилось бы встреч с представителями деловых кругов данной страны.

Современная экономическая дипломатия развитых стран опирается на разветвленную сеть институтов и механизмов реализации национальных интересов в мировом хозяйстве, множественность взаимодополняющих инструментов достижения целей, хорошо налаженную координацию и широкий общественный консенсус в отношении задач и приоритетов внешнеэкономической политики, значительные финансовые, кадровые, информационные и иные ресурсы, предоставляемые государством.

Практически повсеместно наблюдается укрепление институциональной и организационной базы, повышение статуса экономической дипломатии в системе государственной власти: увеличивается число, расширяются функции и ставятся задачи по повышению качества работы специализированных государственных структур в области поддержки внешнеэкономической деятельности, лоббирования интересов отечественных компаний за рубежом, торгово-политического содействия, мобилизации эффективных внешних ресурсов на цели развития.

Институциональное обеспечение современной экономической дипломатии представляет собой тесную взаимосвязь между государственными, полугосударственными и неправительственными организациями, уполномоченными и заинтересованными в развитии международного делового сотрудничества.

Во главе институциональной пирамиды, обеспечивающей решение задач экономической дипломатии, стоят национальные внешнеполитические

ведомства и министерства, ответственные за реализацию государственной внешнеэкономической политики, опирающиеся на разветвленную сеть зарубежных представительств.

В.В. Путин, выступая на совещании руководящего состава сотрудников дипломатической службы России 26 января 2001 г., отметил, что «российская дипломатия как никогда прежде должна сегодня помогать решению общенациональных задач. В их числе — повышение конкурентоспособности нашей экономики, кардинальное увеличение ВВП, интеграция России в мировую хозяйственную систему. Отсюда — исключительное значение экономической составляющей работы заграничных учреждений. И приоритеты здесь: защита национальных экономических интересов, повышение инвестиционной привлекательности России, противодействие дискриминации на внешних рынках... И в целом важно поставить внешнеполитическую деятельность на службу всестороннему развитию и модернизации страны, приблизить дипломатию к повседневным нуждам и интересам граждан России».

Таким образом, экономическая дипломатия является дипломатическим процессом не только по своей сути (увязывание противоречащих друг другу интересов, выработка взаимоприемлемых «правил игры», перевод возникающих конфликтов в плоскость переговорного процесса, мирное разрешение споров и т.д.), но и по ведомственному признаку (прямое поручение таких функций ведомствам внешних сношений или поручение им играть главную, координирующую роль).

Причинами подобного предпочтения профессиональных дипломатов являются, во-первых, наличие у них соответствующих профессиональных навыков и сложившейся оперативной структуры управления в своей стране и за рубежом, во-вторых, меньшая ангажированность ведомств внешних сношений перед отдельными частными интересами, подчиненность национальным интересам, а также способность обеспечить в отношениях с внешним миром необходимые параметры национальной безопасности (в целом и на отдельных участках международных отношений, в режиме текущего времени и в порядке ближайшего и перспективного упреждения).

Здесь небезосновательно можно привести цитату Э. Сатоу: «Министр иностранных дел должен обладать точными знаниями торговых интересов, сближающих государства, всякого рода материальных ресурсов, создающих мощь этих государств; тех договоров и соглашений, которыми эти последние

связаны между собой, тех принципов и взглядов, направляющих их политику, государственных деятелей, которые определяют курс этой политики» [2].

В дополнение к высочайшим профессиональным требованиям к кадровому обеспечению экономической дипломатии необходимо еще учитывать и требования к соблюдению профессиональной этики. Учитывая объекты экономической дипломатии, соблазнов для деятельности в личных целях более чем достаточно. Так, Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 г. налагает ограничения на дипломатов: «Дипломатический агент не должен заниматься в государстве пребывания профессиональной или коммерческой деятельностью в целях личной выгоды».

МЕХАНИЗМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Внешние сношения с иностранными государствами осуществляются как посредством двусторонних отношений, так и на многостороннем уровне в рамках региональных универсальных международных организаций и неформальных форумов на высшем уровне.

Двусторонняя экономическая дипломатия является традиционным средством формирования благоприятных условий доступа и продвижения отечественной продукции на внешние рынки.

Двусторонняя дипломатия по определению гибче и оперативнее многосторонней, поскольку требует согласования позиций всего двух сторон. Одновременно двусторонняя дипломатия органично дополняет усилия многосторонней дипломатии, поскольку, с одной стороны, служит основой для последующих договоренностей на многостороннем уровне, а с другой — переводит в практическую плоскость результаты многосторонней дипломатии.

В условиях интенсификации процессов глобализации, усиления процессов глобализации и международной конкуренции, углубления региональной интеграции двусторонняя экономическая дипломатия приобрела ряд новых черт, что отразилось на ее содержании, формах и инструментарии.

Во-первых, это комплексный характер двусторонней экономической дипломатии, которая сегодня не ограничивается урегулированием отдельных вопросов торгово-экономического сотрудничества.

Из истории дипломатии известно, что купцы и банкиры подчас оказывались первыми дипломатическими представителями своих государей, а договоры о торговых сношениях — первыми дипломатическими документами с «заморскими»

странами. В числе объектов, на которые распространялась деятельность таких представителей, были, естественно, и экономические вопросы. То есть изначально экономическая дипломатия была торговой дипломатией.

Так, Г. Никольсон приводит пример конференции, проходившей в Спарте в 432 г. до н.э., на которой, помимо вопросов войны и мира, также «афиняне находились для разрешения каких-то других вопросов, по всей вероятности, вели переговоры по поводу торгового договора» [3].

С течением времени за счет расширения перечня объектов регулирования (не только торговля, но и инвестиции, кредитные отношения, налогообложение, транснациональный бизнес, имидж страны) внешние сношения стали охватывать все сферы экономической жизни, таким образом, торговая дипломатия трансформировалась в экономическую и концентрируется на формировании максимально эффективной среды для развития такого сотрудничества (через заключение соглашений о преференциальной и свободной торговле, глобальном/стратегическом партнерстве и т.д.).

Во-вторых, все чаще двусторонняя дипломатия используется как альтернативное средство решения проблем, не полностью или недостаточно эффективно урегулированных на многостороннем уровне. Характерный пример — растущее число двусторонних соглашений о свободной торговле, возникших как следствие «пробуксовывания» процессов в рамках ВТО.

В-третьих, содержательные аспекты дипломатии все более фокусируются на условиях внутренней хозяйственной деятельности — режимах инвестиций и коммерческих операций, обеспечении справедливой конкуренции и защиты прав интеллектуальной собственности, правилах госзакупок, регулирования трудовой деятельности и т.д.

В-четвертых, в повестке дня двусторонних переговоров, особенно с участием ведущих стран мира, растет число вопросов, выходящих за проблематику двустороннего экономического сотрудничества. Это совместные проекты с третьими странами, региональные, интеграционные и глобальные проекты и т.д.

В качестве примера можно привести переговоры министра иностранных дел России С.В. Лаврова с министром экономического сотрудничества и развития ФРГ Х. Вичорек-Цойль в рамках 9-го раунда российско-германских Межгосударственных консультаций на высшем уровне (Висбаден, 14–15 октября 2007 г.). В фокусе состоявшегося обме-

на мнениями были вопросы участия России и Германии в программах содействия международному развитию с акцентом на оказание помощи странам Африканского континента. При обсуждении урегулирования положения дел на Ближнем Востоке основное внимание было уделено задаче отмены экономической блокады палестинских территорий и расширения прямой международной помощи Палестинской национальной администрации.

В-пятых, значительно повысился уровень представительства стран — участниц переговорного процесса. Наряду с рутинными, техническими вопросами, требующими кропотливой работы экспертов, все большее число задач, где ставки особенно высоки, решается при участии высших должностных лиц государства в ходе двусторонних саммитов. Одна из приоритетных сфер двусторонней экономической дипломатии на высшем уровне — распределение крупных правительственных заказов и подрядов, выставляемых на торги.

В-шестых, само понятие «двусторонняя дипломатия» стало несколько условным, поскольку все чаще одной из сторон такой дипломатии выступает то или иное интеграционное объединение, или же обе стороны представлены объединениями государств (например, саммиты и соответствующие соглашения в формате Россия — ЕС).

С организационно-правовой точки зрения двусторонняя экономическая дипломатия использует различные инструменты.

Наряду с двусторонними преференциальными торговыми соглашениями, соглашениями о свободной торговле, которые сами по себе охватывают все более широкий круг вопросов, современная двусторонняя экономическая дипломатия реализуется в таких формах, как различного рода рамочные соглашения о торговле и инвестициях (там, где стороны не готовы к масштабной либерализации взаимного торгово-экономического сотрудничества), соглашения о глобальном/стратегическом партнерстве (охватывающие, в том числе, вопросы сотрудничества во внешнеполитической и гуманитарных областях, в развитии региональных рынков и инфраструктуры), более узкие отраслевые и функциональные соглашения, регулирующие отдельные сферы взаимодействия сторон.

В России, безусловно, уделяется внимание интеграционным процессам в экономической сфере. Президент РФ В. Путин в выступлении «О стратегии развития России до 2020 года» указал, что «мы заинтересованы в активном участии в глобальных и региональных интеграционных процессах, в те-

сном торгово-экономическом и инвестиционном сотрудничестве, продвижении высоких технологий, внедрении их в повседневную жизнь. Все это отвечает нашим стратегическим целям».

Растущее значение прямых иностранных инвестиций как важнейшего и эффективного инструмента использования преимуществ глобализации объективно повышает роль инвестиционной дипломатии в общей проблематике двустороннего торгово-экономического сотрудничества. Видами двусторонних договоренностей, устанавливающих взаимно благоприятный инвестиционный режим, являются двусторонние инвестиционные договоры о взаимном поощрении и защите капиталовложений (ДИД), соглашения об избежании двойного налогообложения (СИДН).

Следует отметить значительную активизацию государственной политики содействия привлечению иностранных инвестиций. Ключевым элементом всей деятельности государства по привлечению иностранных инвестиций является целенаправленный маркетинг имеющихся у страны сравнительных преимуществ и возможностей в целях их более широкой и эффективной коммерциализации. Фактически сегодня нужно говорить о важной самостоятельной роли имиджевой экономической дипломатии. Главная цель проводимых имиджевых кампаний за рубежом — создать образ благожелательной во всех отношениях страны, стремящейся к партнерскому сотрудничеству с внешним миром.

Президент России В.В. Путин подчеркнул важность достоверной информации и создания благожелательного образа страны в своем выступлении в МИД: «Представления о России, существующие в странах вашего пребывания, часто далеки от реальности. Нередки и спланированные кампании по дискредитации нашей страны, вред от которых очевиден и для государства, и для отечественного бизнеса. Ваши рекомендации необходимы для отладки потока адресной объективной информации о России, учитывающие специфику общественного мнения в каждой стране. Посольства и другие зарубежные представительства должны принять активное участие в формировании непредвзятого благоприятного представления о внутренней и внешней политике Российской Федерации, о ее истории, о ее культуре, о сегодняшнем развитии».

Анализируя современные тенденции в сфере двусторонней экономической дипломатии, следует особо акцентировать внимание на ее меняющейся пространственной конфигурации. Главное в том, что все более значительные усилия концентрируются

в плоскости взаимоотношений развитых и развивающихся государств, а также — развивающихся стран между собой.

В своей книге «Решения. Моя жизнь в политике» бывший канцлер Германии Герхард Шредер говорит, что «развивающимся странам и странам с переходной экономикой должна быть предоставлена возможность принимать равноправное участие во всемирном экономическом процессе» [4].

Этой концепции придерживается и нынешний канцлер Германии Ангела Меркель. Отношения с ключевыми развивающимися странами Азии, Латинской Америки и Африки — Китаем, Индией, Бразилией, Мексикой и ЮАР — являются стратегическим направлением внешней политики Германии. Понимание важности новых центров экономической силы и невозможность решения проблем на глобальном уровне без участия данных стран привело к учреждению на Саммите «Большой восьмерки» в 2007 г. так называемого Хайлигендамского процесса.

Еще один пространственный сдвиг в двусторонней экономической дипломатии связан с быстрым увеличением числа межрегиональных торговых и иных соглашений. Если раньше преференциальные отношения устанавливались преимущественно или исключительно во взаимоотношениях с традиционными, географически близкими партнерами, то в последнее время усилилась тенденция к заключению преференциальных соглашений со странами, расположенными в отдаленных регионах и даже на других континентах.

Многостороннюю экономическую дипломатию также следует разделить по географическому принципу на региональную и глобальную, а кроме того, выделить отдельно товарное (секторальное) направление.

Как правило, в центре внимания региональной экономической дипломатии находятся специфические региональные проблемы, при этом она может носить формальный и неформальный характер.

Следует выделить три основных направления региональной экономической дипломатии:

- дипломатия содействия развитию хозяйственных связей;
- дипломатия практического делового сотрудничества;
- интеграционное взаимодействие.

Указанные направления дипломатии органично дополняют друг друга и, как правило, одновременно присутствуют в деятельности межгосударственных региональных объединений. Но по своей сути

экономическая дипломатия на интеграционном направлении оказывает более системный эффект на страны-участницы, нежели дипломатия содействия развитию хозяйственных связей или дипломатия практического делового сотрудничества, носящие комплиментарный характер по отношению к внутренней экономике и, как правило, не затрагивающие интересы национальной безопасности.

В настоящее время, по данным ВТО и Всемирного банка, в мире насчитывается около 40 межгосударственных объединений интеграционного типа.

Единственным на сегодняшний день объединением, вышедшим на самый высокий уровень интеграции — экономический и валютный союз — является Европейский союз.

Значительное усложнение задач, решаемых на современном этапе европейской интеграции, привело к интенсификации экономической дипломатии в рамках неформальных для ЕС механизмов — встреч ведущих региональных держав. Так, становятся регулярными контакты в формате «двойки» — Германия и Франция.

Среди интеграционных объединений следует отметить: в американском регионе — Североамериканскую зону свободной торговли (НАФТА), в регионе Южной Америки — МЕРКОСУР, в АТР — АСЕАН, на постсоветском пространстве — Евразийский экономический союз. Как указывалось выше, существует еще множество объединений такого рода, но рамки работы не позволяют их рассматривать.

Одно из важных направлений современной многосторонней дипломатии — товарное (секторальное). Хотя значительная часть работы в данном случае сводится к согласованию технических вопросов, в ряде наиболее значимых для мировой экономики секторов роль экономической дипломатии трудно переоценить. В полной мере это относится к усилиям нефтедобывающих стран по урегулированию мирового нефтяного рынка. Деятельность Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК) во многом основана на достижении компромисса между странами-участницами, а также между ними и крупными независимыми нефтеэкспортерами (Россией, Норвегией и т.п.) по вопросам объемов поставок топлива на мировой рынок. При этом учитываются не только задачи поддержания доходов нефтеэкспортеров, но и интересы обеспечения стабильности нефтяного рынка и устойчивого спроса со стороны потребителей.

Экономическая дипломатия на многостороннем глобальном уровне сегодня, без сомнения, является важнейшей составляющей экономической дипло-

матии. В значительной степени она определяет направленность, допуски и формат региональной и двусторонней дипломатии.

Объективный процесс развития и усложнения внешнеэкономических связей вызывает увеличение числа международных экономических организаций и соглашений различного рода, расширение их мандата за рамки традиционно обсуждаемых вопросов, увеличение количества их членов и повышение уровня представительства в них.

Кроме того, в последнее время переговоры официальных представителей по экономическим вопросам ведутся не только в рамках юридически оформленных региональных и многосторонних организаций, но и в рамках неформальных форумов встречи в верхах, например регулярных совещаний глав государств и правительств семи ведущих стран («Семерки») и встреч членов Парижского клуба кредиторов. Договоренности участников неформальных организаций обычно соблюдаются не менее строго, чем юридически оформленные.

Как отмечает в этой связи министр иностранных дел РФ С.В. Лавров: «Условия свободы диктуют необходимость коллективного лидерства ведущих государств мира. Это можно называть „концертом держав XXI века“. У нас есть исторический опыт, говорящий о том, что свобода в международных отношениях — это не свобода одних государств от других, а свобода договариваться между собой на рациональной основе совпадающих интересов, как это уже сейчас делается в ряде случаев и в пятерке постоянных членов Совета Безопасности ООН, и в „группе восьми“, и в других форматах».

Использование экономической дипломатией переговоров в рамках неформальных организаций связано с рядом существенных преимуществ.

Участниками переговоров в этом случае выступают представители стран, обладающие сильными позициями и влиянием в мировой экономике. В повестку дня таких встреч могут включаться вопросы, которые не входят в компетенцию других организаций или не могут быть урегулированы ими. Процедура обсуждения и принятия итогового документа, не обремененная жесткими правилами, обладает большей гибкостью. Наконец, привлечение высокопрофессиональных экспертов (так называемых тернов) позволяет участникам принимать хорошо обоснованные, взвешенные решения.

Таким образом, в совокупности двусторонняя и многосторонняя экономическая дипломатия образуют эффективный механизм управления глобальными процессами, как в интересах отдельных стран, так и мирового сообщества в целом. Именно экономическая дипломатия позволяет сбалансировать результаты мирохозяйственного развития для национальных экономик, групп государств и целых регионов, не доводя до кризиса межгосударственных институтов, региональных объединений и эскалации торгово-экономических конфликтов.

В то же время экономическая дипломатия, опирающаяся на значительные финансовые, организационные, информационные и иные ресурсы государства, может стать в случае непродуманного, импульсного ее использования деструктивным фактором для мирового хозяйства, нарушающим его целостность и сложившиеся устойчивые взаимозависимости. Поэтому важнейшая задача современной экономической дипломатии — эффективное встраивание национальных интересов в общий контекст обеспечения устойчивого развития региональной и глобальной экономики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иванов И.С. Новая российская дипломатия. Десять лет внешней политики страны. М.: ОЛМА-ПРЕСС; 2001.
2. Сатоу Э. Руководство по дипломатической практике. М.: Издательство Института международных отношений; 1961.
3. Никольсон Г. Дипломатия. М.: ОГИЗ Государственное издательство политической литературы; 1941.
4. Шрёдер Г. Решения. Моя жизнь в политике. Пер. с нем. Леоновой Г.М.: Издательство «Европа»; 2007.

REFERENCES

1. Ivanov I.S. The New Russian diplomacy. Ten years of foreign policy. Moscow: OLMA-PRESS; 2001. (In Russ.).
2. Satow E. Guide to diplomatic practice. Moscow: Publishing house of the Institute of international relations; 1961. (In Russ.).
3. Nicholson G. Diplomacy. Moscow: OGIZ State publishing house of political literature; 1941. (In Russ.).
4. Schroeder G. Solutions. My life in politics. Transl. from German. Moscow: Publishing House "Europe"; 2007. (In Russ.).

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-3-73-76
УДК 342.712(045)

РОЛЬ СУДА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ЗАЩИТЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

Иксанов Илья Саматович,

канд. юрид. наук, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности,
Финансовый университет, Москва, Россия
isiur@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль Европейского суда, специфика его деятельности, его цели. Автор также затрагивает исторический аспект развития деятельности Европейского суда. По мнению автора, Европейский суд благотворно повлиял на развитие прав, предоставленных союзным гражданством. Действия Европейского суда позволили создать новую почву для лиц, обладающих союзным гражданством, расширяя доступ к социальным преимуществам, выходящим за рамки прав экономических мигрантов, для всех тех, кто осуществляет свои европейские права. Европейский суд стремился дать студентам возможность путешествовать для их образования, искал новые способы обеспечения их свободного передвижения и обучения с получением финансирования в случае возникновения непредвиденных событий. Очень важно, что суд сосредоточил свое внимание на трех основных ценностях для того, чтобы гражданство не становилось ограничением: недискриминации, праве на свободное передвижение и праве на семейную жизнь. Европейский суд по правам человека – это международный судебный орган, его юрисдикция распространяется на все государства – члены союза. Главным для Европейского суда является обеспечение соблюдения и исполнения норм Конвенции государствами-участниками. Кроме того, рассматривая дела, Суд может указывать на пробелы в законодательстве и проблемы правоприменительной практики, положительно влияя на правоохранительную политику и судопроизводство и, как следствие, провоцировать совершенствование правоприменительной системы. В данной статье отражена деятельность Европейского суда, направленная на выявление проблемных сторон законодательства Европейского союза.

Ключевые слова: гражданство; права; свободы; права человека, европейский суд, правовые позиции Европейского суда

THE ROLE OF THE EUROPEAN COURT OF JUSTICE IN THE PROTECTION OF HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS

Iksanov I.S.,

PhD of Law, Associate Professor,
Department of Legal Regulation of Economic Activity
Financial University, Moscow, Russia
isiur@mail.ru

Abstract. The article discusses the role of the European Court of Justice, the specifics of its activities, and its goals. The author also touches upon the historical aspect of the development of the European Court. According to the author, the European Court of Justice has had a beneficial effect on the development of the rights granted

by Union citizenship. The actions of the European Court of Justice have created new ground for persons with Union citizenship, increasing access to social benefits beyond the rights of economic migrants, for all those who exercise their European rights. The European Court of Justice sought to allow students to travel for their education, looking for new ways to ensure their free movement and learning with funding in the event of unforeseen events. It is essential that the court focuses on three core values so that citizenship does not become a limitation: non-discrimination, the right to freedom of movement and the right to family life. The European court of human rights is an international judicial body; its jurisdiction extends to all member States of the Union. The main thing for the European Court of Justice is to ensure compliance with and enforcement of the Convention by the States parties. Also, when considering cases, the Court can point to gaps in legislation and issues concerning law enforcement practice, positively influencing law enforcement policy and legal proceedings, and, as a result, contribute to the improvement of the law enforcement system. This article reflects the activities of the European Court of Justice aimed at identifying the problematic aspects of the legislation of the European Union.

Keywords: citizenship; rights; freedoms; human rights; European Court of Human Rights; legal positions of the European Court of Justice

Согласно условиям Маастрихтского договора «О Европейском союзе» (1992 г.) у суда есть полномочия на обеспечение правильного толкования и исполнения договора таким образом, чтобы соблюдались учредительные документы ЕС, что порождает некую неоднозначность. Представляется, что Европейский суд предоставляет значительную свободу действий, гарантируя, что не только государства-члены и другие институты Европейского союза, но и национальные суды смогут толковать договор таким образом, чтобы тот соблюдался.

С другой стороны, в договоре большое значение придается определению возможности подачи иска в суд. Несмотря на то что национальные суды играют важную роль в вынесении решений по делам, возбужденным отдельными лицами, государствами-членами и учреждениями в отношении лиц, нарушающих договорные обязательства, у Европейского суда нет полномочий на инициирование слушаний исключительно по собственной воле. В связи с этим он также не уполномочен проводить повестку дня или лоббировать законодательные вопросы лишь из собственного интереса: Европейский суд может принимать решения только по тем вопросам, которые ему предоставляются [1]. Согласно ст. 267–276 TFEU (Договора о функционировании Европейского союза), в которых четко определяются сценарии свободных действий суда, на усмотрение суда также накладываются дополнительные ограничения¹. Соответственно, можно говорить о том, что

на широкие полномочия суда были возложены ограничения.

Помимо этого, иногда суд фактически воздерживается от принятия решений, которые позволили бы расширить сферу охвата союзных граждан и сделали бы союзное гражданство более открытым, чем оно является сегодня. Такое ограничение является наиболее эффективным опровержением обвинений в чрезмерном судебном преследовании.

Как проблему, по которой суд придерживается точной позиции, можно рассмотреть вопрос о проживании и об отношении к союзному гражданству. Современный правопорядок обязывает суд рассматривать проживание для экономически активных и экономически неактивных граждан третьих стран. Действительно, можно сказать, что такие вопросы, как равенство, образование, доступ к социальным преимуществам и др. основаны на понятии «право на жительство». Посредством использования права на свободное передвижение граждане третьих стран могут оказаться в государстве — члене ЕС, где они будут менее уважаемыми, чем граждане Союза [2].

Регламент (ЕЭС) от 15.09.1968 № 1612/68 совета о свободном передвижении работников внутри Сообщества также привел к возникновению проблем и конфликтов в отношении намерений и мнений, высказанных ранее. Дела, связанные с местом жительства, часто соотносятся с другими проблемами, но когда речь идет исключительно о месте жительства, вопрос встает краеугольным камнем [3].

Цель Союза — не препятствовать государству — члену в автономии, но в случае вовлечения сообщества в ситуацию суд провозглашает, что

¹ Договор о функционировании Европейского союза (Рим, 25 марта 1957 г.) (в редакции Лиссабонского договора 2007 г.). Консолидированный текст (прекратил действие).

необходимо обеспечение равных прав для всех граждан.

Еще одним важным вопросом, нуждающимся в рассмотрении, является проживание и права членов семей граждан третьих стран. Очевидно, что граждане третьих стран выходят за рамки договора и не получают таких прав, как члены семьи гражданина Союза. Однако законодательством (начиная с договоров и заканчивая Хартией основных прав) гарантируется право на семейную жизнь гражданам Союза. В случае, когда в состав семьи входят и граждане, и неграждане, право на проживание этих семей представляет интерес для общины.

Начнем с того, что супругу для поездки необходима виза и/или другие проездные документы для получения доступа в страну. По справедливому мнению суда, которое было поддержано комиссией, негражданин, являющийся членом семьи гражданина Союза, имеет более высокий статус, чем другие граждане третьих стран. Следовательно, к нему должны относиться иначе, поскольку, доказав присутствие семейной связи с гражданином Союза, он может пользоваться общинными правами, вытекающими из этой связи.

Кроме того, судом было сделано заявление о том, что государство-член не имеет права возвращать за границу гражданина третьей страны, состоящего в браке с гражданином государства-члена. Также суд заявил, что у негражданина есть право на въезд до тех пор, пока он не создает угрозы для государственной политики, безопасности или здоровья граждан и не нарушает условий, изложенных в качестве оснований для отказа во въезде для граждан Союза. Однако через год суд вернул некоторые ограничения на въезд, и вопрос о передвижении супруга из третьей страны снова стал дискуссионным.

Большое значение для государств-членов имело решение Европейского суда, а именно сам факт того, что государства должны уважать основополагающее право на семейную жизнь [4]. Таким образом, данное основополагающее право даже без законного проживания в одном государстве может являться причиной для того, чтобы преодолеть возражения государства-члена против движения негражданина².

Европейский суд признал, что отсутствие возможности переехать с супругой является препятствием для свободного передвижения. Следова-

тельно, можно говорить о том, что Европейский суд в целом придерживается широкого подхода к положениям о свободном передвижении, поскольку они укрепляют гражданство и его потенциальные преимущества.

Большое значение имеют национальные меры, которые влекут за собой лишение граждан Союза возможности по-настоящему пользоваться правами, предоставленными им в силу их статуса. Кроме того, признание основополагающего характера гражданства означает, что дети также не могут игнорироваться.

Суды продемонстрировали готовность продлить срок проживания неграждан, состоящих в браке с гражданами, а также членов их семей, демонстрируя уважение потребностей и прав семьи. Это было необходимо для устранения дискриминации по признаку гражданства. Большей осторожности требовала такая важная область, как внутренняя ситуация. Национальное право предусматривает, что те, кто никогда не реализовывал национальных конституционных прав государств — членов ЕС (т.е. не был вовлечен в торговлю и не осуществлял свободного передвижения/проживания в государстве, отличном от своего), не могут активировать положения общинного права для оказания им помощи в споре со своим собственным государством. Теоретически в наднациональном образовании, существующем по принципу «дискриминация по признаку гражданства запрещена» такая ситуация просто невозможна. Вопрос о «внутреннем правиле» также рассматривал Европейский суд.

По данному вопросу суд традиционно постановил, что положения Договора о свободе перемещения работников не могут применяться к ситуациям, полностью внутренним для государства-члена. Иными словами, не могут применяться тогда, когда нет никаких факторов, связывающих их с какой-либо из ситуаций, предусмотренных законом сообщества.

Это не позволило решить проблему неравного обращения. Тем более стоит отметить, что дискриминация, связанная с внутренней нормой, в основном базируется на гражданстве.

Необходимо рассмотреть отношение к такой «обратной дискриминации» первичного законодательства. Так, ст. 20 представляет собой описание союзного гражданства, а в TFEU ни в коем случае не говорится о том, что возникновение союзного гражданства зависит от реализации предоставляемого союзного права. Действительно, речь идет

² ст. 8 Европейской конвенции по правам человека.

о том, что каждое лицо, имеющее гражданство государства-члена, является гражданином Союза. Гражданство Союза должно быть дополнительным и не может заменить национальное гражданство. Следовательно, гражданство распространяется на всех являющихся гражданами государства-члена. Нет никаких оснований полагать, что граждане, которые не реализуют право на свободу передвижения, должны быть лишены льгот, которые дает гражданство³. Несмотря на это, «внутреннее правило» все-таки присутствует в ст. 20 TFEU. В первоначальной формулировке ст. 17 «Договора к Энергетической хартии»⁴ указывалось, что гражданство «дополняет и не заменяет» национальное гражданство, но суть осталась прежней, а это значит, что гражданство должно охватывать всех лиц, имеющих гражданство государства-члена.

Право не может быть применимо исключительно к внутренним ситуациям. Несмотря на то что гражданство не предназначалось для применения в ситуациях, не имеющих отношения к общественному праву, необходимо понимать, что определяет право и есть ли у него связь с обществом. Так как гражданство Национального союза приобретает просто по рождению

и является дополнительным к национальному гражданству, является ли наличие гражданства государства-члена основанием для того, чтобы привести человека в Союз? По мнению Элеанор Шарпстон, адвоката в суде Европейского союза, статус союзного гражданина является достаточным основанием для того, чтобы ситуация подпадала под действие договора независимо от осуществления прав на свободное передвижение. Это подтверждают и положения договора. Возникает вопрос о виновности Европейского суда в фактическом ограничении свободы выбора на реализацию собственных прав гражданами.

В ст. 18 TFEU приводится широкое толкование права на свободное передвижение: право на свободное передвижение — это право перемещаться и находиться свободно на территории государств-членов. Анализ данной статьи позволяет добавить следующее содержание: «Право свободно передвигаться и проживать на территории государств-членов, в том числе в тех случаях, когда выбор означает сохранение постоянного месторасположения».

С учетом того, что «свобода проживания» не может расцениваться как «принуждение двигаться», граждане, осуществляющие свой свободный выбор проживать в собственном государстве, не должны быть наказаны потерей своей общины и права пользоваться льготами, которые дает им брак.

³ PRESS RELEASE No 41/2001 20 September 2001 Judgment of the Court of Justice in Case C-184/99.

⁴ Договор к Энергетической хартии. Подписан в г. Лиссабоне 17.12.1994 г. Из информационного банка «Международное право».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Обращение в Европейский Суд по правам человека. Лич Ф., ред. М.: МОО ПЦ «Мемориал»; 2006. 528 с.
2. Чертов А. А. «Европейский Суд по правам человека и развитие международного права прав человека». Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.10, Моск. гос. юрид. акад. М.; 2007. 25 с.
3. Нешатаева Т. Н. Решения Европейского суда по правам человека: новеллы и влияние на законодательство и правоприменительную практику. Монография. М.: Норма, ИНФРА-М; 2013. 304 с.
4. Туманова Л. В., Владимирова И. А. Защита семейных прав в Европейском суде по правам человека. М.: Городец; 2007. 208 с.

REFERENCES

1. Appeal to the European Court of Human Rights. Leach F., ed. Moscow: "Memorial"; 2006. 528 p. (In Russ.).
2. Chertov A. A. European Court of Human Rights and the development of international human rights law. Abstract of dissertation... candidate of juridical sciences. Moscow State Law Academy. Moscow; 2007. 25 p. (In Russ.).
3. Neshataeva T. N. Decisions of the European Court of Human Rights: Novelties and impact on legislation and law enforcement practice. Monograph. Moscow: Norma, INFRA-M; 2013. 304 p. (In Russ.).
4. Tumanova L. V., Vladimirova I. A. Protection of family rights in the European Court of Human Rights. Moscow: Gorodets; 2007. 208 p. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-3-77-81

УДК 323.39,330.117(045)

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИЙСКИХ И КИТАЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ: QUO VADIS?*

Петросьянц Даниэл Викторович,

канд. экон. наук, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

dan-basa@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется исторический опыт взаимодействия российских и китайских университетов, дается оценка мотивациям и перспективам студенческой и академической мобильности между странами. Повышение рождаемости в Китае создает необходимость в высокопрофессиональном образовании для нового поколения молодых людей, необходимость искать возможность к обучению за рубежом, в том числе в России, где стоимость образования невысокая, при этом оно достаточно качественное, что способствует межстрановым связям давних партнеров – России и Китая. Исследование показывает, что современные тенденции усложнения технологических и общественных отношений, противостояние в глобальной конкуренции с США и рядом развитых стран способствуют образовательной кооперации и научной коллаборации научно-образовательного сообщества двух стран. При правильном, юридически выверенном, научно-исследовательском и образовательном сотрудничестве между Россией и Китаем не надо опасаться утечки российских высококвалифицированных кадров и технологий в Поднебесную – в научном сотрудничестве двух стран следует видеть возможности для их инновационного развития.

Ключевые слова: российско-китайское сотрудничество; международное сотрудничество; студенческая мобильность; академическая мобильность; рейтингование университетов; цифровая экономика

COOPERATION OF RUSSIAN AND CHINESE UNIVERSITIES: QUO VADIS?***

Petrotsyants D.V.,

PhD of Economics, Associate Professor, Department of Political Science and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

dan-basa@yandex.ru

Abstract. The article analyses the historical experience of interaction between Russian and Chinese universities assesses the motivations and prospects of student and academic mobility between countries. The increase in the birth rate in China creates the need for highly professional education for the new generation of young people, the need to look for an opportunity to study abroad, including Russia, where the cost of education is low, while it is of sufficient quality. It contributes to the development of mutual relations between long-time partners – Russia and China. The study shows that the current trends in the complexity of technological and social relations, the confrontation in global competition with the United States and several developed countries contribute to educational cooperation and a scientific partnership of the scientific and educational community of the two countries. With the right, legally grounded, research and educational cooperation between Russia and China, there is no need to be afraid of the brain drain of Russian highly qualified personnel and technologies to the Celestial Empire – the scientific cooperation between the two countries should be seen as an opportunity for their innovative development.

Keywords: Russian-Chinese cooperation; international cooperation; student mobility; academic mobility; university ranking; digital economy

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19–010–00104 «Системное регулирование развития экосистем инноваций в российских ведущих центральных и региональных университетах».

** The article was prepared with the financial support of RFBR, project No. 19–010–00104 “Systemic regulation of innovation ecosystem development in the Russian leading federal and regional universities”.

СУТЬ ПРОБЛЕМЫ

Современные университеты выходят далеко за рамки структур, только ретранслирующих и передающих знания грядущим поколениям. В XXI в. университет — это центр развития региона, формирования человеческого капитала; апологет инновационного развития, площадка синхронизации и согласования интересов ученых, бизнеса, государства.

Китайская культура, экономика, наука и другие сферы социального (общественного) бытия переживают серьезный скачок инновационного развития, когда за сорок лет удалось существенно переломить ситуацию, вывести страну на лидирующие позиции в мире по целому ряду параметров, а темпы развития за последние десятилетия — самые динамичные в мире. О том, что способствовало такому прорыву, уже не раз было упомянуто в различных научных статьях с совершенно разных точек зрения. В данной же публикации хотелось бы подытожить, какие элементы китайского прорыва в сфере развития науки и высшего образования стоит перенять России, какие точки соприкосновения имеются у российской и китайской высшей школы и науки.

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

Прежде чем провести анализ фактических данных, обратимся к истории взаимодействия и сотрудничества российских/советских ученых и преподавателей — с китайскими, к истории обучения российских студентов в Китае и китайских молодых людей — в России/СССР.

В России XIX в. и вплоть до 30-х гг. XX в. проживала большая китайская диаспора, расселившаяся в первую очередь по советскому Дальнему Востоку. С первых лет советской власти (в 1921 г.) в СССР был создан «Коммунистический университет трудящихся Востока им. И.В. Сталина» (КУТВ, имя вождя получил в 1923 г.), который просуществовал до 1938 г. Основной задачей КУТВ была подготовка кадров для революционной деятельности в странах «зарубежного Востока». Студенты в первую очередь изучали новейшую историю и историю Коминтерна, ленинизм, проблемы страны и партия-массовую работу, философию, конспирацию и т.п. Четыре года спустя принял своих первых студентов «Университет трудящихся Китая имени первого китайского президента Сунь Ятсена». Китайские студенты обучались в тот период не только в коминтерновских вузах, но и в различных военных советских учебных заведениях [1].

Еще перед Второй мировой войной китайцы — выпускники российских университетов в сфере

гуманитарных наук считались на своей родине излишне радикально и революционно настроенными. Поэтому в послевоенные годы и до развала СССР в Китае не жаловали своих соотечественников, получивших гуманитарное советское образование, а вот в отношении естественно-научной и инженерной советской высшей школы выбор китайцев был однозначен — отучившись в СССР, можно было быть спокойным за свою карьеру в Китае. Было, конечно, и «десятилетие смуты», когда выпускникам советских вузов пришлось пережить обвинения в шпионаже и предательстве, отстранение от работы. На сегодняшний день среди иностранных студентов дальнего зарубежья китайцев больше всех, а это свыше 22 тыс., или около четверти всего притока студентов из дальнего зарубежья [2, с. 148].

В последние годы в обиход экономистов, политологов, социологов и т.п., а также системных стратегов-аналитиков мирового и странового развития активно входили термины, за которыми, как они утверждают, будущее. Не за терминами, конечно, а за тем, что они олицетворяют и футуристически предопределяют. Выделим наиболее часто встречающиеся:

1. Криптовалюта, биткоин.
2. Искусственный интеллект (Artificial Intelligence).
3. Цифровая экономика.
4. Блокчейн (blockchain).

За последнее время немало статей и блогов посвящено этим понятиям, есть как их сторонники, так и скептики. Правительство РФ также включилось в «гонку» применения новых технологий и инструментов развития. Академик Глазьев продолжает уповать на новые технологические уклады. Как относиться к новинкам в сфере науки и образования, как их внедрять в процесс обучения студентов и аспирантов? Не является ли все это всего лишь модными словами и течениями? Стоим ли мы на пороге новой жизни? И где здесь место России? Постоянные разговоры про «дно» и «обочину» российской экономики и науки набили оскомину. Но так ли все плохо?

Часть ответов на эти вопросы дает современная действительность, а применение в Китае новинок современного цифрового мира задает ориентиры многим странам мира, которые пока только наблюдают за прогрессом китайцев.

Национальные исследовательские центры (НИЦ) — это один из элементов китайского культа науки. «О многом говорит один-единственный

Таблица 1 / Table 1

Попадание российских и китайских вузов в ТОП Шанхайского рейтинга университетов (ARWU-2018) / Russian and Chinese universities in the TOP Shanghai University ranking (ARWU-2018)

Страна	Top20	Top100	Top200	Top300	Top400	Top500	501–1000
Россия / Russia	–	1	1	1	2	4	8
Китай / China	–	3	15	30	43	62	84
China-Mainland	–	3	12	23	35	51	72
China-Hong Kong	–	–	2	5	5	5	1
China-Taiwan	–	–	1	2	3	6	9
China-Macau	–	–	–	–	–	–	2

Источник: составлено автором по: http://www.shanghairanking.com/ARWU_2018.html.

Таблица 2 / Table 2

Университеты Китая и России, вошедшие в ТОП-200 рейтинга THE-2019 / Universities of China and Russia included in the TOP 200 of THE-2019 ranking

Ранг 2019	Ранг 2018	Университет	Страна
22	30	Tsinghua University	China
31	27	Peking University	China
93	132	University of Science and Technology of China	China
101	177	Zhejiang University	China
105	116	Fudan University	China
135	169	Nanjing University	China
190	188	Shanghai Jiao Tong University	China
199	194	Lomonosov Moscow State University	Russian Federation

Источник: составлено автором по: <http://www.timeshighereducation.co.uk/world-university-rankings/2018-19/world-ranking>.

факт: в 2024 г. ученых и исследователей в Китае будет больше, чем в Европе, США и Японии вместе взятых. С 2000 по 2007 г. количество инженерно-технических работников в Китае удвоилось. Если США делают ставку на экономистов и социологов, то Китай — на инженеров и ученых естественно-научного знания. В 2013 г. китайцы вышли на первое место по количеству научно-технических работников в мире» [3].

Авторитет китайского высшего образования иллюстрируется попаданием в авторитетные международные университетские рейтинги (табл. 1–3). Помимо очевидных и неоспоримых успехов китайской системы высшего образования, немаловажную роль играет и информационно-коммуникационная

работа администраций университетов [4, с. 125–127]. В рейтинге ARWU (см. табл. 1) Tsinghua University — на 45-м месте, Peking University — на 57-м. Сильнейший российский вуз, МГУ им. Ломоносова, — на 86-м месте.

В рейтинге университетов THE-2019 ведущий российский вуз идет после семи китайских, занимая 199 позицию, два ведущих китайских вуза: Tsinghua University и Peking University на 22 и 33 позициях соответственно.

Рейтинг QS по странам БРИКС в 2018 г. возглавили университеты Китая: Цинхуа, Пекинский и Фуданский университеты. Всего в лидирующей десятке, как и год назад, семь китайских, два индийских и один российский университет — МГУ имени

Топ-10 рейтинга университетов стран БРИКС по версии QS / Top-10 ranking of BRICs countries' universities according to QS

Ранг	Университет	Страна
1	Университет Цинхуа	Китай
2	Пекинский Университет	Китай
3	Фуданский Университет	Китай
4	Университет науки и технологии Китая	Китай
5	Университет Чжэцзяна	Китай
6	МГУ имени М.В. Ломоносова	Россия
7	Шанхайский Университет Цзяо Тонг	Китай
8	Индийский институт технологий в г. Мумбай	Индия
9	Нанкинский университет	Китай
10	Индийский институт науки	Индия

Источник: составлено автором по: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/brics-rankings/2019>.

М.В. Ломоносова, занявший на этот раз шестую позицию.

В первую очередь интерес студентов-россиян обучаться в Китае и, наоборот, китайцев в России обусловлен желанием освоить иностранный язык соседнего государства. Для россиян знание китайского языка значительно расширяет карьерные возможности. Компании со всего мира все чаще ищут сотрудников, знающих китайский язык и имеющих опыт учебы и проживания в Китае. В России также растет спрос на сотрудников, знающих китайский язык. Требуются также экономисты и бухгалтеры, знающие и китайский, и российский бухгалтерский учет, специфику хозяйственной деятельности стран [5, 6].

Интересны и мотивации жителей Китая учиться в России. Так, в статье двух китайцев, обучающихся в аспирантуре Дальневосточного федерального университета по специальностям «языкознание и литературоведение» и «культурология», констатируется, что их решение учиться в России связано с введением новой специальности «русский язык» в Хэнаньском университете экономики и права, где они и работают. История преподавания русского языка как второго иностранного в Институте иностранных языков в Хэнаньском университете началась в 2000 г., когда русский язык как факультативный предмет начал приобретать большую популярность среди студентов. В 2017 г. там открылась новая специальность «русский язык» уровня бакалавриата, а в сентябре 2018 г. были зачислены первые студенты по данному направлению подготовки» [7, с. 280]. Соответственно, спрос породил предложение: растет объем бизнес, академических,

культурных и иных взаимодействий российских и китайских компаний и граждан. Языковой же барьер и культурно-ментальные различия в первую очередь преодолеваются на уровне реального общения.

В октябре 2018 г. в рамках заседания Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству заместитель министра науки и высшего образования Российской Федерации М. Боровская и заместитель министра образования КНР Тянь Сюецзюнь подписали протокол XVIII заседания Российско-Китайской подкомиссии по сотрудничеству в области образования. Стороны договорились об увеличении обмена учащимися до 100 тыс. человек к 2020 г., о расширении межвузовского сотрудничества, в том числе и об оказании необходимой поддержки для развития совместного российско-китайского университета в Шэньчжэне, о продолжении развития российско-китайских ассоциаций профильных вузов и расширении деятельности по распространению русского языка в Китае и китайского языка в России, а также об укреплении сотрудничества в области образования (<https://academia.interfax.ru/ru/news/articles/1909/>).

Ученые РАН в июне 2018 г. также подписали договор о приоритетах в совместных научных исследованиях между Россией и Китаем, к ним относятся:

- вопросы развития транспортных систем и коридоров;
- освоение глубоководных ресурсов;
- совместное строительство и эксплуатация крупных исследовательских объектов (MegaScience) (<https://scientificrussia.ru/articles/brifing-prezidenta-ran-s-zhurnalistami>).

ВЫВОДЫ

Исторический опыт демонстрирует давно отлаженную академическую и студенческую мобильность между россиянами и китайцами. Растет сотрудничество в научной сфере, и крепнут коллаборационные связи между российскими и китайскими учеными. На вопрос «Нужны ли эти связи российским и китайским ученым?», ответ однозначный: да. Есть научные области, требующие кооптации наработок российских и китайских ученых.

Китайское руководство придерживается такого подхода, что «население с низким качеством и квалификацией станет еще одним барьером для общественного развития». Поэтому заинтересован-

ность в приобретении китайскими абитуриентами российского высшего образования на ближайшую перспективу будет способствовать межстрановым договоренностям по совместному развитию научных и образовательных программ.

Судя по международным рейтингам университетов, российские вузы уступают китайским, однако по ряду естественно-научных и инженерных дисциплин для китайских студентов и аспирантов — вполне заманчивые перспективы получить конкурентоспособное образование в России с неплохим соотношением цены и качества, позволяющее трудоустроиться у себя в стране.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Усова А. Где учились китайские революционеры в советской Москве. URL: <https://magazeta.com/2016/12/chinese-moscow-3/>.
2. Бондаренко Н.В., Гохберг Л.М., Забатурина И.Ю. и др. Индикаторы образования: 2017: статистический сборник. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ; 2017. 320 с.
3. Перетолчин Д. Взлет поднебесной. URL: <http://zavtra.ru/blogs/vojna-podnebesnoj>.
4. Петросянц Д., Чаплыгин А., Светцова А. Развитие информационно-коммуникационной среды современного российского вуза. *Проблемы теории и практики управления*. 2015;(4):123–133.
5. Керн К.Е., Андреева Т.Л. Причины сотрудничества российских и китайских вузов. Молодежный научный форум: Общественные и экономические науки: электр. сб. ст. по мат. XXXVII междунар. студ. науч.-практ. конф. URL: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_social/8\(37\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_social/8(37).pdf) (дата обращения: 31.01.2019).
6. Медяник Е. Взаимодействие России и Китая в области подготовки бакалавров и магистров. *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение*. 2018;1(11):68–85.
7. Лю С., Чжао С. Преемственность многоуровневого образования в подготовке научных кадров в вузах Китая и России (опыт обучения). В сборнике: Взаимодействие субъектов образования в информационном обществе: опыт стран Европы и АТР. Материалы международной научно-практической конференции. Туктагулова М.Н., Паршина М.В., ред. 2018:276–280.

REFERENCES

1. Usova A. Where did the Chinese revolutionaries study in Soviet Moscow. URL: <https://magazeta.com/2016/12/chinese-moscow-3/>. (In Russ.).
2. Bondarenko N.V., Gokhberg L.M., Zabaturin I. Yu. et al. Education indicators: 2017: Statistical compilation. “Higher School of Economics”. Moscow: HSE; 2017. 320 p. (In Russ.).
3. Peretolchin D. Rise of the Celestial Empire. URL: <http://zavtra.ru/blogs/vojna-podnebesnoj> (In Russ.).
4. Petrosyants D., Chaplygin A., Svetsova A. Development of the information and communication environment of a modern Russian university. *Problemy teorii i praktiki upravleniya*. 2015;(4):123–133. (In Russ.).
5. Kern K.E., Andreeva T.L. The reasons for the cooperation of Russian and Chinese universities. Youth Scientific Forum: Social and Economic Sciences. URL: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_social/8\(37\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_social/8(37).pdf). (accessed on 31.01.2019). (In Russ.).
6. Medyanik E. Interaction between Russia and China in the field of bachelor and master education. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie*. 2018;1(11):68–85. (In Russ.).
7. Liu S., Zhao S. Continuity of multi-level education in the training of scientific personnel in universities of China and Russia (learning experience). In: Interaction of subjects of education in the information society: Experience of European countries and the APR. Materials of the international scientific-practical conference. Tuktagulova M. N., Parshin M. V., eds. 2018:276–280. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-3-82-88

УДК 338.22(045)

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РОССИИ

Измайлова Марина Алексеевна,

д-р экон. наук, доцент, профессор Департамента корпоративных финансов и корпоративного управления, Финансовый университет, Москва, Россия

m.a.izmailova@mail.ru

Аннотация. *Статья посвящена осмыслению основных этапов и предпосылок эволюционного развития социально ответственного поведения субъектов. В хронологическом порядке представлены этапы и факторы развития социально ответственного поведения субъектов. Подчеркивается, что богатейший опыт и традиции благотворительности, меценатства, филантропии в российском государстве были разрушены силой революции 1917 г. Ретроспективный анализ эволюции социальной ответственности позволил выявить устойчивую тенденцию на придание институционального характера помощи нуждающимся. На современном этапе эффективным инструментом решения широкого спектра экономических, социальных и экологических проблем выступает концепция корпоративной социальной ответственности. Подчеркивается, что становление социально ориентированного общества возможно при условии вовлечения всех его институтов в консолидированное решение всего комплекса накопившихся проблем. Одним из инструментов решения экономических, социальных и экологических проблем признается концепция корпоративной социальной ответственности. В российской экономике становятся нормой установление взаимовыгодных отношений бизнеса и представителей органов власти, преумножение лучших практик социально ответственного поведения российских компаний на основе изучения и адаптации эталонных зарубежных практик, составление социальной отчетности по международным стандартам, положительная динамика в публикации нефинансовых отчетов. В статье делается вывод, что современный период развития социальной ответственности в России характеризуется первичной институционализацией корпоративной социальной ответственностью с вовлечением крупного бизнеса, некоммерческих организаций и иных заинтересованных сторон в устойчивое развитие общества.*

Ключевые слова: *корпоративная социальная ответственность; благотворительность; государство; общество; социально ответственное поведение.*

THE EVOLUTION OF INSTITUTIONAL ENVIRONMENT OF CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY IN RUSSIA

Izmailova M.A.,

Doctor of Economics, Associate professor, Professor of the Department of Corporate Finance and Corporate Governance, Financial University, Moscow, Russia

m.a.izmailova@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to the understanding of the main stages and prerequisites of the evolutionary development of socially responsible behaviour of subjects. The stages and factors of the development of socially responsible behaviour of subjects are presented in chronological order. The author emphasised that the rich experience and traditions of charity, philanthropy, philanthropy in the Russian state were destroyed by the revolution of 1917. A retrospective analysis of the evolution of social responsibility revealed a steady trend towards institutionalisation of assistance to those in need. At the present stage, the concept of corporate social*

responsibility is an effective tool for solving a wide range of economic, social and environmental problems. The author stressed that the formation of a socially oriented society is possible provided the involvement of all its institutions in the form of a consolidated solution of the whole complex of accumulated problems. The concept of corporate social responsibility is recognised as one of the tools for solving economic, social and environmental problems. The establishment of mutually beneficial relations between business and government representatives, the multiplication of the best practices of socially responsible behavior of Russian companies based on the study and adaptation of foreign standard practices, the preparation of social reporting according to international standards, the positive dynamics in the publication of non-financial reports – it all become the norm in the Russian economy. The author concluded that the current period of development of social responsibility in Russia is characterized by the primary institutionalization of corporate social responsibility with the involvement of large businesses, non-profit organizations and other stakeholders in the sustainable development of society.

Keywords: *corporate social responsibility; charity; state; society; socially responsible behaviour*

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы вопросы социально ответственного поведения современных компаний все чаще вносятся в повестку национальных и международных экономических форумов. Общество ожидает включения бизнеса в решение значимых социально-экономических и экологических проблем, что поможет обеспечить устойчивое развитие на уровне компаний и социума в целом. В сложных кризисных ситуациях в экономике все институциональные участники экономических отношений вносят свой посильный вклад в благополучие страны, в создание прочного «интеллектуального» базиса экономики, важнейшим элементом которого является осознание, потребность и готовность всех экономических субъектов включиться в решение широкого спектра социальных и экологических проблем на принципах корпоративной социальной ответственности (далее — КСО).

Концепция КСО базируется на соблюдении компаниями общепринятых морально-этических норм ведения бизнеса, развитии ими конструктивного взаимовыгодного диалога с заинтересованными сторонами, внесении добровольного и целенаправленного вклада в развитие социального прогресса, стремлении действовать в русле идей «корпоративного гражданства» [1]. Данная концепция все шире находит свое отражение в российской практике, возрождая утраченные после социалистической революции 1917 г. традиции благотворительности, меценатства, филантропии. Ретроспективный анализ предпосылок становления КСО в России позволил выявить основные этапы и причины эволюционного развития социально ответственного поведения субъектов.

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕДПОСЫЛОК ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО ОТВЕТСТВЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Истоки становления КСО уходят в достаточно отдаленный исторический период — 988 г.н.э. — XV в., связанный с принятием христианства (http://safbd.ru/sites/default/files/SCORM/1202/res/data/attachments/modul_5.pdf). Главной характеристикой этого периода является развитие благотворительности, базирующейся на основной христианской заповеди — любви к ближнему. Впервые на Руси стал зарождаться опыт призрения бедных — раздача милостыни «сырым и убогим». В течение длительного времени — вплоть до конца XVII в. — в российском государстве благотворительность была связана с церковью.

В период XV — начала XVI в. в стране начали развиваться российские нормы экономического поведения. Инициацией институционального подхода к оказанию помощи нуждающимся явился состоявшийся в Москве в 1551 г. Стоглавый церковно-земский собор, итогом работы которого стало публичное принятие идеи государственного призрения старых и больных — содержания их в монастырских больницах. Также, отмечая чрезмерный рост нищенства и тунеядства, Собор принял решение об организованном призрении — помощь нуждающимся должна была формироваться из средств, поступающих от частных лиц, а духовенству следовало контролировать их расходование.

На протяжении XVI–XVII вв. делались попытки соединения частной и государственной благотворительности. С конца XVII — середины

XVIII в. в России развивалась система общественного призрения, начало которой было положено серией указов, изданных Петром I. Глубокие и значимые преобразования в сфере благотворительности за период правления Петра I внесли существенный вклад в борьбу с нищенством, но полностью решить эту проблему не смогли. Во второй половине XVIII в. в России стали учреждаться первые органы социальной защиты, одни из которых — приказы общественного призрения — губернские учреждения, осуществляющие управление народными школами, приютами для больных, больницами, госпиталями, богадельнями, тюрьмами.

В период XVIII — середины XIX в. развивались филантропические организации: Ведомство учреждений Императрицы Марии, курирующее учебные и благотворительные заведения и Императорское Человеколюбивое общество. Важным событием следует назвать учреждение в 1802 г. Министерства народного просвещения, главная задача которого заключалась в координации благотворительности в образовательной сфере. С середины XIX в. стало стремительно развиваться меценатство и благотворительность, чему способствовали радикальные общественные реформы 60-х гг. Этот период ознаменован принятием законов в сфере благотворительности, а также Устава об Общественном призрении (1857 г.).

На начало XX в. и вплоть до 1917 г. приходится пик развития благотворительности в царской России. Так, по состоянию на 1900 г. на каждые 100 тыс. жителей Европейской части Российской империи приходилось по 6 благотворительных заведений, 82% благотворительных организаций были созданы и находились под патронатом частных лиц. Общее число благотворительных учреждений в 1902 г. составляло 11 040 (для сравнения: в 1897 г. — 3,5 тыс.), функционировали 19 108 приходских попечительских советов. Согласно данным, оглашенным в марте 1910 г. на Всероссийском съезде деятелей по призрению, доля частных добровольных денежных пожертвований, направляемых на благотворительные цели, составила 75%, а доля государства — лишь 25%. Кроме того, ежегодно в виде милостыни раздавалось около 27 млн руб. За весь период деятельности Императорского Человеколюбивого общества соотношение пожертвований частных лиц к средствам государства составило 11:1.

СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО ОТВЕТСТВЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ

1917 г. стал переломным в развитии института благотворительности — любого рода благотворительная деятельность признавалась и была публично объявлена идеологически вредной. В 1918 г. были национализированы все банковские счета, движимое и недвижимое имущество Императорского Человеколюбивого общества, — тем самым оно прекратило свое существование. Принятая советской властью марксистская этика с элементами кооперации в период НЭПа, просуществовавшая вплоть до 1941 г., не признавала саму возможность какой-либо неудовлетворенной нужды гражданина СССР — на благотворительность был наложен запрет.

Трудные годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) вошли в историю как период добровольных пожертвований на обеспечение обороноспособности государства. В созданные в 1941 г. по народной инициативе Фонд Оборона и Фонд Красной Армии поступило более 17 млрд руб., драгоценные изделия на сумму 1,7 млрд руб. и облигации государственных займов на сумму более 4,5 млрд руб.

В период 1945–1985 гг. социальная политика, базирующаяся на марксистской этике, подлежала жесткому регулированию со стороны государственных органов. Советские предприятия проявляли высокую социальную ответственность в отношении своих сотрудников — это объяснялось важностью реализации кадровой и социальной политики. Сложилась достаточно эффективная система профсоюзной помощи, предприятия имели обширную социальную инфраструктуру. Широкое распространение в этот период получили: проведение субботников и воскресников, сбор макулатуры и металлолома, поддержка пенсионеров, а также помощь государствам социалистического лагеря. Кроме мероприятий по благоустройству и очистке территорий, на предприятиях существовала различного рода неоплачиваемая работа, деньги за которую перечислялись на содержание детских домов. У каждого промышленного предприятия имелись подшефные организации: школы и дошкольные учреждения, детские дома и больницы, дома культуры и т.д., которые получали от него финансовую поддержку, или туда для оказания помощи направлялись сами работники.

Вплоть до 1991 г. сохранялись тенденции возрождения благотворительности — создавались

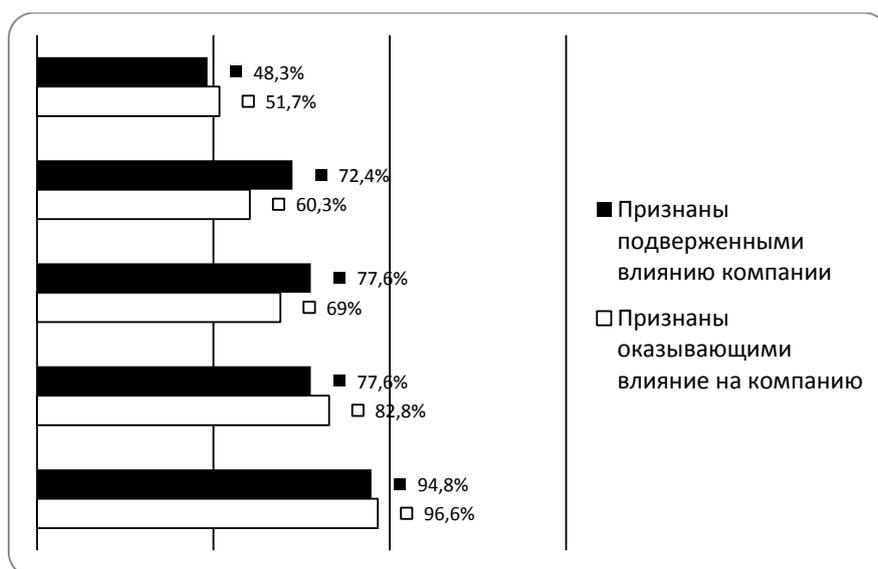


Рис. 1. Идентификация компаниями ключевых стейкхолдеров

Источник: http://safbd.ru/sites/default/files/SCORM/1202/res/data/attachments/modul_5.pdf.

благотворительные фонды: Фонд мира, Литературный Фонд, Фонд культуры СССР, Художественный фонд, Детский Фонд имени Ленина и др. Была достаточно распространена практика перевода лауреатами части своих государственных и международных премий на нужды государства или поддержку конкретной организации [2].

Со сменой социального строя в России и с началом становления рыночной экономики (1991 – середина 1990-х гг.) в стране – в результате приватизации государственной собственности – происходил процесс возрождения акционерных обществ. Принятый Закон от 31.07.1991 № 1531–1 «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР» открывает новый этап эволюции КСО – этап восстановления прав акционерных обществ. Одновременно с этим предприятия начали массово избавляться от социальных объектов, передавая их на баланс муниципальных органов, которые, в свою очередь, не обладали необходимыми ресурсами для их содержания [3].

Период середины 1990-х – 2002 г. характеризуется развитием и постепенным увеличением объема социальных инвестиций в отношении работающих сотрудников и людей, ушедших на заслуженный отдых. Руководители предприятий стали четко осознавать необходимость стабилизации и оптимизации социальной инфраструктуры, освоения принципов КСО и реализации бизнес-деятельности на их основе (рис. 1), публикаций нефинансовых отчетов (на тот момент пока в свободной форме). Федеральная комиссия по рынку ценных бумаг издает распоряжение от 04.04.2002

№ 421/р «О рекомендации к применению Кодекса корпоративного поведения».

Курс на социальную стабильность (2003–2009 гг.) способствовал установлению взаимовыгодных отношений бизнеса с представителями органов власти, появлению лучших практик в составлении социальной отчетности по международным стандартам крупнейшими российскими компаниями, устойчивой положительной динамикой в публикации нефинансовых отчетов (рис. 2).

Но начавшийся в 2008 г. мировой финансовой кризис, охвативший и российскую экономику, привел к сокращению практики КСО (2010–2013 гг.): снижались число и объем финансирования социальных программ (особенно по отношению к внешним стейкхолдерам), сокращалось количество нефинансовых отчетов, – по сравнению с предыдущим годом, в 2010 г. их число уменьшилось в 3 раза (рис. 3).

Современный период, берущий начало с 2008 г., характеризуется устойчивой тенденцией на внедрение международной практики корпоративного управления в деятельность российских компаний. Одобренный Банком России 10 апреля 2014 г. Кодекс корпоративного управления содержит, в том числе: нормы социально ответственного поведения компании; рекомендации по раскрытию политики общества в социальной и экологической сферах и информации о результатах соответствующей деятельности; рекомендации о подготовке отчета общества об устойчивом развитии в соответствии с международными стандартами [5]. Данный факт указывает на высокую значимость

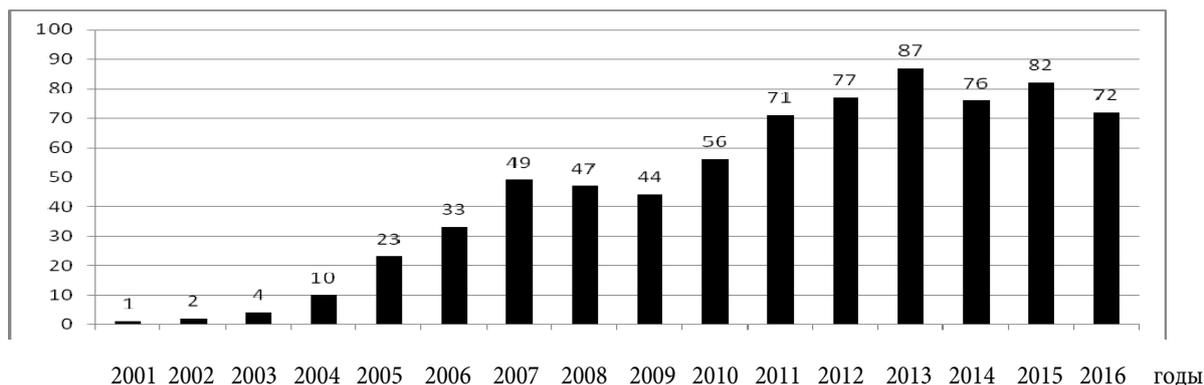


Рис. 2. Количество компаний, публикующих нефинансовые отчеты

Источник: [4].

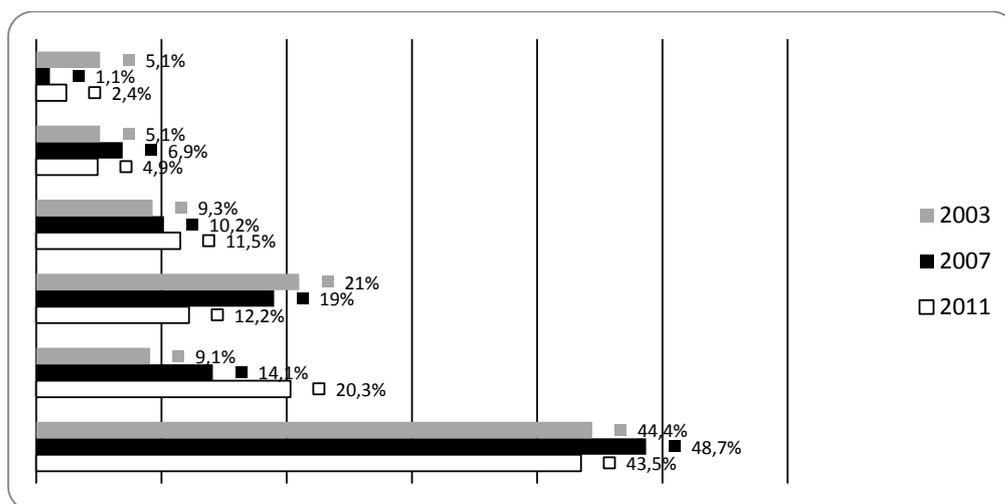


Рис. 3. Основные направления социального инвестирования в 2003–2011 гг.

Источник: <http://csrjournal.com/wp-content/uploads/2015/02/«Национальный-доклад-осоциальных-инвестициях-в-России-2014.pdf>.

социально ответственного поведения российских компаний, проявляемую со стороны Банка России, — особого публично-правового института России, выступающего в качестве посредника между государством и экономикой.

СЦЕНАРНОЕ РАЗВИТИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ КСО В РОССИИ

В настоящее время рассматриваются два возможных сценария развития КСО в России — «инерционный» и «модернизационный» [6]. Оба варианта основываются на накопленном опыте российского бизнеса в сфере КСО, а в качестве ключевого фактора выступает характер участия органов власти в развитии социально ответственного поведения компаний. Неблагоприятный сценарий — «инерционный» — предусматривает сохранение влияния государства на КСО и продолжение практики самостоятельного решения социальных проблем каждым институциональным участником. В случае реализации данного сценария вероятность

прогрессивного развития институциональных норм КСО остается крайне низкой. Крайне низким останется и уровень охвата компаний социально ответственной практикой, ожидается сохранение фрагментарного и аврального характера реализуемой внешней социальной политики, информационная закрытость и невысокая степень охвата корпоративной нефинансовой отчетностью.

В противоположность «инерционному», «модернизационный» сценарий предполагает интенсивное развитие КСО под воздействием внешних вызовов, стимулирующих поиск новых источников решения социально-экономических и экологических проблем. В реализации «модернизационного» сценария ведущая роль отводится институтам власти, а также большие надежды возлагаются на некоммерческие организации, набирающие силу влияния на КСО. Широкое вовлечение бизнес-сообщества в практику социально ответственного поведения должно быть основано на осознании роли КСО как детерминанты развития российского

общества, социальной стабильности, экологического благополучия, формирования позитивного отношения стейкхолдеров к отечественному бизнесу, устойчивого экономического роста на уровне отдельных компаний и всей страны, что неизбежным образом повлияет на формирование положительного имиджа страны в глобальном масштабе. Причем все виды взаимодействий в триаде «государство-бизнес-общество» должны быть прозрачными — открытыми для всех заинтересованных сторон.

Возвращаясь к тезису о ведущей роли государства в развитии КСО, следует ожидать возражение, основанное на кажущемся противоречии: с одной стороны, КСО является добровольным вкладом бизнеса в решение целого ряда проблем в экономической, социальной, экологической сферах, с другой — формирование государственной политики развития КСО, основанное на избыточном вмешательстве государства в сферу самоорганизации бизнеса, может вынуждать бизнес к обязательным социально ориентированным действиям. И это может привести к блокированию развития эффективных форм КСО и усилению зависимости компаний от государства, а не от общества, его запросов и ожиданий.

Вместе с тем, признавая объективность опасения принудительного характера участия бизнеса в КСО, нужно подчеркнуть, что стимулирующая роль институтов власти в развитии КСО в рамках «модернизационного» сценария исключает государственное давление в данной сфере. Идеологической платформой государственной политики содействию КСО следует считать признание государственной властью ведущей роли крупного бизнеса в развитии российского общества. Целеориентация данной политики должна быть направлена не столько на расширение списка компаний, следующих типовым установкам КСО, сколько на повышение ценности этой практики — как для самого бизнеса, так и его стейкхолдеров, а также на создание условий и предоставление возможностей для роста эффективности социальных инвестиций. Следует принять взвешенные и всем понятные принципы и методы реализации цивилизованной политики развития КСО, способные придать импульс развитию и укреплению институциональных основ ответственной деловой практики, учитывающие условия ведения бизнеса, но не затрагивающие напрямую интересы отдельно взятой компании или конкретной отрасли.

В качестве принципов государственной политики развития КСО можно назвать следующие: развитие КСО в идеологии устойчивого развития, учет региональной специфики, сохранение добровольности КСО.

Важность первого принципа — развитие КСО в идеологии устойчивого развития — подтверждается его действенностью в странах европейской зоны [1], а также его реализацией, основанной на консолидированном участии государства, общества, бизнеса в обеспечении полноценного существования настоящего и будущих поколений, эксплицитного участия органов власти в масштабировании социально-ответственного поведения бизнеса. Российские компании, интегрированные в реализацию глобального проекта «Цели устойчивого развития ООН», принятого для всех стран мира на период 2016–2030 гг., демонстрируют движение, гармонизированное с международным курсом на устойчивое развитие, тем самым возлагая на себя добровольные обязательства по самоограничению бизнеса в производственной деятельности и по наращиванию социальных инвестиций.

Принцип учета региональной специфики базируется на особенностях комплекса наиболее острых проблем территории, затрудняющих ее устойчивое развитие, а также на уникальности региональных условий ведения бизнеса. Из этого следует, что нельзя определить единое содержание КСО в рамках всей страны, также нельзя установить общенациональные приоритеты практики КСО. Следовательно, учет региональной специфики является залогом успеха государственного содействия развитию КСО. Поддержка КСО на уровне местных властей, распространение идей ценности КСО среди региональной бизнес-элиты открывает широкие перспективы перехода территории на путь устойчивого долгосрочного развития.

Актуальность третьего принципа — сохранения добровольного характера КСО — обусловлена тем, что в настоящее время в России созданы условия перехода от патерналистского участия институтов власти в сфере КСО к партнерскому взаимодействию с бизнес-сообществом в решении социально-экономических и экологических проблем, что, несомненно, повышает ценность социально ответственного поведения бизнеса для всех стейкхолдеров.

Реализация названных принципов существенно ускорит процессы институционализа-

ции КСО по ряду направлений, среди которых [7]: 1) активное освоение лучшего зарубежного опыта и международных норм КСО в российской практике, присоединение отечественного бизнеса к глобальным инициативам, направленным на решение актуальных проблем человечества; 2) стимулирование развития и вовлечения некоммерческих организаций и иных организаций гражданского общества в реализацию конкретных вопросов устойчивого развития; 3) повышение действенности существующих публичных рыночных механизмов поддержки ответственной деловой практики, реализуемой на основе стратегического подхода к решению проблем в экономической, социальной и экологической сферах на уровне регионов, территорий и всей страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня с уверенностью можно говорить о состоявшейся в России первичной институционализации КСО. Об этом свидетельствуют набирающая силу активная деятельность некоммерческих организаций, объединений работодателей и профессиональных ассоциаций в области развития методических подходов в организации ответственной деловой практики, учета социальных и экологических ориентиров бизнес-деятельности; расширение нормативно-правовой базы в области решения социально-экономических и экологических проблем; расширение формата взаимодействия заинтересованных сторон по широкому перечню вопросов устойчивого развития и соответствия современным глобальным тенденциям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пономарев С.В. Корпоративная социальная ответственность в Европе: что нужно знать предпринимателю, выходящему на европейские рынки. URL: <http://permtpp.ru/upload/iblock/58c/kso.pdf>.
2. Киварина М.В. Эволюция концепции корпоративной социальной ответственности. *Приволжский научный вестник*. 2013;12–1(28):70–74.
3. Михеева Н.Н. Благотворительность в трансформации российского общества: динамика взаимодействия социальных агентов. Автореферат дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Ур. акад. гос. службы. Тюмень; 2009. 22 с.
4. Феоктистова Е.Н., Аленичева Л.В., Долгих Е.И., Копылова Г.А., Озерянская М.Н., Хонякова Н.В. Аналитический обзор корпоративных нефинансовых отчетов: 2015–2016 годы выпуска. М.: РСПП; 2017. 136 с.
5. Петрова-Савченко А.А. Оценка эффектов корпоративной социальной деятельности. Дисс. ... канд. эконом. наук: 08.00.05. Санкт-Петербургский государственный университет. СПб.; 2017. 242 с.
6. Яровой А.И. Влияние институтов власти на развитие корпоративной социальной ответственности в России и Европейском Союзе. *Бизнес. Власть. Общество*. 2010;(3):92–112.
7. Современные корпоративные стратегии и технологии в России. Монография. Беляева И.Ю., Данилова О.В., ред. М.: Финансовый университет; 2018:211–220.

REFERENCES

1. Ponomarev S.V. Corporate social responsibility in Europe: what an entrepreneur entering the European markets needs to know. Perm; 2014. 37 p. URL: <http://permtpp.ru/upload/iblock/58c/kso.pdf> (In Russ.).
2. Kivarina M.V. Evolution of the concept of corporate social responsibility. *Privolzhskii nauchnyi vestnik*. 2013;12–1(28):70–74. (In Russ.).
3. Mikheeva N.N. Charity in the transformation of Russian society: dynamics of interaction of social agents. Abstract of dissertation... candidate of sociological sciences: 22.00.04. Ural Academy of public service. Tyumen; 2009. 22 p. (In Russ.).
4. Feoktistova E.N., Alenicheva L.V., Dolgikh E.I., Kopylova A.G., Ozeryanskaya M.N., Khomyakova N.V. Analytical review of corporate non-financial reports: 2015–2016. Moscow: RSP; 2017. 136 p. (In Russ.).
5. Petrova-Savchenko A.A. Assessment of effects of corporate social activity. Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet. Sankt-Peterburg; 2017. 242 p. (In Russ.).
6. Yarovoi A.I. The influence of the institutions of power on the development of corporate social responsibility in Russia and the European Union. *Biznes. Vlast'. Obshchestvo*. 2010;(3):92–112. (In Russ.).
7. Modern corporate strategies and technologies in Russia. Monograph. I.Y. Belyaeva, O.V. Danilova, eds. Moscow: Financial University; 2018:211–220. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-3-89-97

УДК 327(045)

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ИХ СИРИЙСКИЙ ШАНС*

Мирзаян Геворг Валерьевич,

канд. полит. наук, доцент Департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
GVMirzayan@fa.ru

Аннотация. У России и Соединенных Штатов объективно существует множество общих интересов (если, конечно, рассматривать понятие «национальный интерес» в отрыве от идеологических наростов и исторических предрассудков). Причем, не только на глобальном (борьба с терроризмом, нераспространение, сокращение стратегических наступательных вооружений), но и на региональном уровне. Так, и Москва, и Вашингтон заинтересованы в создании системы коллективной безопасности в Восточной Азии, которая поможет не только стабилизировать ситуацию на Корейском полуострове, но и каким-то образом сдержать китайскую экспансию в регионе (правда, у России и США разное понимание условий этого сдерживания). Однако куда более интересной и прикладной видится схожесть российско-американских отношений в регионе Ближнего Востока. Несмотря на то что США и Россия сейчас противостоят друг другу на сирийском поле, у них есть серьезное пространство для договоренностей относительно будущего этой страны и роли Ирана в ней. Опять же, пространство возникает исходя из объективных целей и задач игроков, а также наличия ресурсов для их выполнения. Целью США является сдерживание иранской экспансии в регионе, и коль сейчас уже невозможно выдвинуть Иран из Сирии и Южного Ирака, то необходимо как минимум разбавить его там другими игроками. В то же время целью России является закрепление своих позиций на Ближнем Востоке – а это возможно лишь в том случае, если в регионе не будет какой-либо доминирующей силы. Американской или иранской – не важно. Поэтому Кремль заинтересован в конструировании регионального баланса сил и готов даже поработать в качестве посредника между противоборствующими сторонами. Правда, для использования этого посредника Соединенные Штаты должны, наконец-то, осознать его важность и нужность.

Ключевые слова: США; Россия; Сирия; Иран; Турция; ИГ; Ближний Восток; российско-американские отношения; «прохладная война»; национальные интересы

RUSSIA-US RELATIONS AND THEIR SYRIAN CHANCE**

Mirzayan G.V.,

PhD of Political Science,
Associate Professor, Department of Political Science,
Financial University, Moscow, Russia
GVMirzayan@fa.ru

Abstract. There are a lot of common interests between Russia and the United States (if, of course, we analyse within the concept of “national interest” isolated from ideological issues and historical prejudices) – not only in the global issues (war against terrorism, non-proliferation of nuclear weapons, reduction of strategic offensive weapons), but also at the regional level. Both Moscow and Washington are interested in creation

* Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17–37–01001–ОГН «Лоббизм и санкции США и ЕС: сравнительный анализ» 2017–2019 гг.

** The article was supported by the RFBR grant No. 17–37–01001–OGN “Lobbying and US and EU sanctions: a comparative analysis for 2017–2019”.

a collective security system in East Asia, which will not only help to stabilize the situation on the Korean Peninsula, but also somehow hold back Chinese expansion in the region (though Russia and the United States have a different understanding of the concept and ways of this deterrence). However, the resemblance of Russian-American relations in the Middle East region seems to be even more interesting. Even though the US and Russia are opposing each other in the Syrian field, there are common views about the future of this country and the role of Iran. Again, the space for agreement arises from the objective goals and objectives of the players, as well as the availability of resources for their implementation. The US goal is to curb Iranian expansion in the region, and since it is now impossible to squeeze Iran out of Syria and southern Iraq, Washington wants at least to dilute its influence with other players. At the same time, Russia's goal is to consolidate its positions in the Middle East – and it is possible only if there is no dominant force in the region. Any force at all. Therefore, the Kremlin is interested in constructing a regional balance of power and is even ready to work as an intermediary between the opposing sides. But if the US wants to use this mediator, they must realise its importance and necessity.

Keywords: USA; Russia; Syria; Iran; Turkey; ISIS; Middle East; Russian-American relations; “cool war”; national interests

Будущее российско-американских отношений видится в Москве (как, в общем, и в Вашингтоне) в весьма мрачных тонах. Несмотря на наличие значительного количества общих и схожих интересов, серьезного взаимодействия между Москвой и Вашингтоном не предвидится. Виной всему не только русофобия, которая царит в американских коридорах власти и густо замешана на фобиях холодной войны и прагматичном желании сохранять в наличии соперника для мобилизации американского общества. И даже не только нежелание Соединенных Штатов признавать изменившуюся систему международных отношений и адаптироваться под нее. Проблема в отсутствии банального понимания. Анализ российских и американских работ серьезных ученых показывает, что Москва и Вашингтон живут в разных парадигмах и по-разному воспринимают свою роль и роль оппонента в текущих международных отношениях. Причем, что интересно, обе страны видят несуществующую реальность. США рассматривают ситуацию с точки зрения устаревших парадигм однополярного мира, тогда как Москва пытается оценивать ее через призму будущих правил игры в многополярном мире. Вот они и не могут договориться. А иногда кажется, что и не хотят.

Тем не менее между Россией и Соединенными Штатами объективно существует множество общих интересов (если, конечно, рассматривать понятие «национальный интерес» в отрыве от идеологических наростов и исторических предрассудков).

УСЛОВИЯ НОРМАЛИЗАЦИИ ПОКА НЕВЫПОЛНИМЫ

Если абстрагироваться от радикальных заявлений со стороны СМИ и околополитического сообщества и обращать внимание на публикации серьезных экспертов, то можно увидеть, что и в США, и в России есть запрос на нормализацию отношений. Так, по словам известного американского политолога Дмитрия Саймса (ныне ведущего на российском Первом канале), США должны искать способы нормализации отношений с Россией «без иллюзий и с позиции силы» [1]. То есть на основе «реалполитик», с учетом множества общих интересов в мире. Однако те же самые эксперты признают, что сделать это на сегодняшний день невозможно по целому ряду причин.

Во-первых, на пути любого конструктива в двусторонних отношениях лежит созданный в 2016 г. и с тех пор укореняемый в американском сознании миф о вмешательстве России в американские выборы. Эта идея уже стала аксиомой, и ее влияние на американское сознание нельзя недооценивать. «Путин и его окружение считают, что в США гипертрофируют ситуацию; рассматривают ее как странный элемент американской политики и дубинку, которой бьют по администрации Трампа. До тех пор, пока они не поймут, что пункт о российском вмешательстве не является идиосинкразией американской политики, что для Конгресса и внешнеполитического истеблишмента США это серьезнейший вопрос национальной безопасности — и посему центральный элемент в российско-американских отношениях — невозможно будет преодолеть негативное влияние этой истории на эти отно-

шения», — говорит Роберт Легвольд из Колумбийского университета [2]. Именно поэтому, как считает ряд экспертов, в основе всех соглашений должна лежать ясность относительно участия России в президентских выборах 2016 г. [3]. Причем в американском понимании ясность — это признание Россией самого факта участия, которое Москва дать не может. И не только потому, что согласие признать за собой не доказанную никем вину в одном из самых серьезных преступлений, которые Запад инкриминирует Кремлю, серьезно пошатнет российскую позицию и в других вопросах (например, в «Деле Скрипалей»).

Во-вторых, у сторон разница в восприятии. «У Москвы и Вашингтона разное понимание того, чтоб является продуктивными отношениями. Путин ...хочет чтобы США относились к России как к Советскому Союзу. То есть признавали суверенитет России как великой державы, чьи меньшие соседи имеют лишь частичный суверенитет, а также рассматривали Россию как равную себе», — говорит известный американский специалист по России Анджела Стент [4]. Вашингтон отказывается принимать такую позицию, требуя от Москвы играть по американским правилам однополярного мира.

Возможно, Россия и не требует такого же отношения и уважения, какое было к Советскому Союзу (чьи интересы распространялись на весь мир, а потенциал был близок к американскому), однако Кремль хочет уважения к своему суверенитету и своим интересам на постсоветском пространстве — своей неотъемлемой сфере влияния.

Трамп в принципе понимал эту позицию и даже готов был пойти навстречу Путину — как по причине невысокой важности этого региона для нового президента, так и потому, что Трамп все-таки реально смотрит на вещи. «Реально ли полагать, что Россия, обладая на порядок большим весом, чем ее соседи, не будет оказывать на них никакого влияния? И разумно ли ожидать, что страна такого глобального масштаба, как Россия, будет наблюдать со стороны, как геоэкономические и геополитические блоки приближаются к ее границам, постепенно поглощая соседние страны?» — вопрошают Сэм Чарап и Тимоти Колтон [5]. В какой-то момент даже ходили слухи о том, что хозяин Белого дома готов «продать» России постсоветское пространство в обмен на российские уступки в дальне- и ближневосточных вопросах. Однако развернувшаяся антироссийская истерия не дала возможности Путину и Трампу договориться об условиях такого

обмена. «Трамп настолько изолирован по российскому вопросу в США, что это стало проблемой для Путина», — признает Джереми Шапиро [6].

К сожалению для Вашингтона, это стало и проблемой для самих Соединенных Штатов. Ведь в итоге Москва вынуждена конфликтовать с американцами, в том числе и на глобальном уровне. В том числе, где-то и в ущерб своим интересам. Так, ряд американских экспертов (включая директора программ России и Евразии в Центре Карнеги Юджина Рамера [7]) отмечают, что стремление Москвы ликвидировать американский, а точнее даже западный, миропорядок деструктивно с точки зрения национальной безопасности самой Москвы, что в западном мире России жилось бы куда комфортнее, чем без него или же в китайском, что Кремлю выгоднее и дальше торговать в долларах, являющихся не только гипернадёжной валютой, но и всеобщим эквивалентом современного мира.

ПОРЯДОК ДЕМОНТИРУЕТСЯ

И в этой аргументации есть доля правды. Россия действительно западная страна, и ей действительно близки западные либеральные (в классическом смысле этого слова, а не в том, тоталитарно-либеральном нынешнем его значении) традиции. Однако проблема в том, что нынешний западный миропорядок разрушается самими Соединенными Штатами, которые, являясь его хранителем, злоупотребляют своим положением и разрушают те самые привлекательные либеральные правила игры в угоду своим интересам или, что еще страшнее, фобиям. И это началось отнюдь не при Трампе, а стало скорее следствием «развращения» американцев однополярным миром. Так, «на пространстве Евразии основные внешние акторы стали более решительно и последовательно стремиться к одностороннему преимуществу. Вместо того, чтобы попытаться выработать привычку к взаимовыгодному сотрудничеству, они постоянно нацеливались на победы за счет другой стороны. За этим следовала контрэскалация, государства повышали ставки, даже если политика была плохо продуманной и контрпродуктивной, — пишут американские политологи Сэм Чарап и Тимоти Колтон, — Игра с нулевой суммой принесла соответствующие результаты — с отрицательной суммой. Границы государств были пересмотрены, распространялась враждебность и даже ненависть, отношения глобальных держав оказались разрушены» [5].

Да, ожидать скорого падения *Rax Americana* не стоит. «До тех пор пока американская экономика демонстрирует тенденции роста и пока разрознены противники американского неомеркантилизма, стратегия санкций будет приносить США дивиденды. Незападные страны во главе с Китаем могли бы поставить заслон этой стратегии, но все еще изготавливаются к борьбе политически и психологически. Европейцы же либо идут на уступки, либо демонстрируют неспособность защитить свой бизнес от американского давления», — говорит Андрей Цыганков [8]. Однако эрозия его уже идет, и, возможно, необратима по своей сути. Россия в таком мире жить не хочет, и в сотрудничестве с целым рядом других стран (причем не только Китаем) уже активно работает над формированием нового.

Ситуацию в российско-американских отношениях усугубляет тот факт, что, по мнению ряда американских экспертов, Путин работает над этим демонтажем вместе со своим американским визави. И дело тут даже не в том, что российский президент посредством ниточек дергает американского. Саммит между Трампом и Путиным в Хельсинки «не был встречей врагов. Это была встреча союзников, с близкими интересами и общими целями. И, как ни странно, речь не о выборах 2016 г. У них общий взгляд на либеральный мировой порядок, который США помогли создать семьдесят лет назад. Оба лидера стремятся этот порядок уничтожить», — говорит Роберт Каган [9]. Однако это не совсем так. Да, Трамп работает над изменением либерального миропорядка. Да, американский президент (в отличие от истеблишмента) не отягощен фобиями относительно Москвы и не рассматривает ее через призму менталитета холодной войны. Трамп — политический бизнесмен, поэтому прежние заслуги и прегрешения (если они, конечно, не касаются действий в отношении него лично — например, действий Киева в ходе предвыборной кампании) не в счет. Скорее, наоборот, они являются шелухой, которая мешает трезво оценивать реальность. «Иногда наши самые ужасные враги — это наши так называемые друзья», — говорил Трамп [10].

Однако Трамп принципиально не готов принять и тот новый, многополярный мир, который строят Россия и Китай. Мир этот предполагает не только невмешательство во внутренние дела, но и некий «Совет директоров» в лице крупных региональных держав. Для Трампа это неприемлемо, он позитивно воспринимает лишь тех партнеров, которые

безоговорочно принимают американское лидерство, проводят проамериканскую политику и при этом не являются нахлебниками. В ином случае это как минимум обуза, а как максимум — противник». И в этом плане «его пресловутое уважение к Путину (и наоборот) связано с родством идеологического свойства, но отнюдь не с родством интересов. Оба лидера прекрасно понимают, что нахождение общего языка не означает согласия. „Полоадить” с Путиным Трамп готов лишь на своих условиях, в которых России отведена роль страны, помогающей США давить на конкурентов и всецело принимающей американскую глобальную гегемонию», — говорит профессор университета Сан Франциско Андрей Цыганков [8].

МОЖЕТ, ЛУЧШЕ ПЕРЕЖДАТЬ?

Ситуацию усугубляет высокий уровень недоверия между странами. Он уже приводит к тому, что целый ряд конфликтов переходят в режим самоэскалации. Так, Дов Закхейм привязывает создание американской и натовской военной инфраструктуры в Восточной Европе к продолжению нарушения Москвой договора о РСМД [3]. В любой другой ситуации вопрос был бы уже давно решен посредством переговорных платформ, однако конструктивные переговоры по РСМД сейчас маловероятны — стороны не доверяют друг другу, обвиняют друг друга в нарушении соглашения, не собираются идти на уступки из-за внутривнутриполитических факторов, и все это происходит на фоне роста политической напряженности.

Неудивительно, что российские эксперты достаточно скептически относятся к перспективе двусторонних отношений. В лучшем случае они считают, что сейчас не время договариваться. По словам члена Совета по внешней и оборонной политике Александра Высоцкого, Америка сейчас похожа на курицу без головы. «Причем курица физически очень мощная, продолжающая свой бег, размахивание крыльями и даже попытки взлететь. Зрелище не из приятных, — отмечает он, — А теперь представьте себе, как выглядит другая курица, пытающаяся усадить эту несчастную калекку (мягко говоря) за стол переговоров и начать обсуждать стратегические вооружения, судьбы Сирии и Украины или расширение НАТО на Восток. Приходится признать, что эта вторая курица выглядит в чем-то даже хуже первой. По меньшей мере — неадекватно и смешно» [11].

Кроме того, получается, что за закрытыми дверями или в профессиональном окружении

российский и американский президенты договариваются о решениях, а потом глава Белого дома просто не может «продать» эти решения политико-академическому истеблишменту, журналистскому сообществу и простой американской публике. «Демократы ненавидят Россию потому, что винят ее за избрание Трампа. Республиканцы ненавидят потому, что всегда ненавидели. Госдеп ненавидит потому, что Москва ненадлежащим образом обращается с американскими дипломатами и нарушает соглашения. Минобороны ненавидит потому, что рассматривает Россию как сильного конкурента. Собственные советники Трампа ненавидят Россию потому, что все они пришли из вышеозначенных групп», — говорит Джереми Шапиро [6].

В худшем же считают, что договориться с США нельзя в принципе, поскольку Америка не настроена на компромисс со своими противниками. «Прекратить борьбу на „внешнем“ фронте Запад может, только инкорпорировав противника внутрь себя на тех или иных условиях, как это произошло с Германией в 1945 г. и предлагали сделать наиболее мудрые западные политики и ученые в отношении России после 1991 г.», — уверен директор Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ «ВШЭ» Тимофей Бордачев [12].

Собственно, сейчас реализуется «худший случай» — лидеры не могут попытаться договориться, поскольку не могут даже организовать переговоры. Ни в Париже, на саммите, посвященном столетию окончания Первой мировой, ни в Буэнос-Айресе, на саммите G20. В последнем случае Трамп попросту отменил встречу. Формально — из-за эскалации ситуации возле Керченского пролива (где Москва арестовала украинские корабли, вторгнувшиеся в территориальные воды РФ и не захотевшие оттуда уходить), а фактически — из-за осложнившейся для него за сутки до саммита внутривнутриполитической ситуации в самих США.

29 ноября Майкл Коэн, долгое время бывший личным адвокатом Дональда Трампа, признал, что лгал американскому Конгрессу о том, что у нынешнего президента после января 2016 г., якобы, не было плана по строительству «Трампа Тауэр» в Москве. Согласно новым показаниям адвоката, вплоть до июня 2016 г. Трамп, якобы, получал прямую информацию от него относительно шедших переговоров о реализации проекта. Нынешние адвокаты Трампа говорят о том,

что проект ограничивался лишь декларацией о намерениях, и переговоры никуда не зашли, а сам президент называл Коэна «слабым человеком», пояснил, что бывший адвокат просто хочет таким образом «скостить срок» из-за обвинений в мошенничестве (Коэн обманывал кредитные организации, завышая стоимость залоговых активов в виде лицензий на такси) [13]. Однако получается, что Трамп врал относительно отсутствия бизнес-интересов в России — а значит, по мнению его противников, был лично заинтересован в хороших отношениях с Путиным, который (как утверждают демократы и их сторонники) в это же время стал с помощью хакеров поддерживать избирательную кампанию нынешнего главы Белого дома. Понятно, что в такой ситуации переговоры с российским лидером в Аргентине лишь подлили бы масла в огонь.

Да, возможно, это отношение к России изменится, ведь, по сути, причины конфликтности все-таки субъективны. Если Вашингтон будет трезво смотреть на вещи и выразит готовность адаптироваться к меняющемуся миру, а не отрицать изменения, то выяснится, что у него с Москвой не так много противоречащих интересов. Однако в краткосрочной перспективе такое изменение маловероятно. И на сегодняшний день «в российско-американских отношениях больше всего разочаровывает то, насколько легко стороны вернулись к мышлению холодной войны. Обе стороны искренне считают, что модели и практики того времени лучше всего подходят для решения сегодняшних проблем», — говорит Джереми Шапиро [14]. В итоге получается, что Соединенные Штаты и Россия конфликтуют там, где могут сотрудничать, и там, где конфликтовать просто невыгодно. В первом случае речь идет о Ближнем Востоке, а во втором — об Украине.

ИРАНСКАЯ ОСЬ

Ключевым интересом Трампа, своего рода осью его ближневосточной политики является иранский вопрос. В доктрине национальной безопасности США Иран вообще назван «главным мировым государством — спонсором терроризма, а также основной причиной отсутствия благосостояния и порядка на Ближнем Востоке». Во время своего выступления на Генассамблее ООН Трамп расширил этот тезис. «Иранские лидеры сеют хаос, смерть и разрушения. Они не уважают своих соседей, границы или суверенные права государств. Вместо этого они разворовы-

вают национальные ресурсы, чтобы обогащаться и распространять хаос по всему Ближнему Востоку и далеко за его пределами... Диктатура использовала средства для создания ракет, способных нести ядерные боеголовки, для усиления репрессий внутри страны, для финансирования терроризма и финансирования хаоса, разрушительных действий и кровопролития в Сирии и Йемене», — отметил американский лидер [15]. По сути, в понимании американцев Исламское государство было, скорее, лишь временной проблемой, которая отвлекла внимание от иранских дел. «В 2014 г. транснациональной силой, представлявшей из себя самую большую опасность на Ближнем Востоке, было не ИГ, а КСИР со своими сателлитами», — пишет американское издание The Hill [16].

На первый взгляд, заявления достаточно странненькие. Иранцы действительно достаточно активны, возможно, даже агрессивны на Ближнем Востоке. Однако большая часть их действий носит, скорее, оборонительный характер. Политика Исламской Республики в Ираке и в Сирии нацелена на защиту их «передовых форпостов» на Ближнем Востоке от влияния стратегического противника — Саудовской Аравии и потенциального противника — Турции. А поддержка хуситов в Йемене является (помимо, в общем-то, защиты местных жителей от саудовских интервентов) элементарным «конфликтом на периферии» в рамках общего конфликта с Саудовской Аравией. Никто, конечно, не ожидал от Трампа защиты Ирана в этом конфликте, однако то, что он позиционирует Тегеран не просто как основное зло на Ближнем Востоке, но и как одного из главных противников США, вызывает удивление.

Причин такого позиционирования несколько. Во-первых, Америке (как и любой сверхдержаве) нужен свой враг, против которого можно действовать. Международный терроризм для этого слишком аморфен (придется вновь персонализировать его в фигуре масштаба Бен Ладена — а таких нет), Китай слишком важен как торговый партнер, Россия слишком сильна для реального противостояния, Ким Чен Ын чересчур непредсказуем, ибо ему терять нечего. А вот Иран — идеальная кандидатура. Относительно слабое (по меркам Запада, конечно же) государство с крайне негативной историей отношений с США. Поэтому — и с единой позицией в отношении него среди американского истеблишмента (демократы могут не согласиться с методами

сдерживания Ирана, но они поддерживают саму идею сдерживания). Кроме того, у Трампа есть надежные региональные союзники, от которых он за сдерживание Тегерана получит не благодарность (как в случае с рядом европейских стран по российскому вопросу), а практическую пользу. Например, поддержку еврейского лобби в США (Тот же Нетаньяху уже заявил, что «полностью поддерживает решение Трампа о выходе из ужасной сделки» [17]) и многомиллиардные саудовские контракты. Вот и получается, что Иран враг более чем удобный.

МОСКОВСКИЙ ИНТЕРЕС

Совпадает ли стремление Трампа сдержать Иран с российскими интересами? На первый взгляд, нет — Иран является российским стратегическим партнером. Кроме того, антииранские действия США задевают российские интересы в Сирии. Однако, с другой стороны, Москве выгодны антииранские эскапады Трампа. Прежде всего потому, что они серьезно дискредитируют Вашингтон, причем не просто среди партнеров по международному сообществу, но и среди союзников.

Если бы США разорвали сделку по причине неисполнения ее Ираном, то союзники бы поняли. Однако уникальность нынешней ситуации в том, что Тегеран условия соглашения полностью исполнял (о чем говорилось в регулярных докладах МАГАТЭ), а Трамп вышел из сделки просто потому, что ему не нравится Иран и его политика на Ближнем Востоке. «Вот так вот исчезает один из важнейших инструментов американо-иранской дипломатии — не под звуки взрыва, а под звуки нытья», — говорит замдиректора внешнеполитического направления Брукингского Института Сьюзан Малунни [18]. И союзников такой повод для разрыва исторической сделки крайне раздражает, ведь действия США не просто ликвидируют важнейшее прецедентное соглашение по предотвращению распространения, но и приводят к многомиллиардным потерям европейских компаний. Соединенные Штаты возобновили санкции против ИРИ, имеющие экстерриториальный характер, и в ультимативной форме потребовали от союзников их исполнять. «Санкции ударят по критическим секторам иранской экономики. Немецкие компании, которые работают в Иране, должны немедленно свернуть все свои операции», — заявил новый посол США в ФРГ Ричард Гренелл [19]. И большинство компаний подчинились, не получив при этом уже

сделанные инвестиции обратно. Поэтому, как абсолютно верно отметил бывший вице-президент США Джозеф Байден, решение о выходе «изолирует США в глазах почти каждой мировой державы, оно подорвет доверие к нам и наши лидерские позиции» [20].

Естественно, в такой ситуации и, что еще важнее, в такой атмосфере и в таком позиционировании Ирана американской администрацией диалог между Тегераном и Вашингтоном невозможен. Иранские власти требуют от Вашингтона прекращения давления. «Предположим, что ты — враг, и ты воткнул в человека нож. Затем ты говоришь, что хочешь вести с этим человеком переговоры. Что ж, тогда для начала ты должен вытащить из него нож», — говорит Хасан Роухани [18]. Однако у Трампа свое понимание этой метафоры. Американский президент намерен сохранять нож в иранском теле и периодически дергать его, дабы причинять иранцам боль и мучения — таким образом Тегеран быстрее пойдет на уступки ради того, чтобы санкционный нож наконец-то вынули. В ином случае кровотечение от него (экономические проблемы) будет прямой угрозой выживания иранского режима. Как абсолютно верно пишет журнал “Atlantic”, иранские элиты «не смогут избежать широких дискуссий о будущем иранской экономики и политической системы — дискуссий, которые запустили эти протесты» [21]. Однако, с другой стороны, требования Вашингтона в Иране позиционируются как предложения к самоубийству. «Да, советник по национальной безопасности Джон Болтон и Госсекретарь Майк Помпео официально не заявляют ничего такого, что могло бы трактоваться как требование смены режима в Тегеране. Однако публично они выставляют Ирану множество требований, которые звучат подозрительно и выглядят как некие предварительные условия. Это, вкупе с заявлением о необходимости «колоссальных перемен в поведении для снятия санкций, лишь порождает у Тегерана нежелание вести прямой диалог с США», — говорит Сьюзан Малунни [18].

СИРИЙСКИЙ ПРЕЦЕДЕНТ

Невозможность вести диалог вкупе с маловероятностью прямого военного конфликта (по причине наличия у Ирана средств для гарантированного ответного удара с причинением неприемлемого ущерба США — например, через блокирование Персидского залива или массированного ракетно-

го удара по Израилю) приводит к тому, что между США и Ираном разворачиваются многочисленные конфликты на периферии. Да, везде Иран выигрывает, однако Россия становится заложником этих конфликтов. По крайней мере, в Сирии. Нынешней целью Москвы в ее сирийской кампании является выход на политическое урегулирование гражданской войны и формирование поствоенного статус-кво. Причем Москва является, пожалуй, единственным членом сирийского триумvirата (Россия, Турция, Иран), который активно готов привлекать к урегулированию ситуации в Сирии третьи страны, а также учитывать их интересы в послевоенном устройстве. Причин российской компромиссности как минимум две. Во-первых, у Москвы нет денег на восстановление Сирии, и поэтому нужны внешние спонсоры (готовые, естественно, вкладывать деньги только при выполнении определенных политических условий). Во-вторых, Москва не заинтересована в доминировании на сирийском пространстве одной державы (особенно «местной»), поскольку это доминирование может привести к вытеснению России из Сирии. Москве нужен баланс сил, в рамках которого Кремль будет выступать в качестве своего рода балансира.

Да, Европа вроде бы согласилась обсуждать условия вложений, однако очевидно, что Брюссель не готов действовать в этом вопросе без учета позиции Вашингтона. «Запад — это не только сообщество, основанное на ценностях и интересах, но и режим, гарантом существования которого остается наличие гегемона. Роль его всегда исполняли США, располагавшие ресурсами многократно большими, нежели другие участники. И исключительная адаптивность европейцев к зигзагам американской политики говорит в пользу неизменности объективных причин такого порядка вещей», — говорит директор Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ «ВШЭ» Тимофей Бордачев [12]. А Соединенные Штаты отказываются участвовать в переговорах о восстановлении САР, поскольку привязывают его к вопросу об иранском влиянии на эту страну. «Любой вариант разрешения гуманитарного кризиса в Сирии должен также включать стратегию по борьбе с жестоким режимом, который подпитывается и финансируется коррумпированной диктатурой Ирана», — заявил Трамп [15]. Однако на деле упорство Соединенных Штатов не означает, что они придерживаются какой-то иной стратегии

по Сирии — на деле никакой стратегии нет. Еще при Обаме американцы «упустили» «сирийскую весну» и действовали на сирийском пространстве исключительно в реактивном ключе. Уже при Обаме это «реактивное поведение» стало угрожать интересам самих Соединенных Штатов (например, когда Обаму загнали в ловушку и требовали нанести удар по сирийскому режиму из-за якобы использования Асадом химического оружия — удар, который втянул бы США в этот конфликт). При Трампе реактивное поведение продолжилось, и, как верно отмечала один из лидеров демократов в Палате представителей Нэнси Пелози, одна ночь ударов не означает, что у США есть стратегия по Сирии [22].

Трамп как прагматик все это понимает — как понимает и то, что сирийская кампания проиграна Ирану, и дальнейшее ее продолжение лишь ослабляет американские позиции, делает Вашингтон заложником боевиков, а также дестабилизирует отношения с Турцией из-за опоры США на сирийских курдов — дестабилизирует настолько, что турки уже поговаривают о выходе из НАТО. «С каких это пор защита границ НАТО доверяется террористическим группировкам?» — возмутился премьер-министр Турции Бинали Йилдырым. А президент Реджеп Эрдоган обвинил «тех, кто называет себя нашими союзниками» в том, что они воткнули нож Турции в спину [23]. Также Трамп понимает, что беспомощность США в Сирии дискредитирует Америку на международной арене. Как верно писал Джордж Кеннан, успешность США во многом зависит от того, «смогут ли Соединенные Штаты создать у народов мира впечатление того, что Америка знает, чего она хочет, ... может справиться со своими внутренними трудностями и той ответственностью, которую налагает на нее статус великой державы» [24].

Поэтому Трамп, в принципе, готов обсуждать приемлемые варианты выхода США из Сирии. Более того, выхода, который может позиционироваться им как победа. Именно поэтому Трамп еще в начале своей каденции заявил о том, что теперь целью США в Сирии является не свержение диктатора-Асада (чего невозможно достичь), а победа над терроризмом (который в лице ИГ уже побежден, что позволяет американцам в любой момент заявить: «мы победили, мы уходим»). Однако заявление это последует лишь тогда, когда Трамп договорится о минимизации нанесенного американцам ущерба — т.е. о каких-то ограничениях иранского влияния в Сирии. И посредником в этих переговорах (которые должны, в том числе, вестись и с Ираном) может быть только Россия. Успешные прецеденты таких соглашений на региональном уровне у Москвы есть — взять хотя бы соглашение по Голанским высотам, ограничивающее иранское военное присутствие в этой зоне. По некоторым данным, Кремль пытается убедить стороны приступить к более фундаментальным сделкам. Так, на закрытом заседании Кнессета Беньямин Нетаньяху заявил, что Москва уже предложила США сделку: снятие части санкций в обмен на вывод (частичный или полный — пока непонятно) иранских войск с территории Сирии.

Таким образом, не исключено, что на дальнейших переговорах между Путиным и Трампом (когда и если они, конечно, состоятся) сирийская тема будет одной из основных. И, наверное, одной из важнейших, ведь позитивный опыт сотрудничества по региональному вопросу (если, конечно, этот опыт все-таки будет) станет важным шагом по построению атмосферы доверия между двумя великими державами. И, возможно, потянет за собой конструктивные договоренности и по другим вопросам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Simes D. The Costs of Ignoring Russia. *The National Interest*. 2017;(13Aug.). URL: <https://nationalinterest.org/feature/the-costs-ignoring-russia-21888>.
2. Legvold R. Getting America and Russia Back to Normal. *The National Interest*. 2017;(19Aug.). URL: <https://nationalinterest.org/feature/getting-america-russia-back-normal-21959>.
3. Zakheim D. America and Russia: Time to Come Clean. *The National Interest*. 2017;(16Aug.). URL: <https://nationalinterest.org/feature/america-russia-time-come-clean-21929>.
4. Stent A. America and Russia: Same Old, Same Old. *The National Interest*. 2017;(17Apr.). URL: <https://nationalinterest.org/feature/america-russia-same-old-same-old-21941>.
5. Колтон Т., Чарап С. Преодолеть логику нулевой суммы. *Россия в глобальной политике*. URL: <https://www.globalaffairs.ru/number/Preodolet-logiku-nulevoi-summy-19523>.
Colton T., Charap S. Overcome zero-sum logic. *Rossiya v global'noi politike*. URL: <https://www.globalaffairs.ru/number/Preodolet-logiku-nulevoi-summy-19523>. (In Russ.).

6. Shapiro J. Trump is coming off as Putin's poodle, but that actually undermines Russia's main goal. Brookings Institution. 2018;(20July). URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2018/07/20/trump-is-coming-off-as-putins-poodle-but-that-actually-undermines-russias-main-goal>.
7. Rumer E. Russia Is Winning — or Is It? *The Moscow Times*. 2018;(30July). URL: <https://www.themoscowtimes.com/2018/07/30/russia-is-winning-or-is-it-a62387>.
8. Цыганков А. Трамп и санкции: без иллюзий. *Россия в глобальной политике*. URL: <https://www.globalaffairs.ru/number/Tramp-i-sanktcii-bez-illyuzii-19748>.
Tsygankov A. Trump and sanctions: no illusions. *Rossiya v global'noi politike*. URL: <https://www.globalaffairs.ru/number/Tramp-i-sanktcii-bez-illyuzii-19748>. (In Russ.).
9. Kagan R. The United States and Russia aren't allies. But Trump and Putin are. Brookings Institution. 2018;(24July). URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2018/07/24/the-united-states-and-russia-arent-allies-but-trump-and-putin-are/>.
10. Boot M. Trump wants to Finlandize the United States. *The Washington Post*. 2018;(30July). URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/global-opinions/trump-is-pushing-the-atlantic-alliance-to-the-breaking-point/2018/06/30/c054f0dc-7c8e-11e8-80be-6d32e182a3bc_story.html?utm_term=.e2aa479a9124.
11. Высоцкий А. Время для тайм-аута. *Россия в глобальной политике*. URL: <https://www.globalaffairs.ru/global-processes/Vremya-dlya-taim-auta-19724>.
Vysotsky A. Time for a timeout. *Rossiya v global'noi politike*. URL: <https://www.globalaffairs.ru/global-processes/Vremya-dlya-taim-auta-19724>. (In Russ.).
12. Бордачев Т. «Две войны» Запада и России. *Россия в глобальной политике*. URL: <https://www.globalaffairs.ru/number/Dve-voiny-Zapada-i-Rossiia-19666>.
Bordachev Timofey. "Two wars" of the West and Russia. *Rossiya v global'noi politike*. URL: <https://www.globalaffairs.ru/number/Dve-voiny-Zapada-i-Rossiia-19666>. (In Russ.).
13. Leonnig C., Dawsey J. 'Individual 1': Trump emerges as a central subject of Mueller probe. *The Washington Post*. 2018;(29Nov.). URL: https://www.washingtonpost.com/politics/individual-1-trump-emerges-as-a-central-subject-of-mueller-probe/2018/11/29/e3968994-f3f7-11e8-80d0-f7e1948d55f4_story.html.
14. Шапиро Дж. «Война по доверенности» на Украине станет катастрофой. *Россия в глобальной политике*. URL: <https://www.globalaffairs.ru/number/Voina-po-doverennosti-na-Ukraine-stanet-katastrofoi-19512>.
Shapiro J. "War by proxy" in Ukraine will be a disaster. *Rossiya v global'noi politike*. URL: <https://www.globalaffairs.ru/number/Voina-po-doverennosti-na-Ukraine-stanet-katastrofoi-19512>. (In Russ.).
15. Ward A. Read Trump's speech to the UN General Assembly. *Vox*. 2018;(25Sept.). URL: <https://www.vox.com/2018/9/25/17901082/trump-un-2018-speech-full-text>.
16. Misztal B. Washington must contain the real Iranian threat to Middle East peace. *The Hill*. 2018;(17Jan.). URL: <https://thehill.com/opinion/international/369337-washington-must-contain-the-real-iranian-threat-to-middle-east-peace>.
17. Twitter of NBC. 2018;(08May). URL: <https://twitter.com/NBCNews/status/993923488963596290>.
18. Maloney S. Trump wants a bigger, better deal with Iran. What does Tehran want? Brookings Institution. 2018;(08Aug.). URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2018/08/08/trump-wants-a-bigger-better-deal-with-iran-what-does-tehran-want>.
19. Twitter of Richard Grenell. 2018;(08May). URL: <https://mobile.twitter.com/RichardGrenell/status/993924107212394496>.
20. Stange N. Five takeaways from Trump's Iran announcement. *The Hill*. 2018;(08May). URL: <https://thehill.com/homenews/administration/386814-five-takeaways-from-trumps-iran-announcement>.
21. Nasr V. What the Iran Protests Were Not. *The Atlantic*. 2018;(10Jan.). URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2018/01/iran-economic-protests-urban-rural-divide/550211>.
22. Cooper H., Gibbons-Neff T., Hubbard B. U.S. Britain and France Strike Syria Over Suspected Chemical Weapons Attack. *The New York Times*. 2018;(13Apr.). URL: <https://www.nytimes.com/2018/04/13/world/middleeast/trump-strikes-syria-attack.html>.
23. Bulos N. Turkey says the U.S. "stabbed us in the back" by aligning with Kurds on the Syrian border. *Los Angeles Times*. 2018;(16Jan.). URL: <http://www.latimes.com/world/middleeast/la-fg-kurds-border-force-20180116-story.html>.
24. Heer P. Containment and China: What Would Kennan Do? *The National Interest*. 2018;(17Apr.). URL: <https://nationalinterest.org/feature/containment-china-what-would-kennan-do-25431>.

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-3-98-102
УДК 32(045)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ САТИРА М. ЗАДОРНОВА КАК ИНСТРУМЕНТ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В 2000–2010-Е ГОДЫ

Калитько Ирина Игоревна,

студентка 3-го курса бакалавриата факультета социологии и политологии,
Финансовый университет,
Москва, Россия
kalitko.ira@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению проблем национальной политики в России в 2000-х гг. Автор рассматривает такие понятия, как «культурная и наднациональная идентичность», «идеология», «стихийный патриотизм» и «патриотическая мобилизация». Периоды перестройки и «шоковой терапии» нанесли серьезный удар не только по социально-экономическому состоянию общества, но послужили толчком к распаду культурной идентичности, либерализации идеологических ориентаций, привели российское общество к тяжелым культурно-психологическим последствиям, выразившимся в потере самоуважения, патриотизма и появлении комплекса национальной неполноценности. В статье исследуются особенности возрождения культурной идентичности и патриотической мобилизации на примере действий российского правительства в 2000–2010-х гг., а также влияние неформальных инструментов на формирование и проведение национальной политики посредством мировоззренческого перепрограммирования общества через политическую сатиру М.Н. Задорнова.

Ключевые слова: государство; национальная политика; культурная идентичность; патриотизм; идеология; политическая сатира

POLITICAL SATIRE OF M. ZADORNOV AS A TOOL FOR PATRIOTIC MOBILIZATION OF THE RUSSIAN SOCIETY IN 2000–2010 YEARS

Kalitko I.I.,

3rd-year bachelor course student,
Faculty of Sociology and Political Science,
Financial University,
Moscow, Russia
kalitko.ira@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the national policy problems in Russia in the 2000s. It examines such concepts as “cultural and supranational identity”, “ideology”, “spontaneous patriotism” and “patriotic mobilisation”. Periods of “perestroika” and “shock therapy” seriously influenced not only the socio-economic state of society but also served as an impetus for the collapse of cultural identity, liberalisation

of ideological orientations. It also had severe cultural and psychological consequences for Russian society, expressed in the loss of self-esteem, patriotism and the emergence of a complex of national inferiority. The article examines the features of the revival of cultural identity and patriotic mobilisation on the example of the Russian government's action in 2000–2010, as well as the influence of informal tools for the formation and implementation of national policy through the ideological reprogramming of society using political satire of M.N. Zadornov.

Keywords: state; national policy; cultural identity; patriotism; ideology; political satire

Национальная и культурная политика является одним из наиболее важных вопросов повестки дня современной России. На сегодняшний день в российском обществе в числе прочих существуют такие проблемы, как низкий уровень этнокультурной идентичности и отсутствие национальной идеи. Однако это явление не ново и имело место в период с конца 1980-х гг. и вплоть до начала нового тысячелетия, чему способствовали процессы глобализации и либерализации, ослабление позиций действующей власти, социальная и экономическая нестабильность, а также проявление социального протеста и сепаратистских тенденций в стране. После избрания В. В. Путина на пост президента в 2000 г. власти начали поиск путей выхода из сложившейся ситуации. Ставка была сделана на концепт суверенной демократии — сочетание либерально-рыночных приоритетов, с одной стороны, с идеями суверенности и патриотизма — с другой. Главными задачами правительства, помимо восстановления экономики и усиления вертикали власти, были: решение проблемы регионального сепаратизма, сохранение территориальной целостности страны, укрепление государственности и восстановление важнейшего связующего элемента — наднациональной идентичности. Для реализации плана на уровне идейной переориентации общества были задействованы различные инструменты, включая неформальные. Среди них можно выделить политическую сатиру Михаила Задорнова, которая, во-первых, развенчивала миф о западном мире как об универсальной и передовой цивилизационной модели, а во-вторых, формировала у граждан России ощущение гордости за свою страну и культуру, основанное на принятии ее самобытности и уникальности.

В течение долгого времени у российского населения формировался комплекс национальной

неполноценности [1]. Он заключался в отречении от своей культуры (вплоть до стеснения и чувства стыда), неприятии собственной уникальности и самобытности, попытках заменить свою систему ценностей западной. В острую фазу этот процесс вошел в период 1980-х гг., накануне перестройки: помимо внутреннего ослабления идеологии, усиливалось влияние западных ценностей. После распада СССР взоры россиян обратились к Западу, и 90-е гг. были отмечены тотальной либерализацией и попытками перехода к западным стандартам не только в политике, но и во всех сферах жизни. Западный стиль оказал значительное влияние на систему ценностей, взглядов, моделей поведения и культуру населения России. Все западное стало не просто модным, а единственно верным форматом, которого России теперь необходимо было придерживаться, чтобы преодолеть культурную, экономическую и политическую «отсталость», якобы возникшую за годы существования Советского Союза. Подобные взгляды доминировали у правящей элиты РФ, которая в 1990-е гг. придерживалась «западного курса» [1]. Так, на государственном уровне после распада СССР стала проводиться политика «департизации» и «деидеологизации» [2]. Идеология была официально отменена, что закреплялось основным законом: один из пунктов ст. 13 Конституции 1993 г. утверждал, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/5b9338a7944b7701fbe63f48c943e8175be16462/). Полное отсутствие государственной идеологии и неформальная популяризация западной либерально-демократической идеи на фоне политической и социально-экономической нестабильности привели к преклонению большинства населения России перед Западом и западными ценностями в сочетании с «самобичеванием» и отторжением своей культурной идентичности.

В то же время в постсоветский период появилась потребность в выработке новой национальной политики РФ. Поскольку надэтническая идентичность «советский народ» больше не существовала, для сохранения единства страны в условиях российской полиэтничности необходимо было разработать новые объединяющие механизмы и внедрить их в общество. В 1996 г. принимается Концепция государственной национальной политики РФ, которая была призвана урегулировать национальный вопрос на государственном уровне и обеспечить межнациональное единство [3].

Важным инструментом для реализации подобных программ являются СМИ. В 1997 г. популярный сатирик Михаил Задорнов выходит на сцену с монологами на основе книги того же года «Великая страна с непредсказуемым прошлым» [4]. Главный посыл монологов заключается в идее единства российского народа на основе общей истории, общности бытового сознания и противопоставления народам других стран, в особенности Запада. В частности, в них встречается противопоставление «они — мы» («они умными прикидываются», «они-то думают, что умнее нас»), появляется формулировка «наш человек». Если в начале 1990-х гг. в творчестве Задорнова высмеивались нецивилизованность и невежество российского человека, нелепость его поведения в западном мире, то к 1997 г. акцент сместился в сторону самобытности, изобретательности, «нестандартной» мудрости, духовной силы «нашего человека» и чуждости ему западных мировоззренческих и бытовых принципов [5].

В начале 2000-х гг. в связи с разработкой проекта суверенной демократии необходимо было запустить идейно-мировоззренческое перепрограммирование российского общества. В первую очередь это требовалось в целях преодоления «некритического преклонения» перед Западом, утвердившегося в умах части населения в 1990-е гг., а также для достижения новой программной цели — формирования атмосферы «стихийного патриотизма» [2]. На реализацию этих мер была направлена как прямая пропаганда государственных СМИ, так и работа неформальных механизмов влияния на общественное мнение и общественное сознание. Одним из эффективных каналов влияния стала политическая сатира М. Задорнова.

Михаил Задорнов к началу 2000-х гг. был одним из самых ярких неполитических медийных лиц, пользовавшихся популярностью и авторитетом у широкой аудитории [6]. Он обращался в своем творчестве к остросоциальным темам национальной гордости, самоуважения, в чем население России нуждалось после тяжелых лет перестройки и «шоковой терапии». Социально-политические и экономические трудности того времени, от которых пострадала большая часть граждан, нанесли сильнейший удар и по национальному сознанию. Доминировал комплекс национальной неполноценности, усиливающийся под влиянием идеализированных западных ценностей, главным агентом распространения которых выступали США. Население остро нуждалось в эмоциональной компенсации, снятии психологического напряжения и восстановлении самоуважения. «Десакрализация» американских моделей и ценностей в знаменитых монологах конца 1990-х — начала 2000-х гг., неизменно сопровождавшихся фразой — визитной карточкой «ну, тупы-ы-ы-е!», прекрасно отвечала общественному запросу.

Политическая сатира решает важные задачи снятия социального напряжения и формирования стереотипов массового сознания. Творчество М. Задорнова способствовало решению еще одной задачи: преодолению национального комплекса неполноценности. Это хорошо видно в его более поздних монологах, где звучат фразы «мы великий народ», «непобедимая страна», «мы развиты», «только сильные и умные люди могут смеяться над собой» [7]. Таким образом, сатира М. Н. Задорнова оказалась эффективным инструментом национальной политики, поскольку она удовлетворяла запросы и государства, и общества. С ее помощью зарождался так называемый стихийный патриотизм, основанный не на прямой пропаганде, а на пробуждении глубинных архетипов массового сознания.

К концу первого президентского срока В. В. Путина Россия все увереннее заявляет о себе на международной арене. Разногласия по внешнеполитическим позициям мирового гегемона США и Российской Федерации станут все острее. Так, в 2003 г. Россия выступает против действий США в отношении Ирака, в 2004 г. охлаждение в отношениях связано с оранжевой революцией на Украине. Среди

других спорных вопросов можно выделить расширение НАТО, экспансию США на постсоветском пространстве, развитие американской системы ПРО, противоречия между РФ и Западом на энергетических рынках.

10 февраля 2007 г. В. В. Путин твердо обозначил позицию России в отношении действий США на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. «Мюнхенская речь» стала кульминационной точкой в демонстрации независимости России на международной арене. Тем самым выступление российского лидера спровоцировало агрессивные выпады со стороны представителей западных политических элит, а также очередное охлаждение в отношениях России и Запада.

Как только российская политика «сталкивается» с американской, появляются монологи Задорнова о США. Знаменитая фраза «ну тупые!» звучит чаще, монологи об американцах вырастают в полноценные тематические концерты («Ножки Буша», 2002 г.; «Американская трагедия», 2003 г.). В них стереотипизируются и высмеиваются образы представителей американских властей, военных, гражданского населения («Американцы во всем мире главные, а их президент — главнюк», «бургеры на ножках», «тупые», «большие дети», «рассадники демократии» и т. п.) [8]. Яркая сатира вызывает положительную реакцию зрителя, ее образы проникают в повседневную жизнь и способствуют подсознательному одобрению политических позиций России. Этот эффект поддерживается благодаря второму стереотипу: «великие славяне, мудрые русичи», призванные спасти человечество от западной бездуховности [9]. Эти стереотипы выстраиваются на мифологии, этимологии слов и исторических фактах, которые Задорнов начинает приводить в своих выступлениях. Такое подкрепление рождает в сознании общества понимание: «это

наша историческая миссия, мы добро — они зло, власти все делают правильно — нужно противостоять гнилому Западу, иначе мы тоже погибнем».

Мощная идея великой, праведной, смекалистой России и гнилого, разращенного, глупого Запада позитивно воспринимается массовым сознанием российского общества в силу нашего «автаркичного» менталитета, «конфликтного» исторического наследия, а также национальных обид. Это подтверждает гипотезу возникновения стихийного патриотизма, который строится на противопоставлении общности условному противнику, в данном случае — противопоставлении России Западу. Сила сатиры М. Задорнова заключалась в том, что, несмотря на воспевание «русского» и низведение с пьедестала «американского», остается пространство для самоиронии, смеха над самими собой.

Таким образом, одним из мощных неформальных инструментов перепрограммирования национального сознания в России 2000-х гг. стала политическая сатира, центральное место в которой занимало творчество М. Задорнова. Его сатира стала инструментом проведения необходимых преобразований национальной политики — выработки новой идентичности и патриотической мобилизации населения. Сатирик оказал значительное влияние на воспитание у нескольких поколений российского населения самоуважения, патриотизма, гордости за страну, вместе с тем сформировав критическое отношение к западным ценностям и моделям поведения. Негативные стереотипы о США и американском обществе плотно вошли в повседневную жизнь россиян — как на бытовом, так и на государственном уровне, что находит выражение и в риторике отечественных политических и общественных деятелей, и в общественных политических предпочтениях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мифологизация комплексов национальной неполноценности. Германно-российская конференция «Старые и новые мифы» (выступления Л. Гудкова, Б. Дубина, А. Левинсона, Н. Зоркой). *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2008;(6):65–88.
2. Шатилов А. Б. Формирование концепта государственного патриотизма в России в период 2000–2017 гг.: основные этапы и базовые идеологемы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2017;3(27):18–23.
3. Кузиванова О. Ю. Проблема концептуальных основ современной национальной политики России (к истории вопроса). *Власть*. 2015;(7):143–149.
4. Задорнов М. Н. Великая страна с непредсказуемым прошлым. М.: Армада; 1997. 173 с.

5. Задорнов М. Умом Россию не понять. Телевизионный сборник. 1997. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WXJdl5NqV-w>.
6. Колебакина-Усманова Е., Голобурдова Н., Скрыбин И., Головатая А. «Задорнов помог нам выжить в конце 80-х и в 90-е»: вехи жизни известного сатирика. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/363453>).
7. Задорнов М. Мы. Телевизионный сборник. 2002. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=YntUlwyP8Cg>.
8. Задорнов М. Ну тупые! Американская коллекция Михаила Задорнова. Сборник URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2mGgxrC927s&t=28s>.
9. Задорнов М. Уникальный народ. Телевизионный сборник. 2008. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=epF-BwNpp8U>.

REFERENCES

1. Mythologization of national inferiority complexes. German-Russian conference “Old and new myths” (speeches of L. Gudkov, B. Dubin, A. Levinson, N. Zorkina). *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*. 2008;(6):65–88. (In Russ.).
2. Shatilov A. B. Formation of the concept of state patriotism in Russia in the period 2000–2017: The main stages and basic ideologemes. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 2017;3(27):18–23. (In Russ.).
3. Kuzivanova O. Yu. The problem of the conceptual foundations of the modern national politics of Russia (the history of the issue). *Vlast'*. 2015;(7):143–149. (In Russ.).
4. Zadornov M. N. A great country with an unpredictable past. Moscow: Armada; 1997. 173 p. (In Russ.).
5. Zadornov M. The mind does not grasp Russia. TV Collection; 1997. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WXJdl5NqV-w>. (In Russ.).
6. Kolebakina-Usmanova E., Goloburdova N., Skryabin I., Golovataya A. Zadornov helped us to survive in the late 80s and the 90s: Milestones in the life of the famous satirist. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/363453>. (In Russ.).
7. Zadornov M. We. TV Collection; 2002. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=YntUlwyP8Cg>. (In Russ.).
8. Zadornov M. So, stupid! American collection of Mikhail Zadornov. TV Collection. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2mGgxrC927s&t=28s>. (In Russ.).
9. Zadornov M. Unique nation. TV Collection; 2008. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=epF-BwNpp8U>. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-3-103-105
УДК 353.2(045)

АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ОКАЗАНИЯ ПОДДЕРЖКИ ЛИЦАМ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

Сейдалин Асхат Жанабаевич,

*студент факультета государственного управления и финансового контроля,
Финансовый университет,
Москва, Россия
askhat-seidalin@rambler.ru*

Аннотация. В мире согласно данным «Всемирного доклада об инвалидности» ВОЗ от 2011 г. насчитывается более миллиарда людей с инвалидностью. На нынешнем этапе развития социального общества в Российской Федерации одним из наиболее приоритетных вопросов является обеспечение социализации, интеграции в общество и комфортного проживания в нем людей с ограниченными возможностями. Инвалид согласно законодательству Российской Федерации – лицо, имеющее нарушения здоровья, которые вызывают необходимость социальной защиты вследствие ограничений жизнедеятельности, связанных с травмами, заболеваниями и/или дефектами*. При этом под ограничениями жизнедеятельности понимается утрата ряда функций, которыми обладает здоровый человек: осуществление самообслуживания, самостоятельное передвижение, возможность общаться, ориентация в пространстве, контроль своего поведения, обучаемость, осуществление трудовой и иной деятельности. Данная статья направлена на изучение того, какие меры принимают региональные власти по оказанию поддержки в интеграции в общество лицам с ограниченными возможностями.

Ключевые слова: лица с ограниченными возможностями; инвалиды; региональная политика; социальная политика; развитие

ANALYSIS OF REGIONAL POLICY IN SUPPORT OF PERSONS WITH DISABILITIES

Seidalin A.Z.,

*Student, Faculty of Public Administration and Financial Control,
Financial University,
Moscow, Russia
askhat-seidalin@rambler.ru*

* Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (ред. от 29.07.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019).

Abstract. According to the WHO “World Report on Disability 2011”, there are more than a billion people with disabilities worldwide. At the current stage of development of the social state in the Russian Federation, one of the most priority issues is to ensure socialisation, integration into society and comfortable living for people with disabilities. A disabled person, according to the legislation of the Russian Federation, is a person who has health disorders that cause the need for social protection due to life restrictions associated with injuries, diseases and/or defects. At the same time, the limitations of vital activity mean the loss of several functions possessed by a healthy person: self-service, independent movement, the ability to communicate, orientation in space, control of their behaviour, learning, employment and other activities. This article is aimed at studying the measures taken by the regional authorities to support the integration of persons with disabilities into society.

Keywords: persons with disabilities; regional policy; social policy; development

В Российской Федерации, по данным Федеральной службы государственной статистики, проживают практически 12 млн инвалидов, что составляет около 8% от общего населения Российской Федерации (<http://www.gks.ru/>).

При решении вышеперечисленных задач, несмотря на существование Федерального закона от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (последняя редакция), огромное значение имеет региональная политика, которая проводится в каждом отдельно взятом субъекте Российской Федерации. В качестве наиболее удачного примера, имеющего, однако, свои недостатки, рассмотрим город федерального значения — столицу Российской Федерации — Москву.

Спуститься в метро либо же подняться на поверхность без посторонней помощи человеку на инвалидном кресле практически невозможно, поскольку работающие там эскалаторы не предусматривают возможности установки на них такого кресла, а лифты существуют не на всех станциях.

Наиболее важными этапами интеграции людей с ограниченными возможностями в общество являются:

- возможность получения образования, как среднего, так и высшего;
- возможность найти рабочее место с оплатой труда не ниже средней заработной платы по региону и условиями для комфортного осуществления своих должностных обязанностей.

Стоит подчеркнуть, что под комфортными условиями следует понимать наличие в организации поручней, пандусов, лифтов, способных вместить инвалидное кресло, и специализированных рабочих мест.

И если получение образования для лиц с ограниченными возможностями сейчас стало гораздо доступнее во всех субъектах Российской Федерации, то поиск достойного места приложения труда все еще является проблемой во многих регионах в силу разнообразных факторов, среди которых непонимание того, что человек с ограниченными возможностями может быть достойным специалистом в своей области, и отсутствие региональных норм, регулирующих вопрос трудоустройства инвалидов.

В Москве существует развитый институт нормативно-правового обеспечения инвалидов рабочими местами. Так, согласно Закону г. Москвы от 22.12.2004 № 90 «О квотировании рабочих мест» (ред. от 30.04.2014) квотирование рабочих мест осуществляется в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами и иными законами г. Москвы. Для лиц с ограниченными возможностями квотирование осуществляется при условии того, что они признаны инвалидами федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы на условиях и в том порядке, который устанавливается Правительством Российской Федерации.

При этом выполнением квоты согласно ст. 2, ч. 3, п. 2 признается: «трудоустройство работодателем инвалидов, имеющих рекомендации к труду, подтвержденное заключением трудового договора, действие которого в текущем месяце составило не менее 15 дней»*.

Размер квоты для инвалидов составляет 2% от среднесписочной численности работников предприятия более 100 человек. Причем эта квота по Федеральному закону «О социальной защите инвалидов» может достигать 4%, однако в этом случае сокращается квота на прием молодежи, что тоже указано в законе субъекта.

Кроме того, в Москве действует интерактивный портал центра занятости населения, где существует возможность выбора особых категорий граждан, в том числе и инвалидов. В случае выбора данной категории будут показаны вакансии, претендовать на которые могут только лица с ограниченными возможностями. Это сильно облегчает поиск, так как сразу отбрасываются варианты, в которых работодатель не готов принять на работу инвалида по тем или иным причинам (труд связан с тяжелыми физическими нагрузками, требуется высокая стрессоустойчивость), и остаются лишь те вакансии, в которых заинтересованы обе стороны. Данный портал поддерживается правительством Москвы и регулярно обновляется, а его функционал направлен на максимальное удобство пользователей.

Помимо вышеуказанного портала, на территории Москвы активно действует городская организация, которая является подразделением Общероссийской общественной организации «Всероссийское общество инвалидов», одной из основных целей которой является «содействие инвалидам г. Москвы и Российской Федерации в реализации их законно установленных прав, льгот и преимуществ в получении медицинской помощи, образования, в трудоустройстве,

улучшении материальных, жилищных и бытовых условий жизни; в развитии творческих способностей, занятиях физической культурой и спортом» (<http://mgo-voi.ru/>).

Под комфортными условиями следует понимать наличие в организации поручней, пандусов, лифтов, способных вместить инвалидное кресло, и специализированных рабочих мест.

Существующие же недостатки имеют, скорее, технический характер. К примеру, спуститься в метро либо же подняться на поверхность без посторонней помощи человеку на инвалидном кресле практически невозможно, поскольку работающие там эскалаторы не предусматривают возможности установки на них такого кресла, а лифты существуют не на всех станциях, о чем можно узнать на официальном сайте московского метрополитена.

Таким образом, после проведенного анализа по вопросу поддержки людей с ограниченными возможностями в г. Москве можно констатировать, что политика в этой сфере является приоритетной и эффективной, хоть и имеет определенные недочеты. Однако не следует забывать о том, что Москва является одним из наиболее развитых регионов Российской Федерации по целому ряду показателей, таких как: ВРП, рейтинг инвестиционной привлекательности, рейтинг мэра и т.д. Проведение подобной политики в прочих регионах Российской Федерации улучшит положение лиц с ограниченными возможностями и позволит интегрировать их в общество по всей стране.

* Закон г. Москвы от 22.12.2004 № 90 «О квотировании рабочих мест».

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-3-106-109

УДК 711.4(045)

РАЗВИТИЕ АГЛОМЕРАЦИЙ КАК ПРИНЦИП ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА)

Лаффах Адам Майерович,

бакалавр политологии, Финансовый университет,

Москва, Россия

adamlaffakh@gmail.com

Аннотация. В ходе развития человечества формировались государства, где возникали поселения. Некоторые из них трансформировались в города, темпы развития которых побудили к созданию территориальных объединений, связанных единым центром развития, – городских агломераций. Они стали новым вызовом в условиях развития экономик отдельно взятых городов, где сосредотачивались основные рабочие места, а их создание – выгодным ресурсом для улучшения транспортной инфраструктуры и экономической стабильности. В последние десять лет данная тенденция получила распространение на территории Российской Федерации в рамках Москвы и Московской области как регионов, взаимосвязанных с точки зрения экономических, социальных и трудовых ресурсов, а также географического положения, что вызвало изменения в градостроительной политике сразу двух регионов. На сегодняшний день изучение городских агломераций представляется особенно актуальным, поскольку сейчас идет решающий этап формирования нового территориального деления, при котором жизненные реалии взаимодействуют с опытом градостроительства и территориального управления. В статье рассмотрено понятие «городская агломерация», сущность и порядок ее формирования, проанализирована возможность реализации агломераций как нового вида современной градостроительной политики. Также анализируется развитие Москвы и Московской области за период с 2011 г. по настоящее время и в дальнейшем – до 2025 г.

Ключевые слова: городские агломерации; концепция «точек роста»; градостроительная политика; территориальное развитие; Московский регион

DEVELOPMENT OF AGGLOMERATIONS AS A PRINCIPLE OF TERRITORIAL MANAGEMENT (ON THE EXAMPLE OF THE MOSCOW REGION)

Laffakh A.M.,

Bachelor of Political Science, Financial University,

Moscow, Russia

adamlaffakh@gmail.com

Abstract. During the development of humankind, there were settlements based on which states were formed. Some of the settlements were transformed into cities, the pace of development of which led to the creation of territorial associations connected by a single center of development – urban agglomerations. Relying on the world and domestic experience in the development of agglomerations, it follows that they are a new kind of territorial development. They have become a new challenge in the context of the development of the economies of individual cities, where the main jobs were concentrated, and their creation – a valuable resource for improving transport infrastructure and economic stability. In the last ten years, this trend has become widespread in the Russian Federation within Moscow and the Moscow region as regions interconnected in terms of economic, social and labour resources, as well as geographical location, which caused changes in the urban policy of the two regions. To date, the study

of urban agglomerations is particularly relevant, as there is a crucial stage in the formation of a new territorial division, in which the realities of life interact with the experience of urban planning and territorial administration. The article considers the concept of "urban agglomerations"; the definition and the order of its formation; analysed the possibilities of implementing "agglomerations" as a new kind of urban planning policy; also analysed the development of Moscow region in the period from 2011 till our days with further planning until 2025.

Keywords: urban agglomerations; concept "points of growth"; urban planning policy; territorial development; Moscow region

Формирование городских объединений играло весомую роль в развитии Российского государства. Этот процесс начался в XIX в., когда впервые стали складываться капиталистические отношения. Важнейшими из предпосылок к этому можно назвать индустриализацию, бурное железнодорожное строительство как важный элемент транспортной инфраструктуры и развитие только ведущих городов. К 1913 г. таковыми стали Санкт-Петербург, Москва, Одесса и Рига. Этому способствовало появление вокруг упомянутых городов фабричных и мануфактурных поселений. Так, рядом с Москвой появились такие города, как Балашиха, Орехово-Зуево, Мытищи.

Однако на тот момент существовала особенность, которая отделяла скопления мелких городов от более крупных и ведущих — цикл производства и последующей логистики завершался на них самих, что не позволяло начать маятниковые поездки между городами.

Согласно Е.Е. Шевилевой, в рамках системного подхода «агломерация» — не что иное, как «система, состоящая из совокупности поселений с интенсивными связями» [1, с. 364]. Жизнедеятельность населения там обеспечена и подчинена регулярным циклам социальных, трудовых, рекреационных культурно-бытовых процессов. Городская агломерация — это прежде всего совокупность близко расположенных городов, поселков и других населенных образований с тесными экономическими связями и постоянными маятниковыми миграциями по принципу «город-периферия».

Первый этап развития городских агломераций в России пришелся на начало 1920-х гг., когда происходил приток населения с целью восстановления экономики страны после революции 1917 г., а также Гражданской и Первой мировой войн. Максимальный пик развития агломерационных процессов произошел в 60-х гг. XX в. во время постепенного восстановления страны в послевоенный период.

Предполагается, что возникшие после бума 60-х гг. городские агломерации в России стали ос-

новой для социально-экономического роста страны, однако фактическое существование агломераций и их главные признаки практически не описаны. Согласно Е.А. Кац, для России это — «территориальная слаженность городских поселений, наличие города-ядра, кооперация ресурсов труда и производства населения, формирование контактов между внутренними поселениями» [2, с. 52].

Особенность российских агломераций — это «освоение и обустройство крупными городами обширных зон неблагоустроенной сельской местности с организацией производства или промышленной переработки сельскохозяйственной продукции» [3, с. 125].

Как указывается в статье «Городская агломерация: старое название — новое содержание», трансформацию российских городских агломераций следует делить на 4 этапа:

1. «Индустриальный» этап — промышленное производство является базовой функцией, а единого рынка труда нет. Взаимосвязь основана на производственной кооперации и родственных узлах — Иркутск и Ангарск.

2. «Трансформация» — возникновение центростремительной маятниковой миграции, единого и емкого рынка труда — Вологда и Череповец, Ростов-на-Дону, Екатеринбург.

3. «Динамичная» агломерация — распределение недвижимости, производства, центров развлечений на соседние города по принципу «центр-периферия», единая и связанная городская агломерация — Санкт-Петербург.

4. «Развитая постиндустриальная» агломерация — развитие «хорд» между центром и периферией в виде областных подцентров [4].

Исходя из этих рассуждений, необходимо установить конкретные периоды. Образование Иркутской агломерации как индустриальной началось в 70-х гг. XX в., однако основной этап пришелся на 80-е гг., когда возникла необходимость в территориях для строительства жилья и производственной инфраструктуры в связи с близостью к Транссибирской магистрали. С конца 80-х по начало 90-х гг.

происходит трансформация «социально-экономической системы страны» [4]. В 90-х гг. XX в. сфера услуг заняла центральное положение в России, став перспективным направлением для увеличения количества рабочих мест, уменьшения числа безработных, а также установления более высокого уровня доходов населения. Наиболее активными в этом смысле стали центральные районы крупных городов, таких как Москва и Санкт-Петербург. В период конца 80-х — середины 90-х гг. XX в. происходила «маятниковая миграция».

В это же время возник еще один немаловажный аспект — влияние на регион. Москва оказалась под давлением извне, когда развитие происходило не по желанию инвесторов и населения, а позитивный имидж региона формировался за счет решения накопившихся проблем.

Начало поиска решений в области развития столицы было положено еще в 1935 г. А в 1971 г. сформирован документ о развитии столицы на период до 1990 г., где также был отражен долгосрочный прогноз до 2000 г. и определены зоны развития в пределах Московской автомобильной дороги и перспективные пригородные территории для расширения границ города.

Это дало весомый толчок к тому, что в период с 1997 по 1999 г. Комитет по архитектуре и градостроительству г. Москвы вел усиленную разработку проекта Генерального плана строительства на основании постановления Правительства Москвы от 06.08.1996 № 654 «О ходе реализации основных направлений градостроительного развития Москвы на период до 2010 года». В итоге в соответствии с Законом города Москвы «О составе, порядке разработки и принятии Генерального плана развития города Москвы» был разработан проект Генерального плана развития и реконструкции Москвы на период до 2020 года, где были учтены самые последние достижения градостроительства, а также определены перспективы развития города в XXI в.

План реконструкции города имел главную цель — сделать Москву городом, удобным для горожан, обеспечив безопасность, комфорт, качественную транспортную сеть, инженерно-технические коммуникации и их последующее обслуживание. В 2005 г. Правительство Москвы приняло решение о начале работ по актуализации Генерального плана на период до 2025 г. Это было связано в первую очередь с тем, что первоочередные мероприятия Генерального плана 1999 г. уже были выполнены.

Согласно новому Плану Москва была разделена на зоны, которые обозначались как «реорганиза-

ционные» и «стабилизационные». В зонах стабилизации должен был проводиться только капитальный ремонт, а реорганизация подразумевала снос старых домов с последующим возведением новых. По-прежнему в приоритете остаются производственные территории, которые располагаются внутри города. Основная часть Генерального плана развития Москвы до 2025 года подразумевает создание зон общественно-деловой и административной деятельности с сопутствующим развитием скоростного транспорта в центре города.

Главным пунктом в Генеральном плане развития Москвы до 2025 года стало расширение границ Москвы. До 2012 г. очертания города представляли собой почти ровный круг, однако развитие пригородной инфраструктуры побудило к пересмотру границ, что привело к добавлению новых административных округов: Новомосковского и Троицкого.

Основным принципом развития Москвы является полицентричность. Сдерживающим фактором в этом смысле является «маятниковая миграция» — эффект, когда люди, проживая в спальных районах, перемещаются в центр города для осуществления своей трудовой деятельности. Чтобы развитие города происходило более эффективно, необходимо существование большего количества центров занятости, которые бы охватывали не только старую Москву, но и новую — Большую.

«Большая Москва» включает в себя города, находящиеся территориально и юридически на территории Московской области, которые непосредственно связаны со столицей, а пассажиропоток из них с целью работы в Москве достаточно высок: Одинцово, Красногорск, Химки, Лобня, Королев, Балашиха, Люберцы, Видное и поселок Внуково.

С увеличением территорий было решено создать новые точки роста в Новой Москве. Всего их станет 12 на территории Троицкого и Новомосковского административных округов: бизнес-парк «Румянцево»; поселки Мосрентген, Коммунарка, Внуково, Киевский, Щапово, Рогово; деревни Рязаново, Ярцево; город Троицк; села Вороново и Кленово (<https://stroj.mos.ru/new-moscow/12-tochek-rostanovoi-moskvy?from=cl>).

Эти территории изменят не только инфраструктурную загруженность «старой» Москвы, но и дадут новые места работы и жилье большому числу жителей Москвы.

Самым главным фактором, который способствует скорому объединению, является развитие транспортной инфраструктуры. Транспортная сеть Новой Москвы продолжает развиваться, а в Гене-

ральный план развития Москвы до 2025 года уже закладываются новые этапы соединения. Основным из них является создание московских центральных диаметров (МЦД).

Реализуемый на данный момент проект ведет к объединению пригородных электричек в единую сеть. На сегодняшний день внутри Москвы достаточное количество железнодорожных путей, и большинство из них соединены между собой, однако во многих случаях они задействованы только поездами дальнего следования и товарными. Правительство Москвы в лице Департамента строительства совместно с ПАО «РЖД» запланировало создание 7 наземных направлений, среди которых к 2019 г. предполагается открыть «Одинцово-Лобня» и «Нахабино-Подольск».

Строительство МЦД позволит увеличить количество рабочих мест в городах Московской области, находящихся на диаметрах. Исключение маятниковой миграции из периферии в центр даст стимул для перехода на многоцентрическую схему абсолютно во всех городах вокруг мегаполиса. Данная возможность в совокупности с доступностью транспортной инфраструктуры позволит объединить большую часть территорий, как это произошло в 2011–2012 гг. по решению Совета Федерации в рамках проекта по расширению территории Москвы.

Какие угрозы может принести объединение? Мгновенный рост территории Московского региона способен привести к управленческому коллапсу, когда произойдет фактическое смещение большинства управляющих органов и они будут объединены в одно единственное управление. Другими

словами, если при существовании Московской области и Москвы было два арбитражных суда, два правительства, а также множество двойственных административных департаментов, то при создании Московской агломерации дублирование исчезнет, а большая часть нагрузки окажется на Москве. Особенно остро это коснется Арбитражного суда и административных департаментов, задачи которых удвоятся при наличии действующей загруженности уже сейчас.

Резюмируя проведенные исследования в области градостроительной политики двух субъектов Российской Федерации — Москвы и Московской области — необходимо отметить, что проект создания Московской агломерации является перспективным. Создание единого пространства не имеет конкретных сроков, а также условий, так как существуют недостатки, влияющие на реализацию проекта. Генеральный план развития Москвы до 2025 года, а также последующие, не закладывают «фундамент» под данное объединение и в первую очередь нацелены непосредственно на развитие столицы, а также разрешение сопутствующих вызовов в области социальной и экономической политики.

Тем не менее проект Московской агломерации имеет весомые перспективы в реализации. Основной стратегией является создание транспортной инфраструктуры и дорожной системы, а кроме того — возможность преобразования всего Московского региона в территорию смешанного типа, когда города и поселения будут использоваться для проживания, обучения и работы без необходимого трансфера в соседствующий субъект.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шевилева Е.Е. Система регулирования агломерационных процессов: Россия и Западная Европа. *Проблемы современной экономики*. 2012;(2):364–367.
2. Кац А.Е. Агломерации: новые возможности развития городов. *Проблемы экономики и менеджмента*. 2015;5(45):51–52.
3. Малеева Т.В., Селютин Л.Г. Перспективы развития агломераций в России. *Теория и практика общественного развития*. 2014;(10):124–126.
4. Бозе Э.Ю. Городская агломерация: старое название — новое содержание. *Российское Экспертное Обозрение*. 2007;(4–5):13–16.

REFERENCES

1. Shevileva E.E. System of agglomeration processes regulation: Russia and Western Europe. *Problemy sovremennoi ekonomiki*. 2012;(2):364–367. (In Russ.).
2. Katz A.E. Agglomeration: new opportunities for urban development. *Problemy ekonomiki i menedzhmenta*. 2015;5(45):51–52. (In Russ.).
3. Maleeva T.V., Selyutina L.G. Prospects of development of agglomerations in Russia. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2014;(10):124–126. (In Russ.).
4. Bose E.Yu. Urban agglomeration: old name — new content. *Rossiiskoe Ekspertnoe Obozrenie*. 2007;(4–5):13–16. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-3-110-113

УДК 323.2(045)

ИЕРАРХИЯ ЭЛИТНЫХ СООБЩЕСТВ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЫ: РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ

Груздев Владислав Евгеньевич,

бакалавр политологии,

Финансовый университет,

Москва, Россия

wladgru@mail.ru

Аннотация. В настоящий момент элитные сообщества Украины представлены крупными финансово-промышленными олигархическими группировками, в распоряжении которых имеются различные ресурсы. По мнению российского политолога В. Гельмана, процесс формирования украинской элиты начался еще в период существования СССР, когда советское централизованное руководство, исходя из промышленно-экономической специфики управления, создало предпосылки для последующего образования кланов в различных регионах страны [1]. Цель данной работы – рассмотреть украинские элитные сообщества в контексте имеющихся финансово-экономических и информационно-политических резервов отдельных олигархических группировок. На основании приведенного материала автор делает вывод о сложившейся конъюнктуре в иерархии элитных сообществ страны.

Ключевые слова: ресурсы; олигарх; Украина; элиты; элитные сообщества

THE HIERARCHY OF THE ELITE COMMUNITIES OF MODERN UKRAINE: THE RESOURCE POTENTIAL AND POLITICAL INFLUENCE

Gruzdev V.E.,

Bachelor of Political Science,

Financial University, Moscow, Russia

wladgru@mail.ru

Abstract. At the moment, the elite communities of Ukraine are represented by large financial and industrial oligarchic groups, which have various resources at their disposal. According to the Russian political scientist V. Gelman, the process of formation of the Ukrainian elite began in the period of existence of the USSR, when the Soviet centralized leadership, based on the industrial and economic specifics of management, created the prerequisites for the subsequent formation of clans in different regions of the country [1]. The purpose of this work is to consider the Ukrainian elite communities in the context of the existing financial, economic, information, and political reserves of individual oligarchic groups. Based on the disposable material, the author concludes about the current situation in the hierarchy of elite communities of the country.

Keywords: resources; oligarch; Ukraine; elites; elite communities

В настоящий момент элитные сообщества Украины условно представлены следующими олигархическими группировками: Донецкой (Р. Ахметов, В. Новинский, Е. Звягельский), Днепропетровской (И. Коломойский, Г. Боголюбов, В. Пинчук, Ю. Тимошенко, В. Хомутынник), Харьковской (А. Аваков, И. Котвицкий), Киевской (С. Левочкин, Ю. Бойко, В. Медведчук) и др. Степень их влияния и ресурсного потенциала определяется по следующим критериям:

- политическая сила в парламенте;
- административный ресурс;
- контроль в экономическом секторе;
- информационный ресурс в виде телеканалов;
- электоральная поддержка.

Рассмотрим их позиции более подробно.

На сегодняшний день депутаты Верховной Рады Украины продолжают отстаивать интересы местных олигархических группировок. Так, парламентарии из «Оппозиционного блока — партии мира и развития» и «Радикальной партии Олега Ляшко» представляют донецкую группировку. Интересы же днепропетровского клана отстаивают члены фракции ВО «Батькивщина», «Возрождение», внефракционные депутаты и небольшое количество мажоритарщиков из блоков «БПП» и «Народный Фронт». Харьковское сообщество представлено четырьмя избранными из «Народного Фронта». Киевская группировка опирается, прежде всего, на депутатов из «Оппозиционной платформы — за жизнь» и некоторых членов «БПП» [2].

В контексте контроля ключевых государственных должностей наиболее благоприятная обстановка сложилась для представителей днепропетровского клана. Победа В. Зеленского на выборах президента Украины сформирует новую конъюнктуру, необходимую для возвращения утраченных в ходе президентства П. Порошенко позиций. Здесь немаловажную роль играли представители харьковской группировки в лице министра внутренних дел А. Авакова, находившегося на тот момент в прямой конфронтации с П. Порошенко [3]. Однако данное обстоятельство негативно сказалось на интересах донецкого сообщества, а именно на полной утрате ими административного влияния в лице П. Порошенко и его команды, обеспечивающей экономические интересы Р. Ахметова и его партнеров на уровне СБУ, ВСУ, ГПУ (генераль-

ная прокуратура), НАБУ (антикоррупционный комитет) и АМКУ (антимонопольный комитет). Президентство П. Порошенко принесло большие экономические дивиденды для донецкого клана и создало проблемы для днепропетровского (http://project.liga.net/projects/3_goda_poroshenko/).

Так, на сегодняшний день под контролем донецкой группировки (через холдинг «СКМ» Р. Ахметова) — более 80% тепловой энергогенерации; около 75% добычи угля и свыше 35% распределительных мощностей облэнерго, а также 15% энергосетей Украины. В данном случае донецкий клан фактически монополизировал импорт и экспорт электроэнергии, добычу угля, производство электроэнергии и тепла на ТЭС, а также распределение электричества. Более того, в 2016 г. командой П. Порошенко была принята новая формула расчета стоимости тепловой энергии «Роттердам+» с целью восполнить убытки компании Р. Ахметова в связи с потерей крупных угледобывающих шахт на Донбассе. Однако данные потери были условными, так как сам олигарх через бежавшего в 2014 г. из Украины С. Курченко и главу компании «ВнешТоргСервис» В. Пашкова продолжал контролировать работу своих предприятий на территории новообразованных республик — ДНР и ЛНР. Иначе говоря, система «Роттердам+» предполагала открытие новых финансовых поступлений, как для Р. Ахметова, заручившегося поддержкой президента, так и для П. Порошенко. Во многом это сыграло немаловажную роль в формировании тандема Порошенко-Ахметов как представителей киевской и донецкой группировок, действующих против днепропетровского и харьковского кланов. Во многом созданию данной коалиции способствовали события 2014–2015 гг., когда И. Коломойский, пользуясь моментом уменьшения влияния донецкого клана, начал проводить политику рейдерского захвата части предприятий и делать заявления, направленные против Р. Ахметова. В ответ на эти действия П. Порошенко лишил И. Коломойского некоторых преференций, национализировав крупный актив днепропетровского клана «ПриватБанк» и реформировал систему собрания акционеров «УкрНафта» в пользу государства. Однако, несмотря на это, в собственности И. Коломойского и его бизнес-партнеров Г. Боголюбова и В. Пинчука остается ряд важных предприя-

тий-монополий: 3 ферросплавных завода, 40% акций «УкраНафта», огромная сеть заправок, два горно-обогадительных комбината, крупный авиаперевозчик «МАИ» и крупнейшая в стране частная нефтегазовая компания «УкрНефтеБурение». Представители же харьковских и киевских кланов не могут похвастаться таким потенциалом. Однако в распоряжении киевской группировки находится сфера поставок газа в Украину через офшорные европейские компании и монопольное распределение газа и электроэнергии, а в распоряжении харьковской — ограниченная добыча газа (http://project.liga.net/projects/3_goda_poroshenko/).

На сегодняшний день под контролем донецкой группировки (через холдинг «СКМ» Р.Ахметова) — более 80% тепловой энергогенерации; около 75% добычи угля и свыше 35% распределительных мощностей облэнерго, а также 15% энергосетей Украины.

В системе информационного вещания особую роль занимают популярные телеканалы. Так, донецкая группировка через активы Р. Ахметова контролирует канал «Украина», занимающий 1-е место по общему охвату аудитории. Далее по рейтингу следуют каналы днепропетровского клана: «1+1» И. Коломойского, «СТБ», «ICTV» и «Новый канал» В. Пинчука, занимая соответственно, 2-, 3-, 5- и 6-е места в рейтинге. Замыкают рейтинг телеканалы, принадлежащие киевской группировке: «ИНТЕР» Д. Фирташа, «112» и «NEWSONE» В. Медведчука. Данные телеканалы, пользуясь огромной популярностью среди населения и охватывая различные социальные слои, формируют необходимый для олигархов общественно-политический дискурс [4]. Так, например, в ходе предвыборной кампании в феврале и марте 2019 г. на телевизионных каналах «112» и «NEWSONE» активно раскручивался образ кандидата в президенты Юрия Бойко. В результате использования данного ресурса Ю. Бойко набрал более 10%

голосов, в основном среди жителей Донбасса, заняв 4-е место в первом туре голосования, незначительно уступая Ю. Тимошенко и П. Порошенко. Касаясь темы выборов и Ю. Бойко как представителя киевской группировки, следует отметить, что на протяжении длительного времени широкой электоральной поддержкой в Украине пользовались кандидаты и партии двух кланов: донецкого и днепропетровского. И если донецкая группировка в вопросе выборов традиционно опиралась, прежде всего, на консервативное население Юго-Восточных областей страны, то днепропетровская искала поддержку среди прозападно-ориентированного электората. Однако по результатам первого тура выборов президента Украины в 2019 г. на политическую арену вступили представители киевской группировки в лице кандидата Ю. Бойко, полностью опираясь при этом на электорат Донбасса. Отсюда следует, что традиционная дихотомия принадлежности кандидатов полностью нивелирована, а донецкий клан в лице А. Вилкула на президентских выборах с небольшим процентом голосов полностью исчерпал политический потенциал из-за разрыва отношений с киевской группировкой ради независимости. Таким образом, на основании результатов выборов можно сделать вывод, согласно которому победа представителя днепропетровского клана В. Зеленского как символа консенсуса внутри клана изменила сложившуюся после 2014 г. конъюнктуру.

В заключение на основании вышеприведенной информации следует отметить, что сформированная во время президентства П. Порошенко конъюнктура будет коренным образом подвергнута радикальным преобразованиям новым президентом страны В. Зеленским как представителем днепропетровского элитного сообщества. Это предположение уже достаточно сильно меняет официальную расстановку сил на политической арене. И, несмотря на тот факт, что донецкое элитное сообщество располагает крупными финансово-экономическими и информационными ресурсами, это не станет залогом его собственной безопасности, как в свое время не стало залогом невмешательства со стороны команды Порошенко для И. Коломойского и его главных активов. Харьковская группировка выступила союзником днепропетровского клана в деле противостояния с П. Порошенко. Донецкий клан, как и киевский, в основном среди жителей Донбасса,

евский, напротив, утратил рычаги влияния на государственную систему, лишившись прямой поддержки президента, а следовательно, и гарантии неприкосновенности активов и различных ресурсов. Теперь, когда расстановка международных и внутривластных сил оказалась в пользу днепропетровского сообщества, финансово-экономические и информационные ресурсы донецкой группировки уже мало что могут решить. Отсюда возникает потребность в консенсусе и компромиссе на основе значительных уступок в обмен на гарантию безопасности. Иерархия элитных

сообществ при этом выглядит следующим образом: на 1-м месте — днепропетровский клан, обладающий значительным информационным (5 популярных телеканалов), экономически развитым (монополии значимых предприятий) и политико-административным (партии в ВР) потенциалом. Следом идет донецкое элитное сообщество, ожидающее дальнейших событий, несмотря на внушительные экономические ресурсы. Далее следуют набирающая силу киевская группировка с политическим весом в лице Ю. Бойко и ждущая своего расцвета харьковская группа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гельман В.Я. Украина: фрагментированное пространство. СССР после распада. Маргания О.Л., ред. СПб.: Экономическая школа; 2007.
2. Бердинских К. Депутатский расклад. Каким олигархам и политикам подконтрольны народные избранники в Раде. URL: <https://nv.ua/publications/kakie-politiki-i-biznesmeny-vliyayut-na-resheniya-narodnyh-izbrannikov-v-rade-49044.html>.
3. Ляшевская Е. Порошенко vs Аваков: Как и почему ухудшаются отношения между президентом и главой МВД. URL: <https://112.ua/politika/poroshenko-vs-avakov-kak-i-pochemu-uhudshayutsya-otnosheniya-mezhdu-prezidentom-i-glavoy-mvd-414286.html>.
4. Червоненко В. ТВ-карта Украины: кто с чем подходит к выборам. URL: <https://www.bbc.com/ukrainian/features-russian-41112484>.

REFERENCES

1. Gelman V. Ya. Ukraine: fragmented space. In USSR after the collapse. Margania O. L., ed. St. Petersburg: School of Economics; 2007:75–140.
2. Berdinsky K. Deputy alignment. What oligarchs and politicians are controlled by the people's deputies in the Rada. New time: information and analytical portal. URL: <https://nv.ua/publications/kakie-politiki-i-biznesmeny-vliyayut-na-resheniya-narodnyh-izbrannikov-v-rade-49044.html>.
3. Lyashevskaya E. Poroshenko vs Avakov: How and why relations between the President and the head of the Ministry of the Interior deteriorate. 112.UA: information and analytical portal. URL: <https://112.ua/politika/poroshenko-vs-avakov-kak-i-pochemu-uhudshayutsya-otnosheniya-mezhdu-prezidentom-i-glavoy-mvd-414286.html>.
4. Chervonenko V. TV-map of Ukraine: Who is suitable for the election. BBC Ukraine: Information and analytical portal. URL: <https://www.bbc.com/ukrainian/features-russian-41112484>.

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-3-114-118
УДК 316.723(045)

ГИК-КУЛЬТУРА КАК НОВЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Владимиров Иван Андреевич,

студент 3-курса бакалавриата факультета социологии и политологии,
Финансовый университет, Москва, Россия
vladim.ivan@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты анализа гик-культуры как молодежного социокультурного феномена современного российского общества. Особое внимание было уделено идеям Элвина Тоффлера, который выявил тенденции дробления общества на миникультуры, превращающиеся со временем в субкультуры. Новые современные субкультурные объединения уже не пытаются обособиться от всеобщего культурного пространства, а стремятся интегрироваться в мировое культурное пространство. В результате формируются своеобразные суперсубкультуры. Одной из таких субкультур является гик-культура, активно развивающаяся как в западном, так и в российском обществах. Эмпирической базой исследования послужили исследования Б. Сэттлса на базе социальной сети "Twitter". Особенностью работы является то, что автор дает собственное определение гик-культуры и описывает ее ключевые составляющие, основываясь на материалах эмпирических исследований.

Ключевые слова: гик-культура; гики; субкультура; молодежь; суперсубкультура; социокультурный феномен; информационное общество; глобализация; видеоигры; комиксы; косплей

THE GEEK-CULTURE AS THE NEW YOUTH SOCIOCULTURAL PHENOMENON OF CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY

Vladimirov I. A.

3rd-year bachelor course student, Faculty of Sociology and Political Science,
Financial University, Moscow, Russia
vladim.ivan@mail.ru

Abstract. The article presents the results of the analysis of geek-culture as a youth sociocultural phenomenon of contemporary Russian society. The author paid special attention to the ideas of Alvin Toffler, who revealed the trend of fragmentation of society into mini-cultures that eventually turn into subcultures. New modern subcultural associations do not try to isolate themselves from the universal cultural space. They seek to integrate into the world cultural space. The result is the formation of super-subcultures. One of such super-subcultures is the geek-culture, which is actively developing both in Western and Russian societies. The empirical base of the study was the results of B. Sattles' research, based on data of the social network "Twitter". The author paid attention to social and journalistic interpretation of this phenomenon. The peculiarity of the work is the author's definition of geek-culture and specification of its key constituent elements, based on empirical research.

Keywords: geek-culture; geek; subculture; youth; super-subculture; sociocultural phenomenon; information society; globalization; video games; comics; cosplay

ТРАНСФОРМАЦИЯ СУБКУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В современном трансформирующемся обществе существует большое количество различных субкультур, которые объединяют людей в зависимости от вида их деятельности или увлечений. Практически каждый день появляются новые субкультурные объединения, одни из которых активно расширяются и привлекают к себе все новых последователей, другие же достаточно быстро прекращают свое существование, так и не обретя широкого круга единомышленников.

Данные процессы характерны именно для информационного общества, являясь следствием массового производства и глобализации. Даже само понятие «субкультура» в научном обороте появилось только в XX в., где приставка «суб» означает нахождение под чем-то, т. е. субкультура — это подкультура, некая ее небольшая, но специфическая часть.

Субкультуру рассматривают также в контексте общества потребления. В данном случае она является своеобразной реакцией на массовую культуру общества, попыткой противостоять ее влиянию. Известный футуролог Э. Тоффлер говорил о воздействии супериндустриальной революции на культуру.

Современное общество все больше раскалывается на миникультуры, которые стремительно увеличиваются и со временем превращаются в субкультуры. Растет количество профессиональных субкультур в связи со все большей специализацией труда и делением социальной структуры общества на новые сегменты, а также субкультур в сфере досуга и развлечений.

Количество субкультур в обществе влияет на уровень свободы личности, предоставляя ей возможность выбирать их самостоятельно. Исследователи полагают, что огромное количество субкультур и свобода в их выборе приведут к тому, что человечество станет многообразнее, а разнообразный стиль жизни будет поощряться другими членами общества. [1]. В результате каждая личность будет способна найти тот стиль и образ жизни, который ее наиболее комфортно, выбирая наиболее подходящие ей социальные группы.

Интернет, в свою очередь, оказывает значительное влияние на все культурное пространство современного общества. В результате происходит трансформация каналов взаимо-

связи и взаимодействия в обществе: сегодня источником трансляции ценностей и образа жизни все больше становятся средства массовой информации и реклама [2]. Следовательно, меняются условия существования мировоззренческих субкультур.

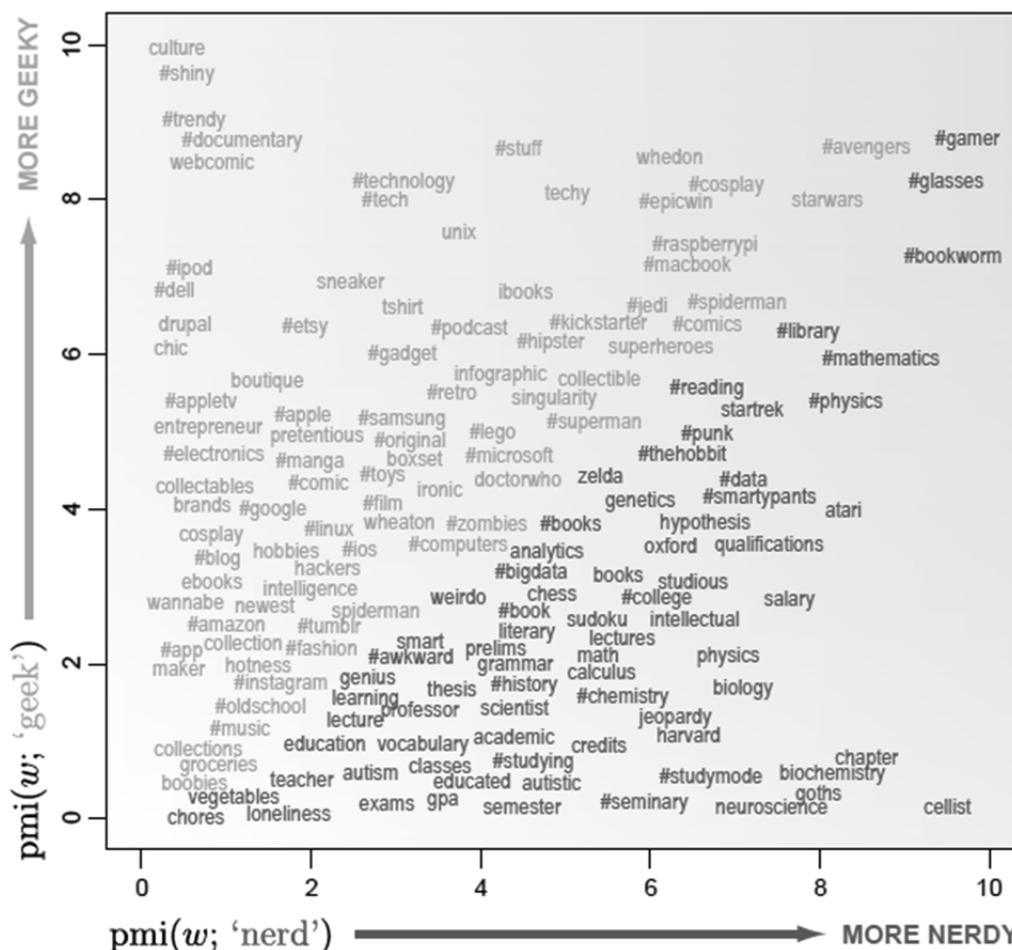
В связи с растущей информатизацией и глобализацией общества на передний план выходят ранее неизвестные и малочисленные субкультуры. Однако им приходится интегрироваться в более крупные объединения с тем, чтобы набрать устойчивую базу поклонников. Новые субкультурные объединения уже не пытаются обособиться от всеобщего культурного пространства, но и не включаются в глобальную культуру. Такие крупные субкультурные объединения становятся суперсубкультурами, выполняя функцию интеграции малых субкультур.

По мнению отечественного культуролога Е. А. Андреева, одной из двух суперсубкультур в современном обществе является гик-культура [3, 4], другой же выступает глэм-культура. При этом рассматривается возможность выделения третьей суперсубкультуры, названной нуль-культурой. Каждая из данных суперсубкультур является новым, малоизученным явлением. Отсюда возникает необходимость выработки определенного подхода к изучению данных социокультурных явлений.

ГИК-КУЛЬТУРА И ГИКИ

Начало XXI в. стало временем гик-культуры, что определяется развитием цифровых технологий и повышенным интересом к виртуальной реальности. Вышедший в 2007 г. сериал “The Big Bang Theory” (<http://www.nydailynews.com/entertainment/tv-movies/cbs-big-bang-theory-reaches-tv-plateau-article-1.1204629>) подтвердил популярность гик-культуры, так как главный герой представляет собой и «ботана», и фаната, и чудака. С 2009 г. в Германии проходит гик-фестиваль-выставка “Gamescom” (<http://www.gamescom-cologne.com/gamescom/index-9.php>), которую в 2017 г. открыла канцлер Ангела Меркель.

Стоит также отметить, что изначально термин «гик» использовался для обозначения подрастающего изгоя в школе, который обычно носит очки, разбирается в компьютерах и любит комиксы [5] (в русском языке синонимом является термин «ботан»). Согласно Оксфордскому



Статистический разброс слов, коррелирующих с понятиями “Geek” и “Nerd” / Statistical spread of words correlating with the concepts of “Geek” and “Nerd”

словарю гик — это слово для обозначения как лица, выпадающего из социальной реальности, так и умного, увлеченного чем-то человека (<http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/geek>). Данное определение является достаточно размытым и дает возможности для различных интерпретаций. С развитием технологий и их распространением гиками стали называться люди, которые разбираются в современных технологиях, используя их потенциал в полном объеме. Этих людей сегодня можно назвать техно-гиками, так как они следят за различными техническими новинками и могут обладать профессиональными знаниями в области информационной безопасности, программирования и компьютерных наук в целом.

Е. А. Андреев выделяет следующие особенности гик-культуры [6]:

1. Максимальная степень концентрации на предмете своего интереса и владение пра-

ктическими (или академическими) навыками работы.

2. Высокий уровень технических компетенций и, как следствие, особое внимание к техническим инновациям.

3. Коллекционирование материальных артефактов, связанных с предметом увлечения.

4. Стремление к обладанию оригинальной версией продукта и рядом других.

Тем самым к гикам можно отнести следующие группы людей: геймеров, косплееров, поклонников комиксов, членов фэндомов, техно-гиков, ретрогеймеров, отаку и др. [3].

Е. А. Андреев дает следующее определение последователя гик-культуры: «Гик (от англ. geek) — это предельно увлеченный своим хобби человек, прекрасно разбирающийся во всех аспектах предмета своих увлечений и сам креативно участвующий в формировании субкультуры, связанной с предметом его увлечений» [6]. По мнению автора, данное определение

является узким, так как сводит гиков до группы лиц, которые являются профессионалами своего увлечения и при этом активно создают новый продукт. В результате к гикам перестают относиться лица, которые могут не создавать новый продукт в рамках своего увлечения, но быть фанатами видеоигр и фильмов про супергероев.

Для уточнения определения этого феномена необходимо выделить отличительные черты гик-культуры. С данной целью обратимся к особенностям английского языка, поскольку наряду с термином “geek” там существует и пришедшее из США понятие “nerd”, отличающееся по своему значению в английском языке, но имеющее одинаковую с “geek” коннотацию в русском языке.

Для разграничения данных понятий и определения контекста их употребления инженером Б. Сэттлсом было проведено исследование в социальной сети Twitter. Он изучил систему хэштегов, на базе которых построил диаграмму (см. рисунок), где приведены различные слова и частота их употребления со словами “geek” и “nerd” (<https://slackprop.wordpress.com/2013/06/03/on-geek-versus-nerd>).

Как видно из диаграммы, со словом «гик», чаще всего употребляются слова, связанные с индустрией развлечений (“film”, “comic”, “stuff”, “cosplay”, “whedon”, “manga”) и технологиями (“tech”, “gadget”, “apple”). В свою очередь, «нерд» связан не только с развлечениями, но и с наукой, и умственной деятельностью (“intellectual”, “mathematics”, “physics”, “college”, “oxford”). Также стоит отметить, что данные слова в равной мере ассоциируются с проявлениями игровой индустрии (“gamer”, “zelda”) и с книгами (“library”, “reading”, “books”), что является общим для гиков и нердов.

ГИК-КУЛЬТУРА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ В РОССИИ

В результате исследования различных подходов к субкультурам как социальному явлению, анализа особенностей современного общества, выделению отличительных особенностей понятия “geek” автором было сформулировано видение гик-культуры.

Гик-культура — это совокупность молодежных субкультур информационного общества, отличительной особенностью которых явля-

ется увлеченность виртуальными мирами, что становится существенной особенностью образа жизни ее последователей и их самоидентификации. При этом стоит понимать, что данное явление объединяет людей по всему миру, не требует соблюдения жестких требований, а также является полностью открытым для новых членов.

Развитие гик-культуры тесно связано с развитием индустрии видеоигр, комиксов, настольных игр, супергеройских фильмов и ужастиков, японских аниме и манги. Самой распространенной демонстративной формой гик-культуры является киберспорт (спортивные турниры по видеоиграм) и косплей (переодевание в различные костюмы и отыгрывание определенных черт персонажей гик-культуры).

В современной России гик-культура активно развивается. Например, прошедший 2018 г. оказался наполнен различными событиями, связанными с ней. В марте была открыта киберспортивная арена в центре Москвы на 1000 кв.м. 30 апреля прошел первый московский фестиваль косплей-культуры “Cosplay Star” (<https://cosplaystar.ru>). А ежегодный гик-фестиваль “Comic Con Russia” в «Крокус Экспо», проводимый с 2014 г. вместе с «Игромиром», посетили почти 200 тысяч человек в 2018 г. Также в 2018 г. впервые произошел набор на бакалавриат по профилю «комикс» в НИУ «Высшая школа экономики» (<http://design.hse.ru/ba/comics>).

Уже в начале 2019 г. подтвердился массовый интерес к гик-культуре среди российского населения. В 2018 г. издательской дом «Игромедиа» решил прекратить выпуск культового российского гик-журнала «Мир фантастики», издаваемого с 2003 г. Однако отечественный издатель настольных игр Hobby World выкупил права на издание данного журнала и запустил краудфандинговую компанию на выпуск первого в 2019 г. номера журнала. В результате было собрано свыше 5 млн руб. «народного финансирования» (<https://crowdpublic.ru/project/1015237/Mir-fantastiki-podpiska-navozrozhdyonnyu-zhurnal>).

Таким образом, гик-культура является относительно новым социокультурным явлением в глобальном мире, которое в перспективе может затронуть не только практику досугово-развлекательной сферы жизнедеятельности людей, но и стать объектом серьезного научного интереса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тоффлер Э. Шок будущего. Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ»; 2002. 557 с.
2. Брушкова Л.А. Социальная реклама как средство репрезентации ценностей здорового образа жизни в российском обществе *Социодинамика*. 2018;(2):1–13.
3. Андреев Е.А., Тузовский И.Д. Гик-, глэм- и нуль-культуры как суперсубкультуры цифровой эпохи. *Вестник АГУ. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*. 2017;4(209):268–273.
4. Андреев Е.А., Тузовский И.Д. Гик-комьюнити как суперсубкультура. *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств*. 2017;(3):22–27.
5. Филиппова О.В. Языковые реалии как вербальное выражение специфических черт национальных культур. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2009;1(3):196–201.
6. Андреев Е.А. Формирование и уровень развития гик-культуры настольных игр в России. *Вестник культуры и искусств*. 2017;2(59):115–121.

REFERENCES

1. Toffler A. Future Shock. Moscow: ACT Publishing House; 2002. 557 p. (In Russ.).
2. Brushkova L.A. Social advertising as means of representation of values of a healthy lifestyle in Russian society. *Sotsiodinamika*. 2018;(2):1–13. (In Russ.).
3. Andreyev E. A., Tuzovsky I. D. The geek-, glem- and zero-culture as super-subcultures of a digital era. *Vestnik AGU. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*. 2017;4(209):268–273. (In Russ.).
4. Andreyev E.A., Tuzovsky I.D. Geek community as super-subculture. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 2017;(3):22–27. (In Russ.).
5. Filippova O.V. Language realities as verbal expression of peculiar features of national cultures. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2009;1(3):196–201. (In Russ.).
6. Andreyev E.A. Formation and the development level of the geek culture of board games in Russia. *Vestnik kul'tury i iskusstv*. 2017;2(59):115–121. (In Russ.).